ИЗБОРСКИЙ КЛУБ. РУССКИЕ СТРАТЕГИИ. № 8(64), 2018

Изборский клуб

русские стратегии

№ 8(64), 2018

Александр ПРОХАНОВ: «В поисках Русской мечты»

«Сегодня, сберегая Родину, сберегая себя самоё, пусть власть обратится к Русской мечте, к высшему смыслу, который, будучи провозглашён, начнёт приводить в гармонию тот хаос, в котором мы сегодня пребываем.

Русская мечта — вот идеология государства Российского. Вот цель наших духовных исканий. Русская мечта рядом. Протяни руку — и достанешь её. Но едва коснёшься — она улетит в грядущее. Эта таинственная мечта, это русское чудо даны в сбережение мистическому народу».

Александр ПРОХАНОВ

Этот номер является результатом скитаний Александра ПРОХАНОВА по городам и весям России.

Содержание:

2 **Вихри Русской мечты**
6 **Ещё раз о Русской мечте**
8 **Красная орбита вселенной**
10 **Имперский холм**
14 **Псков небесный**
(беседа с митрополитом Тихоном (ШЕВКУНОВЫМ))
20 **Адам русской поэзии**
(беседа с Георгием ВАСИЛЕВИЧЕМ)
28 **Сады души моей**
34 **Мечта как откровение**
(беседа с Евгением САВЧЕНКО)
42 **Бездна, полная звёзд...**
48 **Работать и не сомневаться**
(беседа с Игорем ОРЛОВЫМ)
54 **Глиняные боги**
(беседа с Валентином ШЕВЕЛЁВЫМ)
60 **Завод-государство**
(беседа с Михаилом БУДНИЧЕНКО)
66 **Одухотворённый Ямал**
72 **Ямальский проект**
(беседа с Дмитрием АРТЮХОВЫМ)
80 **Земля священных рощ**
84 **Мечта — это символ веры**
(беседа с Константином ИВАНОВЫМ)
92 **Божественная вертикаль**
98 **Всадник на волшебном коне**
(беседа с Вячеславом БИТАРОВЫМ)
106 **Люди Бога**
110 **Что есть мечта**
(круглый стол Изборского клуба)
114 **«Одной лишь думы власть»**
(беседа с Анатолием БИБИЛОВЫМ)
122 **Брянск неопалимый**
128 **Волшебные технологии**
(беседа с Александром БОГОМАЗОМ)
134 **Югорская мечта**
136 **Цель и мечта**
140 **Ты — Роза Мира**
142 **От партии власти к партии Русской мечты**
144 **Библиотекарь**

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** **№8(64), 2018 год**

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Составитель номера — Екатерина ГЛУШИК
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации — Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 23.11.2018
Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ АМА-ПРЕСС»
Тираж 1000 экз. Заказ № 1949

Вихри Русской мечты

Что есть Русская мечта

Русский народ — мечтатель. История русских тяжела, непосильна, порой ужасна, но и прекрасна, потому что вся история русского народа — это история его мечты. В ней, среди непочатых трудов и тяжёлых нашествий, непосильного гнёта, среди бездорожья, сиротливых деревень, закопчённых заводов, среди полосатых шлагбаумов и запретных зон, сияет мечта — мечта о грядущем царстве, где нет насилия, нет болезней и печалей. Где люди живут, как цветы цветут. Где человек человеку брат. И не только человеку, но и зверю лесному, и птице небесной, и цветку, и звезде. Где всё соткано из любви и блаженства, где нет смерти.

Самые великие народы и государства стремятся сформулировать свою мечту. Думаю, что род людской от животного мира отличается тем, что у людей — мечта. Мечта — это стимул для развития, для эволюции. А те народы, которые не мечтали, уже исчезли. Американская мечта — это град на холме. Крепость, вознесённая на вершину горы, откуда держит под обстрелом города и селения, лежащие в долинах. Если какой-то город или селение взбунтовалось, его накрывают ударами крылатых ракет. Это град превосходства и гордыни, град непомерного владычества. Идея доминирования над миром заложена в американскую мечту. Есть китайская мечта. Она внесена в документы Коммунистической партии Китая наряду с термином «Великий шёлковый путь». Эта мечта — о восстановлении китайского достоинства, чести, которая была поругана на протяжении нескольких столетий наглыми и жестокими европейцами.

А что такое Русская мечта? Что нас движет на протяжении тысячелетий? Конечно, мы пашем землю, добываем нефть. Но и другие люди пашут землю и добывают нефть. Что нас заставляет молчать и умирать под пытками, но не предавать Родину? Что заставляет явиться на бесконечные гари, пепелища и опять создавать великолепные города? Что заставляет в часы страшных уныний, когда другие народы просто исчезали с лица земли, вновь возрождаться?

Русская мечта — это храм на холме. Мы насыпали холм и ставили на нём храм, чтобы тот своими крестами касался небес, черпал из небес волшебные энергии силы и красоты. Озарял этим светом небесным наши семьи, наши полки, наши пограничные заставы, наши заводы и университеты. Русская, российская мечта — она о благом государстве, благом обществе, блаженной, праведной жизни, в которой нет насилия и зла, а одна красота и служение. Эта мечта складывается из мечтаний всех народов, населяющих нашу державу. В каждой русской губернии, в каждой земле мы найдём подтверждение этой Русской мечте.

Оттуда, из этого храма на холме, мы соединяемся с самыми возвышенными силами, которые не дают погибнуть не только нам на земле, но и вселенной в целом. Потому что задача человечества, как говорили наши космисты, как говорил Вернадский, в том, чтобы оживлять погибшие участки вселенной, вновь возжигать погасшие звёзды. И в этом — наше русское мессианство, в этом — наши русские исторические корни. Русская мечта — это предчувствие чуда. Это построение справедливого, идеального, совершенного общества, огромного русского собора, в котором торжествуют любовь, милосердие, обожание, соединение человека и государства, государства и общества, человека и машины, машины и природы, звезды небесной и цветка.

Наша мечта — о счастье и праведности всех русских, всех татар и якутов, всего драгоценного Кавказа, о счастье всего измученного человечества.

Русская мечта — вселенская. Чтобы её обрести, русский человек шёл за горизонт, создал невиданное государство из двенадцати часовых поясов. За этой мечтой он шёл туда, где, казалось, нет жизни, — в сверкание полярных льдов, в горючий огонь пустынь. Соединил хлад и жар, восток и запад, великие реки с великими океанами. Там, где кончается Россия, начинается Царствие Небесное. Эта граница отмечена не пограничными столбами, а иконами. И среди них самая великая и цветущая — икона чудотворной Победы.

Среди всех неурядиц сегодняшнего дня, среди распрей, бурлящей злобы, бессмысленных пререканий сияет впереди бриллиантовая звезда русской мечты, звезда пленительного русского счастья. Да, в России худые дороги. Но они превратятся в автострады. Да, в России мало мостов. Но мост в Крым через Керченский пролив ведёт не просто в Крым — он ведёт в русское будущее, ведёт в Царствие Небесное, в пространство русской мечты. Да, у нас дурные чиновники, вороватые управленцы. Русская мечта пройдётся по ним с метлой. В 1991-м у нас хотели отнять мечту. Мы жили с отсечёнными крыльями, с выколотыми глазами, с топором в спине. Сегодня у нас открылись очи, выросли крылья, со стоном, поводя могучими плечами, мы выдавливаем топор из спины.

Русский народ — великий труженик. Он работает с утра до ночи. Он роет окопы, если идёт война. Роет карьеры, если нужно добыть золото или железо. Роет котлованы под высотные дома и храмы. Какой другой народ мог создать страну в двенадцать часовых поясов и освоить земли, на которых ничего не родится?

В своих великих трудах русский человек постоянно смотрит в землю. Для него земля — это мать сыра земля, земля-матушка. Он опекает землю, чтобы она под ним не прогнулась, чтобы её не залила вода, чтобы не погиб урожай. Он хочет делать жизнь лучше, прекраснее, богаче. Не дают! То и дело приходят супостаты и сжигают всё до основания. Нам опять приходится всё восстанавливать: строить, обихаживать землю.

И при этом нет, пожалуй, другого народа, который так страстно за-

глядывал бы за горизонт, смотрел в небеса, был бы таким мечтателем, фантазёром, верил в чудо. Мы мечтательны и очень доверчивы, простодушны, этим пользуются лукавцы и постоянно нас обманывают. Но это не делает нас другими: мы — народ-мечтатель.

И Русская мечта сопутствует всему нашему историческому времени. Мы и живём-то на земле потому, что мечтаем. Мы попадаем в пропасти, в ямы, в глубинные чёрные дыры, но вырываемся оттуда, потому что мечтаем. Мечта — эта таинственная сила русской истории, русского времени — влечёт нас из одной погибели в другую, и из одного цветения в другое.

Мы — один из самых мечтательных, верящих, ожидающих чуда народов. Народ-сказочник, народ-сказитель, народ-проповедник, проповедующий в человечестве сострадание, любовь, стремление к возвышенному, стремление к общечеловеческому счастью, к бессмертию.

Люди чувствуют потребность сформулировать свою мечту, назвать, потому что она есть, она где-то рядом, она дышит, она ищет путь. Кто-то говорит, что смысл русской жизни, русской истории, русского существования — в футболе. Другие говорят, что русская идея — в патриотизме. Но неужели Русская мечта отличается от мечты швейцарской тем, что русские любят Россию, а швейцарцы — Швейцарию?

Русская мечта изыскивается историками, философами, духовидцами, религиозными пророками, изыскивается из всего русского духовного пути, из изучения этапов всей русской исторической духовной мысли. Языческий этап русской истории — наши волшебные сказки. О скатерти-самобранке, ковре-самолёте, о молодильных яблоках, о победе над старостью, ветхостью, над тлением. О живой воде, которая воскрешает. О волшебном поцелуе, от которого лежащий во гробе может ожить, восстать. Об Иване-царевиче, который кидается в кипящие котлы — в кипяток водный, смоляной, млечный. И не погибает в этих котлах, а вылетает оттуда ещё краше, ещё сильнее, восхитительнее. Так и русская жизнь: попадает в страшный котёл, в страшную ямину, а вылетает из неё краше, чем прежде. Почитайте русские сказки, и вы почувствуете, что русский человек издревле мечтал о благодати, мечтал о правде, о справедливости, мечтал о бессмертии.

Русскую мечту можно уловить и в учении старца Филофея, который подвизался в Спасо-Елиазаровском монастыре на Псковщине и создал великую религиозную философию о «Москве — Третьем Риме». Он писал послания возвышающимся тогда государям — к Ивану III, к Василию III, говорил: предназначение твоё, смысл твоего правления, государь, не в том, чтобы расширять пределы твоего великого государства. Не в том, чтобы снискать славу, не в том, чтобы собрать великую казну. А в том, чтобы сберечь православие, сберечь учение о Царствии Небесном, сберечь представление, живущее в нашем народе, о божественном плане свершения того чуда, которое было даровано русскому народу, чуда о правде, о справедливом бытии, о вселенском братстве, негасимой любви, делающей человека бессмертным, а человечество — великой братской общиной.

Русскую мечту можно увидеть, если с любовью, с открытым сердцем читать русских писателей Толстого, Достоевского, Лескова, Бунина, Шолохова. Все они — от самых древних изданий, от «Слова о полку Игореве» до стихов Гумилёва и Есенина — все пели единый псалом, обращённый к небу, псалом, взывающий к небесам раскрыться, пролить силу, благодатную живительную воду, делающую русскую жизнь озарённой, справедливой и дивной. Эти наши великие вероучители говорили, куда стремится русское сознание, как оно падает в русскую бездну, в русское подполье, но избавляется от страшной гравитации тьмы преисподней и опять летит к небесам, летит в Царствие Небесное.

Об этом говорит и наш великий космист Николай Фёдоров, который учил, что воскрешение из мёртвых возможно, победа над смертью возможна даже здесь, в земной жизни. Для этого нужен огромный духовный подвиг и преодоление всего смертного, смердящего, гнусного, гнилого, живущего в земном человеке, чтобы он очеловечился и благодаря достижениям науки и техники достиг абсолютной прозрачности, чистоты, небесности и красоты.

Большевики в грохоте батарей, в лязге жестокой стали мечтали построить здесь, между трёх океанов, царство земного рая, где бы не было угнетения, не было высших и низших, не было обездоленных и несчастных, а была бы твердыня справедливости, красоты и творящей силы. По существу они мечтали создать святое человечество. Революция, конечно, затевалась ради земли, заводов и мира. Но она затевалась в большей степени ради абсолютно нового человека: любящего, верящего, милосердного, жертвующего.

Русскую мечту протащили на своих окровавленных спинах солдаты и генералы великой войны. Эта мечта полыхнула на куполе рейхстага алым знаменем, а потом унеслась в космос, облачённая в плоть великого русского праведника Юрия Гагарина.

И если собрать Русскую мечту по крупицам из всех этих великих периодов, великих чаяний, то можно увидеть, что она заключается в том, чтобы устроить жизнь в России божественно справедливо и восхитительно. Чтобы человек человеку был ангел, а не враг, не волк. Чтобы, спасая себя, свой народ, Россия спасала и весь остальной мир, всё человечество. Смысл России именно в этом. Россия не может быть страной эгоистов, она живёт для того, чтобы была сохранена биосфера, сохранён Байкал, чтобы были сохранены цветы, сохранено звёздное небо.

У Русской мечты нет границ, нет жёстких форм. Русская мечта, словно сновидение: мы видим, но не можем описать. Да и вся русская литература и культура — это рассказ о Русской мечте, о царствии небесном, которое так или иначе в разные периоды являлось русскому человеку.

Сегодня, после краха 1991 года, после страшной катастрофы, в которой мы потеряли Родину, потеряли государство и великий народ-победитель превратился в бесхозный немощный народ-лилипут, мы снова начинаем восходить, снова начинаем создавать наше новое государство, наше русское царство. Россия — на сносях. Рождается русское будущее — дивный младенец. И в этом новом русском государстве возникает новый русский народ. Не те новые русские, которые грабили павшую Россию. А мы с вами — те новые русские, которые не сдались и не умерли в период той огромной государственной смерти. Мы выстояли и возводим наше новое царство.

И для идеологии сегодняшнего государства российского формулирование Русской мечты является первоосновой. Конечно, надо знать, как обеспечить интенсивное экономическое развитие, как обустроить банковскую сферу, как учить и лечить. Но главное — надо показать путеводную звезду, зарю на русском горизонте. Сегодня очень важно понимание русской мечты.

Русская мечта всего государства российского складывается из мечтаний отдельных русских земель, русских областей, губерний. Вообще категория «русская мечта», хотя и прослеживается во всей русской истории, в преданиях и работах наших мыслителей, — нова, потому что в нашей философии, идеологии, историософии она не формулировалась как таковая. О русском чуде говорили, о русской идее говорили, а о Русской мечте — нет.

В селе Константинове, у дома Есенина, стоят дубы. Эти дубы выросли из желудей, которые привезли из пушкинских мест, привезли от Сороти, из Михайловского. Это пушкинские дубы, которые помнили, знали Пушкина, которые, возможно, сам Пушкин посадил, обнимал их. Эти дубы принесли в Константиново пушкинскую душу, пушкинскую стихию. Пушкин с Есениным говорят через эти деревья. И как вся мировая вода едина — деревенский пруд, океан, Ока, Миссисипи, Байкал, льды Антарктиды соединены тайной воды, так же едины все дерева, все леса. Они друг с другом говорят, общаются, начинают стонать, когда их губят, ликуют, когда начинается цветение. Эти пушкинские и есенинские дубы находятся в постоянной связи. Они читают друг другу стихи: есенинский дуб читает пушкинские стихи, а пушкинский дуб читает есенинские стихи. Ведь «ты жива ещё, моя старушка» и стихи об Арине Родионовне — очень похожи: это стихи, написанные одним дубом и другим дубом своей праматери-воспитательнице.

И если мы будем основывать движение под названием «Русская мечта», если у нас найдутся на это силы, то создание отделений Русской мечты может сопровождаться посевом есенинско-пушкинских желудей. Чтобы по всей России, по всей Руси разрасталась огромная общерусская дубрава, и чтобы в этой дубраве, в её лесах, кронах, среди птиц и белок, которые бы там скакали, звучала поэзия есенинская, пушкинская. Поэзия Русской мечты.

Ещё раз о Русской мечте

Где государству взять ресурс, который необходим в современных идеологических схватках

Либералы упорно изо дня в день захватывают всё новые пространства в идеологии и политике. Так разрастаются мхи. Покрывают болота, деревья, памятники, асфальтовые шоссе, закрадываются в жилища. Эти мхи проникают в людское сознание, затаскивают в свои заросли человеческие мысли, побуждения и желания. Либералы готовятся к решающей схватке. Знают время, знают контуры, знают места первых вспышек, которые должны полыхнуть по всей России и срезать власть любой ценой — даже ценой истребления государства Российского. У либералов есть свои теоретики, свои стратеги, свои финансисты и политтехнологи, есть силовики. Либеральные грибницы выходят за границы России, питаются соками могущественных цивилизаций Запада. Эти грибницы крадутся за пределы явной, действу-

ющей на виду оппозиции и тайно проникают в правительственные кабинеты, банковские офисы, политические и философские круги. Либералы давно уже вышли за контуры своих обычных либеральных требований: ротация, сменяемость власти, честные выборы, обновление судебной системы, создание инвестиционного климата, развитие среднего и малого бизнеса… Всё это остаётся в силе. Но либеральные агитаторы уже и среди бастующих дальнобойщиков, отвергающих систему «Платон», и среди взволнованных возмущённых жильцов, протестующих против сноса пятиэтажек, не желающих ехать на выселки, боящихся очередного обмана, и среди выступающих против пенсионной реформы граждан.

Либералы по-прежнему протестуют против воссоединения России и Крыма, сострадают киевской Украине, потерявшей Донбасс. Но теперь они винят государство в экономическом кризисе, в нарастающей бедности, неудержимой коррупции, в произволе чиновников, в неравенстве, что порождает вопиющую несправедливость, в том, что вельможные чиновники отдают своим детям ведущие корпорации и банки. И уже среди либеральных обвинений появляется упрёк власти в отсутствии долгожданного развития, о чём всегда говорили патриоты. Теперь это огненное требование либералы прибирают к рукам. Либералы прицеливаются, примериваются — готовятся к решающей схватке. Уже обнаруживаются общие черты их зловещей технологии. В урочный час они призовут на улицы Москвы и Петербурга детей, поведут их в своих колоннах на Кремль и Смольный под дубины национальных гвардейцев и, не дай бог, под пулемёты. «Избиение младенцев» — так звучит либеральный проект перехвата власти. Они полагают, что кровь, пролитая на улицах двух столиц, ужаснёт власть, и та в панике убежит из Кремля.

А что государство? Что оно противопоставляет этой ползучей, из мхов и лишайников, массе? Как может оно остановить мхи, подбирающиеся к стенам Кремля? Власть противопоставляет либералам силу, Росгвардию, создаёт рыхлые организации типа «Антимайдана» и «Наших». Формирует эфемерные «Народные фронты», занимающиеся благоустройством детских площадок. Уповает на телеканалы, на которых месяцами бурлит мутное варево светских скандалов и досужих сплетен. Власть не может запустить долгожданное развитие, потому что для этого у государства нет денег — они уходят за границу. Нет экономической модели развития, а есть либеральная модель, которая исключает преодоление кризиса и одоление бедности.

Где государству взять тот ресурс, который необходим уже сейчас в современных идеологических схватках, политических баталиях, в культурных и информационных сражениях? Где тот ресурс, не покрытый мхами, не захваченный либералами? Этим ресурсом является Советский Союз — гигантская красная эра, которая утратила свои материальные формы, свои структуры, свои политические и идеологические технологии, но остался дух, неувядающая память. Осталось таинственное зарево, которое и сегодня занимает полнеба. В этом зареве, в этой мистической памяти и мистическом ожидании таится то, что именуется русской мечтой, что было явлено в русской победе, что лежит в основе самого существования государства Российского как в древние времена, так и ныне.

К Советскому Союзу уже потянулись руки либералов. Но они обжигаются, касаясь Ленина или Сталина. Они начинают выискивать в советском прошлом те элементы, которые могли бы им пригодиться в схватке за нынешнее государство российское. Уже сложены в либеральном стане речи о великой советской культуре, великом советском кинематографе, великой советской музыке. Но огромный материк, именуемый «СССР», не подвержен заражению мхами. Мхи никогда не сядут на гранитный кристалл мавзолея.

Власть чувствует громадный потенциал советского прошлого, пытается им воспользоваться. Значки ГТО, звания «Герой труда», майские демонстрации с флагами и воздушными шарами, великие парады Победы… Но все эти стремления поверхностны, не улавливают в себя то, что именовалось советской эпохой. Советская эпоха таит в себе самоё ядро русской цивилизации, которая перетекала из века в век, из царства в царство. Это ядро — заповедная Русская мечта, в которой русский человек стремится к идеальному бытию, праведной возвышенной жизни, к обретению братства и справедливости, полагая, что в этом идеальном, одухотворённом великими ценностями бытии будут прекрасные дороги, крепкие дома, плодоносящие поля, будут процветать ремёсла, и станет непобедимым воинство. Появятся книги и музыка небывалой красоты и силы. Русская мечта — это свод представлений, почерпнутых из старинных народных сказок, из великих трудов богословов, из книг литературных пророков, из трудов революционеров и русских космистов.

Сегодня, сберегая Родину, сберегая себя самоё, пусть власть обратится к Русской мечте, к высшему смыслу, который, будучи провозглашён, начнёт приводить в гармонию тот хаос, в котором мы сегодня пребываем. Закроет путь либералам, которые в случае реванша, в случае захвата Кремля устроят небывалый погром, перед которым померкнет погром 1991 года.

Русская мечта — вот идеология государства Российского. Вот цель наших духовных исканий. Русская мечта рядом. Протяни руку — и достанешь её. Но едва коснёшься — она улетит в грядущее. Эта таинственная мечта, это русское чудо даны в сбережение мистическому народу.

Красная орбита вселенной

Революция была всегда — от сотворения мира

Октябрьская социалистическая революция. Великая, вселенская, баснословная, красная, плодоносящая. Сто лет её огонь согревает остывающий мир. Сто лет её огненное соцветие пылает в умах, в науках, в людских свершениях, в восстаниях угнетённых народов, в поэмах и симфониях ясновидцев.

Революция была всегда — от сотворения мира. Мир сотворён божественным революционным порывом, благодаря которому Господь Бог вырвал из своей загадочной сердцевины всё огромное многообразие вселенной с её звёздами, героями, цветами, законами физики и божественными законами души.

Создавая мир, Бог внёс в него мечту — мечту о богоподобном бытии, о совершенстве, единой симфонии, где нет места насилию, лжи, себялюбию, где нет смерти, а есть любовь, красота и бессмертие. Эту мечту несёт человечество через всю свою историю. Эта мечта и движет историей. Она проталкивает человечество сквозь беды, распад, уныние. Мечта сияет и манит к себе народы. Манит всех людей — и тех, что, облачённые в звериные шкуры, жили в пещерах и рисовали на каменных стенах свои магические образы. И тех, кто брал в руки кисть и рисовал «Купание красного коня», водружал над рейхстагом красное знамя Победы, возносился в космическом корабле на красную орбиту вселенной.

Россия — страна революции. Русский народ — революционер и подвижник. Революционерами были бунтующие стрельцы, Пугачёв и Разин, декабристы и народовольцы. Революция дышала в трактатах и песнях, вся русская классическая литература была предчувствием революции, была псалмом, в котором дышала мечта.

Пушкин пел о звезде пленительного счастья. Лермонтов провидел «год, России чёрный год, когда царей корона упадёт». Достоевский знал, что революция неизбежна, и в ужасе писал своих «Бесов». Толстой был «зеркалом русской революции». Весь Серебряный век вымаливал у Господа революцию.

Гумилёв говорил о себе: «Я — угрюмый и упрямый зодчий храма, восстающего во мгле. Я возревновал о славе Отчей, как на небесах, и на земле». Он предвидел время, когда «Млечный путь расцветёт нежданно садом ослепительных планет».

Революция справедливости — это и есть вековечная Русская мечта. И вот она — грозная и прекрасная — свершилась, в хлынувшем народном потоке загудела и засверкала. Это великое искусство русского авангарда: Петров-Водкин и Платонов, Есенин и Хлебников, архитектор Мельников и скульптор Цаплин, «Музыка сфер» Прокофьева. Революция — это «весна человечества, рождённая в трудах и бою», так славил её Маяковский.

Может показаться, что в 1991 году красные духи революции были изгнаны из русской судьбы. Нетопыри и злые волшебники разрушили красное царство. Зарубили топорами Красного коня. Залили своей чёрной спермой алые святыни революции. Но всё это мнимо! Новое государство Российское возникло из праха и несёт в себе багряные гроздья революции. Нынешнее государство Российское — это революция, победившая смерть. Это гнездо, в котором красная птица мировой революции снесла своё огненное яйцо.

Бессовестные богачи, которые изгрызают обманутый, изнурённый народ. Воры и стяжатели, засевшие в министерствах и вельможных палатах. Бессовестные трутни и бездари, обрекающие народ на угрюмые труды и безысходную бедность. Мытари и банкиры, остановившие ход русской истории, отказавшие современной России в развитии… Вслушаемся в гулы родной истории, отринем мишуру лживых клеветнических сериалов, тошнотворные телепрограммы Малахова и бесстыдные танцы Собчак. Их всех сдует ветер Русской мечты. Революция неизбежна — сверху или снизу. Или из кремлёвских башен, над которыми пламенеют рубиновые звёзды. Или из подворотен Красной Пресни, где ещё гремят давнишние баррикады и лязгают затворы трёхлинеек.

Донбасс. Его грандиозное восстание — это первый акт революции, отрицающий тьму 1991 года, срывающий кляп, наброшенный на русские уста.

В Институте мозга в Москве мозг Ленина рассечён учёными на тридцать тысяч тончайших пластин, и каждая хранится в потаённом сейфе. Найдётся великий учёный, светлоокий маг, отыщется дивный поэт и подвижник, который проникнет в сумерки сейфов, извлечёт бесценные срезы, сложит их воедино. И вновь запылает ленинский мозг. И в нём, как в первый день творенья, полыхнёт взрыв революции, увлечёт Россию туда, в бесконечную прекрасную даль, где сияет бессмертная Русская мечта — мечта о небесном царстве, граница которого начинается сразу там, где кончается граница России.

В Кремле разбилось голубое блюдце,
И с колокольни колокол упал.
Зажглись над Русью люстры революций,
И начался кромешный русский бал.

Имперский ХОЛМ

Русская мечта — о благом государстве, благом обществе, блаженной, праведной жизни

Сегодня Россия живёт тяжело. Слышится ропот, у людей недовольство, уныние. Иные ожесточаются, у других опускаются руки. Россия сегодня проходит сквозь игольное ушко своей великой истории. В чём черпать силы? На что уповать? Где путеводная звезда? В чём божественная Русская мечта, помогавшая народу превозмогать великие беды, одолевать тьму, продолжать своё победное шествие в бесконечном русском времени?

Изборск — крохотный городок на подступах к Пскову. Среди деревянных домиков — каменная огромная крепость. Башни, бойницы, которые смотрят на окрестные поля и дороги. Сюда из Прибалтики на Русь из века в век двигался враг, катились нашествия: Ливонский орден, шведские отряды, польский Стефан Баторий, Литва, немецкие фашисты. Они натыкались на Изборскую крепость, завязывалась схватка. Изборский гарнизон отбивался, расстреливал врага из бойниц на дальних и ближних подступах, сдерживал неприятеля двое-трое суток, давая возможность Пскову приготовиться к нашествию.

Среди башен Изборской крепости есть одна, чьи бойницы смотрят не вовне, а внутрь. Когда враг вламывался в крепость, остатки русского гарнизона, подхватывая раненых, запирались в этой башне, вели свой последний смертный бой, расстрели-

вали из бойниц врага, заполонившего внутренность крепости. И эту башню брали, убивали остатки воинов, двигались дальше, к Пскову. А там врага встречала свежая русская рать. Эта башня — памятник русской жертвенности, стоицизму, которыми во все века сберегалось государство Российское. К этой башне, как к иконе, надо подходить и прикладываться, вспоминая бессмертных героев.

Псковская земля — светящаяся, лучезарная. Здесь светятся и благоухают ручьи, цветы, камни. Кажется, что над Псковщиной реют невидимые чудные духи. И душа откликается светлой любовью и обожанием. Псковщина — та земля, где русская история с языческих древних времён до нынешних дней прикоснулась своими устами, поцеловала псковскую землю, оставила здесь своё немеркнущее дыхание.

Здесь радениями нынешних псковичей насыпан холм. Сюда, к древнему погребению, где покоятся кости павших русских ратников, мы снесли огромные валуны, собрав их на окрестных полях. Розовые, зелёные, золотистые — они похожи на метеориты, упавшие с неба. На вершине этой каменной горы, этой русской Голгофы, мы воздвигли огромное распятие из сибирской лиственницы и снесли в этот холм земли из всех священных мест, из всех пяти российских держав, российских империй, сменявших одна другую. Мысль была в том, что это землеприношение, эти всыпанные в холм горсти земли соединят рассечённое русское время, восстановят световод, по которому река русской истории льётся из прошлого в будущее. Этот могучий поток оросит сегодня государство Российское, наполнит людские души могуществом. Холм замышлялся нами как чудодейственный реактор, откуда энергия польётся в народ, помогая преодолевать уныние, подвигая народ на богатырские свершения. И мы отправились в странствие по псковской земле, добывая земли из всех священных мест, как добывают драгоценные клады, и всыпали земли в наш рукотворный холм.

Труворово городище. Отсюда открывается вид на озёра, реки, ручьи, на туманные леса, летящих птиц, вьющиеся дороги, по которым ступает безвестный путник. Сюда в языческие времена причалил свой чёлн князь Трувор, брат Рюрика. Здесь он поставил свой терем, здесь омыл своё лицо в водах гремящих ключей, бьющих из горы. Сюда и по сей день стекаются паломники, чтобы испить эту студёную горную воду. Здесь стоит величественный каменный крест, именуемый в народе Труворовым. И отсюда, из-под этого креста, от ручьёв, от Труворова городища, мы взяли землю и всыпали её в каменный холм.

В маленьком селении Выбуты на берегу реки Великой мы смотрели, как сверкает на перекатах вода. Здесь, по этим водам, юная княгиня Ольга, работая перевозчицей, гоняла свой челн с одного берега на другой. И однажды посадила в лодку князя Игоря, который стал её мужем. Княгиню Ольгу нарекли равноапостольной, потому что она задолго до князя Владимира приняла православие и исходила, проповедуя христианство, все псковские пределы.

Тут же, неподалёку, в маленькой деревеньке Будник, родился, по преданию, князь Владимир, будущий креститель Руси. Отсюда, из Будника, начал он свой путь к Киеву и дальше, к Херсонесу, где получил святое крещение и привнёс мистический свет православия в русскую историю от древности до нынешних дней.

Чёрный огромный камень, перегородивший ручей, как гласит предание, является Вифлеемской звездой, прилетевшей из Вифлеема на Псковщину и упавшей в Буднике. Оттого и родился здесь будущий креститель Руси. И отсюда мы взяли землю и всыпали в наш священный холм.

На берегу Чудского озера, где состоялась Ледовая сеча и князь Александр Невский разгромил ливонцев, пустив их под лёд, стоит дивная церковь. Отец Никандр рассказал нам, как однажды в годовщину Ледового побоища в безлюдном храме вдруг сами собой вспыхнули все лампады. Александру Невскому во время битвы помогала сама Богородица. И ангелы своими мечами рубили лёд под копытами ливонской конницы, толкали их в ледяную прорубь.

Здесь же, на кромке Чудского озера, расположились пограничники, ибо сегодня это край русской земли. Там, за озером, — Эстония. Протяни руку — и тронешь натовский танк. Кинь сучком в небо — и попадёшь в натовский бомбардировщик. Здесь на границе государства Российского по-прежнему слышен звон мечей той Ледовой сечи, витает дух Александра Невского. И отсюда мы взяли землю и всыпали в холм.

Кончилась Киевско-Новгородская Русь, и её сменило Московское царство. И оно, это великое царство, отметило себя на псковских стенах и пажитях. На гдовской дороге стоит изумительный Спасо-Елеазаровский монастырь. Ещё недавно захламлённый, превращённый в руину, с проседающим, готовым обвалиться храмом, теперь монастырь превратился в дивную обитель с райским цветниками, прудами, в которых отражаются белоснежные стены и золотые кресты. Здесь подвизался изумительный старец Филофей, создатель величественной теории «Москва — Третий Рим». Отсюда он писал письма великим князьям Ивану Третьему, Василию Третьему, наставлял их в том, что смысл государства — не в стяжании казны, не в расширении своих пределов, не в создании могучего войска, а в сбережении дарованного русским православия, мечты о Царствии небесном, о красоте и святости людских отношений, где справедливым и божественным является отношение человека к человеку, государя и подданного, природы и всего рода людского. Это возвышенная теория, по которой Русское царство является предтечей Царствия Небесного, теория, по которой царство Российское наделяется мессианским смыслом, внушающим русским государям, что их дело свято. И отсюда мы взяли землю и принесли в наш холм.

Романовская империя одарила Псковщину своими победами, петров-

скими бастионами, которые она воздвигала в ожидании нашествия шведов.

Здесь, в селе Михайловском, у Святогорского монастыря, на берегу Сороти, жил Пушкин, солнечный гений, в котором открылась вся бездонная русская красота, удальство, возвышенное обожание мира. Ты стоишь на крыльце михайловской усадьбы и думаешь, что по этим ступенькам взбегал молодой Пушкин, запахивал полу тулупа, падая в лёгкие санки, и мчался в солнечной пурге по этим холмам и далям, восхитительный и ликующий. Идёшь по липовой аллее Анны Керн, где половина деревьев уже исчезла, а оставшиеся, сгорбленные, с чёрными дуплами, доживают последние годы, и чуется, что здесь, среди цветущих лип, Пушкин обнимал свою возлюбленную, целовал её румяные уста. Приедешь сюда, в Михайловское, и тебе покажется, что ты приехал к себе домой. Здесь всё родное, знакомое. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Здесь золотой петушок и великий Пётр, Евгений Онегин, стреляющий из пистолета в Ленского, здесь Медный всадник, Пугачёв, ведущий своё крестьянское воинство по оренбургской степи. «Пушкин всемирен», — говорил о нём Достоевский. Будучи русским поэтом, он сделал Русскую мечту мировой мечтой. Одарил своей красотой, своей русской надеждой, русской сказкой всё остальное человечество. Недаром в 1937 году по велению Сталина пушкинские стихи читали на пограничных заставах, в гарнизонах, в заводских цехах. Перед войной Пушкин стал самым популярным советским поэтом, вдыхал в народную жизнь неодолимую веру, свет.

Здесь же, на Псковщине, на печальной станции Дно, завершилась Романовская империя. Преданный своими генералами, царедворцами, государь написал своё отречение, и отсюда, с Псковщины, он начал свой путь в расстрельный Ипатьевский дом. И из села Михайловского, со станции Дно, мы взяли земли и снесли их в свой каменный холм.

Красное государство неоднократно прикоснулось к Псковщине своими огненными перстами. На берегу реки Черёхи, покрытые травяным дёрном, по сей день сохранились бугры и рытвины в том месте, где стояла орудийная батарея красного артиллерийского расчёта. Отсюда 23 февраля 1918 года красные артиллеристы выпустили снаряд по немецкому бронепоезду, который наступал на Псков. И кайзеровский бронепоезд повернул вспять, пустился в бегство, сопровождаемый пальбой артиллеристов. Этот день стал днём рождения Красной Армии, советским военным праздником, который сегодня празднуется нами как День защитника Отечества. На Псковщине в очередной раз свершилось чудо: малая горстка воинов отогнала могущественного врага.

В псковских лесах, у исчезнувшей деревеньки Чернушки, следов которой теперь и не найдёшь среди березняков и осинников, одиноко высится памятник Александру Матросову. Его бронзовая вознесённая высоко голова словно смотрит на нас из небес. Здесь был дот фашистских пулемётчиков, остановивших атаку советских войск. Сюда, к этому месту, бежал Александр Матросов, накрыл своей грудью гнездо вражеского пулемёта. Отсюда его душа вознеслась к Небесам. Теперь его лик смотрит на нас из-под белой тучи. Герои великой войны, где добро одержало победу над злом, свет остановил нашествие тьмы, где духи рая остановили чёрные духи ада, — все эти герои, кто сражался и погиб за Отечество, будут наречены святыми. И сейчас, когда смотришь на бронзовое лицо солдата, вознесённое ввысь, кажется, что вокруг него золотится и светится нимб.

Новое время, когда рождалось нынешнее государство Российское, отмечено на Псковщине подвигом 6-й воздушно-десантной роты, которая отсюда, с берегов Черёхи, из расположения Псковской воздушно-десантной дивизии отправилась на чеченскую войну и там легла костьми вся, останавливая наступление превосходящего врага. Казалось бы, девяностые годы — время великого неверия и уныния, разгул низменных страстей, погоня за золотым тельцом. Но и в это время живущие в душе русского человека таинственные вечные коды подвигли солдат и офицеров героической роты на подвиг во имя государства Российского. Этот подвиг запечатлён в удивительном памятнике, созданном воображением десантников. Огромный парашют, накрывающий своим куполом пламя горящих свечей. И на куполе — росписи всех погибших десантников, снятые с архивных документов. Да разве этот парашютный купол, погибшие русские воины отличаются чем-либо от той Изборской башни, где принимал свой последний смертный бой древний русский гарнизон?

Сменяются поколения, сменяются правители, сменяется оружие — не меняются живущие в душе русского человека коды, которые говорят ему: русское государство свято, русское государство — твой дом; здесь, в России, родились и похоронены твои предки, здесь будешь похоронен и ты, здесь родятся твои потомки, которые, как и ты, будут читать Пушкина, поклоняться храмам, строить города, превозмогая все напасти и трудности, заслоняя собой свою любимую Родину. Мы взяли землю у купола и из расположения Псковской воздушно-десантной дивизии, которая и сегодня незыблемо стоит на западных рубежах Отчизны, и всыпали в наш холм.

На Псковщине в наше недавнее время подвизались два дивных старца, снискавшие себе известность великих молитвенников за Россию. Старец Иоанн Крестьянкин до последних дней жил в крохотной келье в Псково-Печерском монастыре, и здесь же, в псковских пещерах, он похоронен в подземной церкви. К нему при жизни стекались все страждущие и обременённые, и он утешал их. К нему приезжал президент Путин, и они целый час о чём-то говорили в крохотной келье. Теперь архимандрит Иоанн Крестьянкин молится за Россию, как молится за неё и его друг, отец Николай Гурьянов, долгие годы живший среди Псковского озера на острове Залит.

Псковское озеро — великолепное и загадочное. Каждый день у него свой

цвет, свой лик, своё дыхание. Оно то голубое, то розовое, то нежно-зелёное, то гневно-чёрное. По преданию, лихие люди выкрали в Спасо-Елеазаровском монастыре чудотворную икону, везли её в лодке через озеро. Но налетела буря, похитители погибли, а икона ушла на озёрное дно. И теперь оттуда она посылает свои волшебные светы.

На острове, на могиле Николая Гурьянова — целомудренные белые лилии. В крохотной келье трудно повернуться человеку. В малой избушке, где обитал нищенствующий старец, висит его икона, его бедная ряса. И сюда из самых дальних концов Руси стекаются люди. Старец Николай утешит всякого, научит и образумит. И отсюда, с острова, мы взяли горсть земли и снесли её в холм.

И когда земля из всех пяти империй, из всех пяти русских держав, сменявших друг друга — Киевско-Новгородской, Московской, Романовской, красной, сталинской и нынешней, пятой империи, — была всыпана в холм, владыка Евсевий, архиепископ Псковский и Великолукский, освятил этот холм и воздвигнутый на нём крест. На освящение сошлись и съехались тысячи людей: из Пскова, из деревень, из районных городков. Окружили холм своим многолюдьем, слушали песнопения, гром салюта, речи государственных мужей. Казалось, все земли, что были вброшены в холм, ожили, засверкали, засветились, словно топливо, вброшенное в реактор. Холм задышал, засиял, стал прозрачным, как стекло, из него полились потоки могучих энергий. И люди, собравшиеся вокруг холма, посветлели лицами, обнимали друг друга, ликовали, славили Родину.

И случилось чудо: летавший в поднебесье аист вдруг спустился на холм и сел на распятье. А потом слетел в народ, расхаживал среди людей. И люди касались вещей птицы, дивились на её появление, говорили, что холм — чудотворный. Этот холм, собранный из метеоритов, укреплённый священной землёй, увенчанный огромным крестом, и есть образ Русской мечты. Русская мечта — это храм на холме. Русские люди насыпали этот холм всей своей огромной историей, своими бедами, страданиями, победами, чудесами и верованиями.

И оттуда, от псковского холма, я начинаю странствие по нашей необъятной России. И где бы ни ступала моя нога: во льдах Ямала, или в священных рощах Марий Эл, или на архангелогородском космодроме в Плесецке, или на удивительных полях и пашнях Белгородчины, — везде я вижу образ Русской мечты, нашего русского чуда.

Псков небесный

Беседа Александра ПРОХАНОВА с митрополитом ПСКОВСКИМ и ПОРХОВСКИМ Тихоном (ШЕВКУНОВЫМ)

— Владыка, слава богу, мы с вами повидались. Виделись мы и в Москве. И Вы в Москве, этом Вавилоне, создали райский уголок. Входишь в Сретенскоий монастырь — розы благоухают. И благодать. Спасибо, что и здесь, в Печорах, для вас родных и мне не чужих, приняли меня.

— Спасибо, что приехали, Александр Андреевич.

— Владыка, а как вас встретила благословенная псковская земля?

— Это у самой земли надо спросить. Конечно, это милость Божья — оказаться на том месте, где почти 35 лет назад начинал свою и монашескую, и духовную жизнь, где всё родное, всё близкое. И где были самые, быть может, важные в жизни встречи. Те самые старцы, которые были главным сокровищем Псково-Печорского монастыря. Сейчас они на Святой Горке лежат в глубине земли в пещерах. Это был потрясающий период в жизни Русской церкви. И обусловлен во многом он был именно тем, что здесь, в Печорах, существовало такое явление, как старчество.

— Печорские старцы окормляли всю нашу православную церковь.

— Очень многих. И в Троице-Сергиевой лавре были и старцы, и духовники. Но всё-таки, не побоюсь этого сказать, главное их средоточие было именно в Псково-Печорском монастыре. Старчество — это явление удивительное. Оно кочует с места на место. И непонятно, где окажется. Когда-то оно было в заволжских лесах, потом в Оптиной, потом, вскоре после революции, какое-то время в Даниловом монастыре. Потом здесь — в Псково-Печорском.

— И какая благодать! Самодвижение благодати по России…

— Это Дух Божий, который «дышит, где хочет», как говорит Священное Писание. Он выбирает и место, и людей, в которых являет свои особые силы. Это совершенно поразительно, ни с чем не сравнимо. Необычайно могучее явление.

— Вы здесь встречались со старцами, вас благословлял отец Иоанн. Наверное, были на островах у батюшки Николая Гурьянова. Что это за ощущения были, можно их передать? Или это неизречённое?

— Ощущения, конечно, субъективны. И всегда боишься какими-то своими чувствами, может быть, немножко восторженными, иногда, может быть, и недостаточными, не так передать ту силу Божью и любовь божественную, которая исходила от этих людей. Любовь созидает. Самое поразительное чувство — той любви, которая исходила от старцев. Это могучее чувство божественной силы, божественной защиты, того, что через этих людей Бог ведёт тебя. И ведёт ко благу и ко спасению, загадочному для тебя исходу по загадочному для тебя пути. Но по абсолютно верному и правильному. Это ощущение полной защищённости, когда находишься рядом с ними, и полного доверия, полной ясности. Ощущение твоей готовности исполнить то, что повелевает Господь в заповедях своих, то, что благословят эти старцы.

— Вы однажды с ними пережили мгновения, которые не исчезают на протяжении всей жизни. У вас нет ощущения, что вы с ними расстались?

— Нет, конечно. Такое не забывается. Это определяет всю жизнь. И все люди, с которыми доводилось говорить об отце Иоанне, об отце Адриане, недавно почившем, об отце Николае, об отце Серафиме — о печорских старцах, — все говорят об одном и том же: это не встреча, это направление и продолжение жизни. Это самое главное.

— А теперь, когда вы сюда приехали, нет ощущения, что изменился мир, изменилась среда, изменился монастырь, да и сами вы изменились за это время? Это не праздный вопрос. Я здесь часто бываю и чувствую эти перемены, чувствую некое охлаждение.

— Конечно, и мы были другими, и другими были обстоятельства жизни. Тогда я был послушником, а сегодня мои послушания совершенно иные, связанные с огромным количеством встреч, с большей ответственностью за других людей в том числе. В этом ситуационная и событийная разница в жизни человека. Конечно, мы стали намного более суетные. И то величие, которое было в 70-е, 80-е годы, спокойствие и мир, наверное, уступили место большей суетности и в какой-то степени более мелочным заботам, чем то, с чем предлагали нам встретиться те великие духовники. Нас даже невозможно сравнивать. Несопоставимые величины. Поэтому во многом мы живём их молитвами, их духом питаемся, их силами и их мужеством хотя бы в какой-то степени вдохновляемся. А для людей, которые их не видели и приходят сюда, есть память о них и есть их благодатное присутствие. Господь сказал, что у Бога все живы, у Бога нет мёртвых. Это ясно ощущается здесь. Потому что присутствие этих подвижников не ограничивалось временем их жизненных лет. Оно простирается и дальше. Ведь одна из наград христианину, который прожил жизнь, всеми силами стараясь соблюдать те заповеди, что оставил нам Христос, любя эти заповеди, одна из самых величайших наград — это продолжение любви к людям. В чём? В участии в жизни. Мы молимся святым и получаем от них и вразумление, и помощь. И обстоятельства жизни часто изменяются именно по их молитвам. Но это не только для нас радость и польза. Это великое счастье тех святых. Потому что главное их счастье — любовью своею и теми благодатными возможностями, которые даёт им Господь, участвовать в жизни мира здесь, на земле, в жизни христиан — учеников Христовых.

— Я здесь появился раньше, чем вы. Я приехал в момент, когда уже кончилась страшная война, когда храмы ещё стояли разорённые, когда у алтаря было написано «мин нет», когда многие храмы заваливались или уже завалились. И сюда после войны

приехали уцелевшие в этой бойне люди, которые были ранены, которые славили жизнь и Господа. Они, может быть, не знали, что славят Господа, но славили жизнь за то, что уцелели. Это были архитекторы и реставраторы. Всеволод Петрович Смирнов, который Псковский кремль восстановил, он здесь повесил на флюгеры потрясающие прапоры. И дивный кузнец — кроме всего прочего. Борис Степанович Скобельцын, который исходил своими длинными журавлиными ногами всю Псковщину. Семён Степанович Гейченко, который Музей-заповедник Пушкина из праха поднял. Это были удивительные люди, которые создали такое притяжение, что сюда приезжала вся элита Петербурга-Ленинграда, Москвы. Здесь бывала Ахматова, Лев Николаевич Гумилёв приезжал, писатели, художники… И это была какая-то вспышка, ликование. Думаю, что это был русский ренессанс, русское возрождение, краткий его миг. И я оказался в этой вспышке. Я его помню как солнечный удар, как говорил Бунин. По мере того, как я сюда приезжал, и по мере того, как старели мои друзья, а потом уходили один за другим, я видел, что здесь всё как-то затихало. Конечно, крах государства, русский народ-подранок, уныние — всё это было в 90-е годы. И когда отсюда ушла 6-я воздушно-десантная рота, в то безвременье, когда не было государства, когда людям не на что было опереться, здесь продолжали жить батюшка Иоанн и отец Николай.

И теперь, когда страна выстояла, я жду новой вспышки. Всё во мне говорит о том, что новая вспышка должна быть. Опять грозные времена, опять большие тревоги у государства, опять мы накопили силы, нас не били, не ссылали, не гнали. И у меня есть ощущение, что именно здесь, на Псковщине, произойдёт очередная вспышка света. Я ваш приезд с этим связываю. Может быть, и не вы сюда эту вспышку привезёте, но она и вас озарит здесь.

— Можно только надеяться, и благодарить вас за такую твёрдую веру в развитие новых сил и в востребованность сил, укоренённых на этой земле и готовых прийти к нам в поддержку. Конечно, хотелось бы. Псковская земля совершенно поразительная. Мне кажется, это самая красивая земля в России. Я её именно так воспринимаю. Даже в 80-е годы, а в 70-е, 60-е — наверное, ещё в большей степени, это был центр духовной жизни России. Не только потому, что Псково-Печорский монастырь, а потому, что на приходах были потрясающие священники. В том числе и ветераны войны, которые вернулись с фронтов и укрепили свою веру не в семинариях, не в философских беседах, а между жизнью и смертью. И они здесь увидели Бога, здесь схватились за его ризу. Бог привёл их сюда, как отца Алипия, который воевал. Я помню, как в начале 80-х годов 9 мая в Псково-Печорский монастырь приезжал военный комиссар поздравлять наших ветеранов. И они на Успенской площади выстраивались шеренгой: в чёрных рясах, с крестами и без (в соответствии с тем, священники они или нет), но все с орденами, с планками медалей на рясах. Зрелище было необыкновенное.

Они были самые разные. Человек удивительного мужества, который служил в военной разведке и взял не одного языка, архимандрит Феофан. Грудь его была украшена огромным количеством орденов. Он был невысокого роста, и фамилия у него была Малявка. Это был настоящий старец — величайшей любви и величайшего смирения, прозорливый, великий. И как-то он сказал: «Да, я был в разведке, туда меня послали, но я всю войну молился, чтобы не убить ни одного человека. Да, в плен я брал. Но по милости Божьей даже не убил ни одного врага».

Отец Алипий — легендарная личность. Архимандрит Алипий Воронов дошёл до Берлина, сам себя называл советским архимандритом, нисколько не двоясь и не смущаясь этого определения. Хотя у него с советской властью порой были самые жёсткие отношения. Но он понимал время. И он вёл людей ко спасению именно в то время, он утверждал веру в Бога именно в то время. Он воцерковлял огромное количество людей, в том числе интеллигенцию, в том числе и вас, и Солоухина, и Козловского и многих, многих, многих, кто здесь был. И, уезжая от него, они уносили в своей душе частицу веры, которую он им передавал своей монашеской и офицерской судьбой. Это были великие люди.

— Я был у Матросова. В лесу, на поляне, на том месте, где он закрыл грудью дот, стоит одинокая стела. И у меня возникла мысль, что, если бы он выжил, он бы ушёл в храм. Потому что это и есть то высочайшее переживание войны, жизни, смерти, жертвенности, которое людей меняет в корне, если они не умирают при этом.

— Происходит по-разному. Я бы не сказал, что все люди, даже получив смертельные раны

и после них оставшись в живых, становились верующими и церковными людьми. Большинство, да. Но для многих вера была настолько сокровенной частью их жизни, что любые разговоры о ней они принимали в штыки, не хотели говорить. Тем более когда вдруг начинались несколько экзальтированные и надуманные истории. Таким был Виктор Петрович Астафьев.

Я знал, что он был верующий человек. Не могу сказать, что я с ним дружил, но у нас было очень доброе, хорошее и нередкое общение: в Москве, в Вологде, в Новгороде… И он говорил мне о своей вере доверительно и очень интересно. Но когда однажды кто-то стал говорить о том, что чуть ли не на каждом фронте были священники и только благодаря им и каким-то особым молебнам вершились победы, он просто взорвался: «Да не видели мы никаких священников! Может, они где-то были. И не хочу я об этом говорить. Что было, то было, а надумывать не дам».

И я его очень хорошо понимал.

— Я предавался размышлениям, что такое псковская земля, с которой я 60 лет, наверное, связан. Я пытался эту псковскую благодать расчленить, что не является благодарным делом. Потому что это целостное ощущение. Если Киев — это матерь городов русских, то Псков — отец государства Российского. И все пять империй, в которых мы, русские люди, проживаем, здесь побывали и остаются. Все пять империй поцеловали псковскую землю. И поэтому Псков — это город-государственник, город-империя. Псков — это щит, потому что империю всё время хотели покорить, раздробить, разгромить. И Псков всегда вставал на пути этих разгромов. Он весь изранен, весь в пулях, в наконечниках и стрелах. Он — город-богатырь, который вставал на защиту государства. В этих боях, молениях постоянно совершались чудеса. Здесь постоянно были откровения. И поэтому Псков — город чудесный, он связан с чудом. С чудом ещё и потому, что все пять империй, когда кончалась одна из них и России не должно было больше быть, они, эти империи, продолжались через чудо! И Псков несёт в себе эту чудесную, таинственную, пасхальную воскресительную благодать. И конечно, Псков — это чертог красоты. Таких прекрасных псковских храмов, похожих на русские белые печи, такие же тёплые и пахнущие мёдом…

— …или на белые грибы.

— Да, на белые грибы… И таких монастырей, таких фресок, таких икон я нигде не встречал. А Мальская долина, которая переходит и сюда, ведь эта впадина каким-то образом связана с чередой таинственных впадин…

— Путь «из варяг в греки»…

— Может быть, даже и больше. Потому что один мудрец, местный богослов, фантазёр, возможно, сказал мне, что эту впадину образовала Вифлеемская звезда, которая прилетела из Вифлеема и остановилась здесь. А в Буднике лежит в реке большой камень. Это якобы осколок Вифлеемской звезды. Недаром Владимир Святой там родился.

— Это сильно!.. Ну что ж, у человека есть своё мнение.

— А куда делась Вифлеемская звезда — никто же не знает…

— Ну конечно, во Пскове, где она ещё есть? Естественно, больше негде.

— Такой вот град — Псков. Я думаю о псковской мечте. Мечта — та таинственная восхитительная сила, которая не даёт народу погибнуть и выводит его из всех теснин, ущелий, бед, уныния. Я думаю, что псковская мечта связана со служением, овеяна святостью и святой красотой.

— Можно, наверное, подумать, поразмышлять, может быть, даже немножко пофантазировать, можно предложить какую-то мечту, попытаться её сформулировать. Но она уже была сформулирована человеком, с которым псковская земля теперь связана и во времени, и в вечности. Это отец Иоанн Крестьянкин. Он здесь — с середины 60-х годов. Митрополит Питирим лично привёз его после тюрем и ссылок сюда и вручил этого сидельца, священника, архимандриту Алипию. И так отец Иоанн здесь и скончался. Хотя он сам из Орла, хотя служил в Рязани, но навсегда останется псковичом. Так вот, он сказал удивительные слова, которые нужно воспринимать, как заповедал старец, с верой и мужеством. Он сказал (и это были его и завет, и мечта, та самая псковская мечта, о которой вы говорите): «Россия, будь такой, какой ты нужна Христу». Эти слова — не выдуманные, а исходящие из самого сердца духовной жизни псковской земли, Псково-Печорского монастыря.

— Да… «Россия, будь такой, какой ты нужна Христу».

Любое государство, в частности русское, управляется традиционными государственными средствами. Финансами, которые направляются в ту или иную область. Иногда — силами, когда нужно смуту подавить или защитить страну. И мудрому правителю, использующему этот арсенал средств, удаётся развивать государство, двигать, защищать и сберегать его. Но мне кажется, что в России, помимо этих очевидных и рациональных средств управления народом, существует и другой арсенал средств, который просвещённый правитель в самые тяжёлые для России периоды использует. Это такие представления, как Русское чудо, Русская мечта, пасхальный смысл Русской истории, святость Русского оружия, Русской природы и земли. Но область этих представлений — она забыта или не слишком явлена. И, наверное, церковь, и псковская церковь, и быть может, владыка Тихон в состоянии сформулировать эти законы, через которые народ спасается, не унывает, преодолевает государственное безденежье, преодолевает дурь чиновников, преодолевает супостата, который сжимает кольцо вокруг России. Потому что, когда умолкает рациональное, в душе русского человека просыпается божественное, восхитительное. Вам не кажется, владыка, что Псков мог бы быть школой, университетом божественной политологии?

— И Псков, и вся русская земля. Я абсолютно с вами согласен и даже готов исполнить ваше поручение — сформулировать то, о чём вы сказали, как ни дерзновенно это звучит. Я выскажу какие-то мысли, может быть, спорные, но для меня они абсолютно безусловные и подсказывают мне их не только наша святоотеческая

мысль и история, но и великие правители России. Александр II, когда у него спросили, легко ли управлять Россией, ответил: «Россией управлять не сложно, но бесполезно». Он сказал и по поводу того, какими законами управляется Россия: «Все страны управляются законами и правилами, а Россия живёт по пословицам и поговоркам».

То иррациональное, о чём вы говорите, звучало в устах этого великого и трагического реформатора России особым образом. Он был весьма рациональный человек. И вот к какому абсолютно иррациональному выводу он пришёл уже на закате, хотя и неожиданном закате, своей жизни. Есть ещё один пример. Это уже не русский государь, а русский политик и вельможа Христофор Миних. Знаменитое его высказывание, что «Россия отличается от всех других стран тем, что управляется непосредственно Господом Богом, потому что иначе совершенно нельзя понять, почему она до сих пор существует». Вот этот русский «авось», на который, казалось бы, нельзя надеяться, а надо трудиться. И все нам говорят: и церковь, и житейская мудрость, и мудрость великих людей, — трудиться, трудиться… И трудимся. И, слава Богу, когда как получается. Но этот вот русский «авось», который иногда вдруг оказывается чудом неожиданным, а на самом деле вымоленным. Это один из самых поразительных и, может быть, самых важнейших факторов нашей жизни. Я не буду перечислять всех тех, кто вдруг открывал это для себя: и наших отечественных мыслителей, политиков, и зарубежных… Черчилль говорил примерно так: Россия — это тайна, закутанная в секреты и ещё раз закутанная во мрак каких-то загадок».

«Умом Россию не понять, аршином общим не измерить». Мы тоже понимаем, что этому можно только верить. Западные люди ищут эту загадку русской души. А мне тайну русской души, загадку русской души отчасти приоткрыли китайцы.

Как-то я был в Китае, и переводчик рассказывал, что у них для каждой страны, каждого государства есть некое нарицательное обозначение. Сам Китай — это Поднебесная. Под небом есть только Китай, а остальные окружают Поднебесную. Соединённые Штаты Америки в их восприятии — страна счастья, страна в основном счастливых людей, для которых комфортность — одна из главных задач, это их исторический выбор. Франция — страна законов. Англия — страна мужественных людей. Германия — страна мастеров. И когда в «Жэньминь жибао» даже в советское время говорили о том, что в Китай приезжает президент Франции, например, то это звучало (как мне об этом рассказали) — «в Поднебесную прибыл президент страны законов». Естественно, я спросил, как называется по-китайски наше Отечество? И переводчик сказал: это страна неожиданностей. Страна и народ, от которого можно ожидать самого необычного, нежданного. Страна, которая сама для себя тоже является загадкой. Мы действительно сами от себя иногда не знаем, чего ожидать. Мы полны таких сил, которые рационально не можем и сами ни оценить, ни сформулировать. В этом и сила, в этом и в какой-то степени наша проблема и задача для разрешения. Но мы именно такие. Мы можем быть и Ильёй Муромцем, который вдруг неожиданно встаёт с печи и совершает великие подвиги. А можем быть мужичком у Достоевского, который полдня стоит в тулупчике, кушаком подвязанном, созерцая природу, и потом вдруг непонятно куда пойдёт: то ли в Иерусалим, то ли чего-нибудь подожжёт. Помните у Достоевского эти жёсткие слова? Федор Михайлович говорит: в этом русский мужик, это наша тайна и наша загадка.

— А что в мире существует, но неопределимо? Ведь в мире есть нечто, что абсолютно существует, но не поддаётся окончательному определению.

— Это Бог.

— Конечно, это Бог. И я думаю, что Русская мечта — она неопределима. Она невыразима. И тщетно пытаться найти ей объяснение. Потому что если Россия управляется Богом, если русская история объяснима только через чудо, то, конечно, и Русская мечта — это нечто созвучное с Царствием Небесным.

— Мы ждём в своей истории и в некоей квинтэссенции нашего народа ни больше ни меньше, чем Царствия Небесного. Не земного, а Небесного. Мы хотим поместить в свою душу ни больше, ни меньше, как самого́ бесконечного и неизъяснимого Бога.

— Да, это так. Это и есть та наша сокровенная мечта, которую, наверное, многие ещё не могут выговорить и не могут понять. Но это дело времени и дело молитвы предков, которые об этой мечте прекрасно знали. Продолжим каждый на своём месте трудиться. Потому что, как я сказал себе, отступать дальше некуда, за нами — Царствие Небесное.

Адам русской поэзии

Беседуют Александр ПРОХАНОВ и директор Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» Георгий ВАСИЛЕВИЧ

— Георгий Николаевич, мне кажется, что есть Пушкин петербургский, состоящий из гранита, дворцов, державной мощи, блеска залов и грома, шума балов… А есть Пушкин псковский. И это нечто другое — нежное, возвышенное, связанное с укладом, с усадьбой, с природой. Как вы чувствуете это разделение, как вы чувствуете Пушкина псковского?

— Мы не просто чувствуем, Александр Андреевич, мы знаем, что здесь Пушкин совершенно другой. И мы говорим о нём как о том, кто присутствует в жизни Михайловского до сих пор самым естественным образом. Хотя бы потому, что могила Пушкина, которая находится в двух километрах от Михайловского, не только подводит черту прожитой жизни поэта, но эта могила — она ещё и место, с которого начинается его посмертная жизнь. Посмертная жизнь среди нас, вместе с нами до сих пор постольку, поскольку мы готовы считать Пушкина своим учителем, другом.

Вот однажды на могиле Пушкина я увидел плачущую женщину. Всегда хочется подойти и спросить, может быть, чем-то помочь. Спросил. Она улыбнулась, сказала: «Я плачу не потому, что мне плохо. Я прихожу сюда не первый год. Это — единственная могила, которая у меня осталась. Так получилось, что все мои родные, все люди, на могиле которых я хотела бы побывать, находятся так далеко, что я не могу этого сделать, или могилы их неизвестны. И я прихожу к Александру Сергеевичу, чтобы вспомнить его и вспомнить их одновременно».

И я вдруг понял, что мы вполне могли бы носить ещё и второе отчество — Александровичи, просто по праву причастности к Александру Сергеевичу, к его слову.

Почти 200 лет тому назад он приехал сюда впервые, зная об этом месте, что оно есть, но не представляя себе, что это такое. И вдруг глаза его распахнулись. Холмы, луга, потрясающий, к тому времени уже достаточно старый, парк, ощущение того, что ты дома, что это твоё, родное… И впервые здесь он увидел ту жизнь, которая сильно отличалась от подмосковной и наверняка очень отличалась от петербургской. Здесь он понял, что есть народ, что есть простые слова, которыми описывается жизнь повседневная, что есть незаметный повседневный труд. И здесь, наверное, было одно из потрясений, давшее нам «Бориса Годунова»: что история начинается не вчера, а в древних и старых русских временах. И строки «Руслана и Людмилы», и строки, рассказывающие о временах Бориса Годунова, они про это место. То есть вся русская история укладывается в эти места, она здесь живёт. Более того, мне кажется, что в какой-то момент Александр Сергеевич понял, что он не только за свой талант отвечает. Он отвечает за поколения, поколения и поколения русских людей, что прожили жизнь безымянными пахарями, воинами, учёными, монахами и оставили после себя некую живую ткань нашей истории, которая, однако, не названа. А назвать её бывает дано редкому человеку…

— Вы имеете в виду жизнь простонародья?

— Да. Ведь здесь умирали поколения крестьян, здесь умирали поколения воинов, которые защищали нашу Родину. Мы не знаем, как их зовут, мы молимся о них всех вместе. Но Пушкину предстояло в образах литературных воссоздать ту историю, показать нам, что жизнь не проходит лишь только в петербургских салонах.

— Я думаю, что в Петербурге он бы не мог написать «здесь чудеса, здесь леший бродит, русалка на ветвях сидит». Он мог написать это только здесь. Здесь дивные леса, здесь леший бродит, может, даже его имя — Василевич.

— Мне говорили, что однажды Валентин Яковлевич Курбатов, провожая дочь и сына своих друзей, шёл впереди. Была луна. Он вышел так, что она стала светить, обнимая его голову, и шедшие за ним вдруг испугались, потому что два вихра встали так, что люди не понимали, кто их куда ведёт.

— Места-то сказочные, таинственные, мистические…

— Очень живые, очень сильные и до сих пор сохранили своё самостоятельное представление о жизни — естественной жизни, такой, какой она была.

— Пушкин, живя здесь, во Пскове, в Михайловском, эти все тончайшие энергии в себя вбирал, пропитывался, наполнялся, переводил в стихи, в жизнь, в судьбу свою. А потом их отдавал и продолжает отдавать этим местам. То есть происходит круговорот этой мистической (или поэтической) энергии. Сначала он аккумулировал, собирал, а потом, когда жизнь его оборвалась, он стал её отдавать. Как берёзовые дрова в камине: при жизни растут ввысь, а потом

они греют, греют, греют… Пушкин для этих мест, для Псковщины, очень многое значит.

— Мне кажется, что здесь есть ещё одна важная вещь, которая только в Михайловском в полноте и смогла осуществиться. Поэт — это тот, кто владеет словом настолько, что оно максимально лаконично передаёт самые сущностные вещи, связанные с культурой, жизнью народов, с бытом. Именно поэтому он — поэт. Проза развивает смыслы в более обширных текстах. А поэт дает очень сжатое понимание и очень энергически мощное понимание того мира, о котором пишет. Поэт — это слово. Мы все знаем о том, что «в Начале было Слово». Мы знаем, что избранным даётся чувство слова до такой степени развитое, что они способны им приближать к Богу. Или к каким-то важным истинам, без которых жизнь не состоится. И в этом смысле Пушкин явил собой здесь первого человека, который эти места безымянные назвал. Он приходит сюда, и ему дано, как когда-то в раю, ходить и называть. И как сказано: и то, что назовёшь, то навсегда останется…

— Это русский Адам?

— Да. По существу для России — тот первый человек, тот Адам, что, создавая язык, даёт нам палитру смыслов, которую мы пытаемся вновь и вновь высказать самим себе каждое поколение и насколько это может — каждый человек. С этого начинается любое творчество. А представить себе жизнь человека без творчества (а мы говорим ещё и о мечте), изъять у мечты творческую составляющую — это значит превратить человека в жалкое подобие самого себя. Ведь из Библии мы знаем, что человек создан как подобие Бога, как творец в своих небольших пределах. И то, что мы сейчас находимся в этом месте, то, что уже скоро как 120 лет сюда приезжают люди и здесь отвечают на свои собственные вопросы, здесь ставят эти вопросы, тоже неслучайно. Неслучайно просто потому, что это место создано и скреплено словом.

— Есть загадочные связи между человеком и местом, где он обретается. Эти связи до конца не выявлены. Я был в Константинове, и там, в Константинове, Ока делает потрясающую излучину, как будто в этом месте изменилась гравитация, Земля стала вращаться в другую сторону. И вся природа вдруг как бы поднялась дыбом, вихрем в каком-то восторге. И я подумал: а может быть, это произошло, потому что Есенин здесь родился…

— Потому что он там родился и состоялся.

— Не Есенин родился здесь, потому что здесь космический изгиб реки, это было бы понятно: вот на какой-то скважине, на аномалии мира, где творят духи, возник дивный поэт… А может, рождение поэта изменило ландшафт мира? И я думаю, что в каком-то смысле появление здесь Пушкина изменило ландшафт этого места, Псковщины.

— Вне всякого сомнения. Это действительно так, и это видно, когда вы пересекаете незримую границу музея-заповедника и земли, лежащей за его пределами. Я, слушая вас, подумал о том, что все, наверное, в детстве имели дело с раскрасками. И были такие раскраски, в которые надо было вносить краску, а были те, в которых для выявления цветов достаточно было намочить кисточку, провести по уже раскрашенному, но невидимому рисунку, и он проявлялся. Мне кажется, что Пушкин и подобные ему гении именно это и делают: они проявляют всевышний замысел о месте и оставляют его нам в подарок как место, в которое можно войти и пребывать одновременно и в текущем времени, и во времени вечности, до известной степени. Он, по-моему, один из тех, кто для нас проявил это место.

— Это и есть, может, то, о чём в своё время Вернадский говорил, что человек имеет геологическое значение для Земли. То есть появление человека меняет планету. И в этом смысле, я не боюсь показаться слишком пафосным, можно говорить о пушкиносфере.

— Можно.

— Можно говорить: «биосфера», «техносфера» и «пушкиносфера». Она — в России. Россия живёт в пушкиносфере по сей день.

— И всё это происходит тем не менее через родство слова и Земли, слова и пространства, слова и ландшафта. Это те невидимые, тайные связи, которые поэту помогают найти нужные слова, которые нам помогают найти нужные вопросы и ответы в своей жизни. Ведь любого человека, вне зависимости от того, насколько глубоко или поверхностно он об этом задумывается, всю жизнь преследует вопрос: для чего жизнь дана, зачем мы живём? Что нам надо сделать?

— Лев Николаевич Гумилёв, который тоже бывал на Псковщине многократно, говорил, что как раз эта космическая сила, космическое излучение, они падают на ландшафт, на землю, а посредником или результатом падения является народ. Или является Пушкин. То есть Пушкин является результатом соединения этого божественного ландшафта с таинственными небесными силами. Он их соединил. И в этом смысле, конечно, Пушкин сегодня — первый человек, а может, даже не первый человек, а прачеловек. Прачеловек!

— Во всяком случае, для нашей литературы он действительно первый человек, он Адам. Адам, которому дано было в стране, которую все считали варварской, усилиями всего-навсего одной короткой жизни открыть такую перспективу, которая ещё очень долго будет для нас открытой, если мы только сами не предадим себя и своё призвание. И это жизнь через слово — посредством молитвы и творческого слова.

— Мне кажется, что у Пушкина — пульсирующая судьба. Есть пульсары в небесах, есть звёзды пульсирующие. И Пушкин — то разгорается и наполняет всю нашу жизнь, а то как бы уходит в тень, отстраняется, уходит на обочину, освобождая пространство. И это пространство набивается бог знает чем — ужасным и скверным. А потом он опять воскресает, и опять — новое нашествие Пушкина или вторжение в нашу жизнь. Что это такое? В 1937 году было, по существу, второе пришествие Пушкина, а может быть, даже и третье.

— Причём происходило это в год смерти Пушкина, а заявляло — о его бессмертии. И, значит, о бесконечных возможностях того народа, в котором он живёт.

— Это тоже очень важно, потому что год смерти — «смертию смерть поправ». По существу, это был пасхальный акт…

— В преддверии того армагеддона, который развернётся через несколько лет на нашей территории.

— Пушкин оказался тогда среди изнурённого народа. Ведь народ 1937 года был очень изнурён: труды нещадные, раскулачивание,

репрессии. Народ был отстранён от власти, были ропоты, ненависть, гражданская война ещё не кончилась. А Пушкин был помещён в этот народ и подготовил его для огромной коллективной борьбы, войны.

— Чрезвычайно важно, что он первый выступил как знамя, под которым можно было всем собраться: и людям дворянского происхождения, просвещённым, аристократам, и крестьянам. Он был равноблизок и равноудалён от тех и других. Он оказался тем основанием, которое сплотило людей накануне большой беды.

— Под Изборском стоит стена крепостная, о которую разбивались нашествия тевтонов. И там, в этой стене, выложены камнями Голгофа, крест. А на эту голгофу, на этот крест двигался католический крест или католическая голгофа. И кресты схватывались: тевтонские кресты и православные русские кресты. И по существу, Пушкин выступил против гитлеровской «Аненербе», он выступил против тевтонской мистики, против глубинного, мрачного. Против этой чёрной бездны он выступил со «Сказкой о царе Салтане». И оказался сильнее.

— Что ещё удивительнее: слово, которое было ближе всего к Богу, оказалось способным доказать, что внешние почитания чего бы то ни было: внешние представления в виде креста, представления о том, что мы — такие, а вы — другие, — оно ещё ничего не решает. Решает глубинная суть народа, который несёт в себе — в самых страшных, критических условиях, «знаменуясь» через звезду, символ человеческого земного бытия. Ведь звезда — символ человека как такового. Даже сквозь это несёт свет.

— Получилось, что кресты «Тигров» были побеждены «звездой пленительного счастья». И эта пульсация Пушкина говорит о том, что Пушкин грядёт. Мы же были в чудовищном времени 90-х годов, когда Россия вся отхлынула. Вместо России возникла дыра, чёрная пропасть. И сейчас мы медленно, но неуклонно эту пропасть опять заполняем тем, что удалось не рас-

плескать. И Пушкин возвращается. И ваш музей, ваш заповедник — то место, куда стекаются пушкинские ручьи.

— Даже шире — куда стекаются и те люди, которые вчера ещё не совсем понимали, что Пушкин в их жизни есть. И здесь всеми средствами, доступными человеку на Земле, все говорят об одном и том же: ты — человек, ты имеешь право на творчество, имеешь право мечтать, и твоя мечта непременно сбудется, как свет, за которым можно идти из поколения в поколение. Потому что идти можно за чем угодно, но если ты не идёшь за светом, ты идёшь во тьму, в небытие.

— Я пытался заняться неблагодарным делом — как бы разложить и расчленить пушкинскую идею, пушкинское творчество. Я увидел в этом творчестве то, что мы называем государством, державой, империей. Пушкин действительно был государственником, в нём жило ощущение великого русского могущества и история Пугачёва. Пугачёвский бунт, и Годунов, и Полтава… Там он, совершенно ясно, был носителем русской государственности.

— И более того, собирателем земель русских. Помните, как он в «Памятнике» перечисляет те народы, которые вспомнят его.

— Он был имперский в этом смысле художник, потому что считал, что Россия, Русь, держава — там все: и калмыки, и тунгусы — «всяк сущий в ней язык». И конечно, он хотел, чтобы эта империя, эта держава была защищена. Он был воинский поэт. «Сиянье шапок этих медных, насквозь простреляннных в бою <…> полки увидели Петра <…> и грянул бой, Полтавский бой…» Он был воинский поэт. Он видел, что Россия крепка своим воинским подвигом. И держава держится на воинском торжестве.

— Думаю, это тоже было одно из тех переживаний, которое связано с этим местом. Здесь очень трудно было не заметить славную военную историю России. И мне кажется, он нёс это в себе, и — удивительная тоже догадка — может быть, ему и не дано было стать, как Лермонтову, военным, просто потому, что когда у тебя есть что-то неосуществлённое, ты глубже, ярче, иногда болезненнее, иногда точнее со стороны можешь передать это состояние. Поскольку, когда ты находишься внутри, скажем, воинской службы, у тебя есть устав, есть необходимость выполнять рутинные задачи, и исчезает главное — внутреннее героическое напряжение, которым только и даётся подвиг.

— Но он стремился на войну. Он хотел разделить военную долю со своими коллегами, со своими друзьями-декабристами, он хотел быть рядом с ними в строю.

— Стремился. Даже ходил в атаку, чтобы пережить это.

— Да, да. Значит — имперский пафос и воинская доблесть, без которых империя не устояла бы. И в Пушкине есть то, что хотело бы сделать эту империю не империей полосатых шлагбаумов и часовых у крепостей, а наполнить её благодатью, добром, светом, справедливостью. Отсюда то его начало, о котором наши либералы говорят: он свободомыслящий человек. Конечно, всё было. «Звезда пленительного счастья», «Братья…», «Ярем он барщины старинной оброком лёгким заменил; и раб судьбу благословил», его любовь к крестьянам — ко всем. Он хотел свою державу, свою крепость наполнить благом, добром возвышенным.

— Пушкин жил в православной стране. Его окружали храмы, церкви, посещал, наверное, богослужения, но в его творчестве тема христианства звучит слабо, так скажем. И наши православные в этом не видят его приверженности к христианству. Но ведь сама идея красоты, которую он исповедовал, красоты, которой он наполнил поэзию, эта красота — ипостась Бога. И в этом смысле Пушкин — абсолютно религиозный поэт. Он наполнял своё творчество красотой как ипостаси Бога.

Есть ещё два очень важных момента. Ведь Пушкин умирал тяжело и достаточно долго. И в эти неполные три дня, когда перед тем, как наступила смерть, он исповедовался, и священник, который его исповедовал, признавался потом, что он сам хотел бы такой исповеди — полной и ясной, и сам хотел бы умереть с таким же чувством освобождения и близости к Богу, которое в этот момент было у Александра Сергеевича. И ещё, как ни странно, мы отмечаем всякий год день памяти Пушкина — это день святого Исаака Сирина, чью молитву Пушкин переложил в стихотворении «Отцы пустынники и жены непорочны…» Бывают, как он сам говорил, странные сближения, но они тоже, задним числом какие-то вещи

заставляют видеть в другом ракурсе, в другом свете. И это, наверное, тоже неслучайно. И неслучайно то, что столько усадеб, при которых не уцелели храмы. А ведь Михайловское — одно из гармоничнейших мест: не только три усадьбы, не только крестьянский мирок возле мельницы, но ещё и Святогорский монастырь, что остался стоять на своём месте над могилой поэта, которая всегда пребывала так, как, наверное, хотелось бы, чтобы все могилы пребывали.

И немецкие танки, бронетранспортёры её не тронули, могила не пустила их к себе.

— Если мы говорим, что Пушкин — это первый человек, то в нём, как в первом человеке, существует всё, и богочеловек — тоже. Его смерть, его гибель — это не простая дуэль. Это не просто борьба за честь, битва за дворянское достоинство. Мне кажется, что в этой смерти тоже есть что-то очень религиозное, глубинное и поучительное. Это в каком-то смысле жертва. Он принёс себя в жертву. И явно или не явно, но эта смерть, эта гибель должна была показать этому остывшему, наполненному грехами, хладному, смердящему миру, что есть подвиг, есть красота, есть мученическая смерть красоты.

И что есть нежелание принести в жертву других, а готовность выйти и стать под выстрелы самому. Я был на месте, где погиб Матросов, и мне пришла мысль, что Пушкин — это Александр Матросов русской поэзии. Матросов и Пушкин закрыли собой амбразуру, откуда вырывалась тьма, чтобы эта тьма не летела в других. И, конечно, мистическая фигура Пушкина, она не раскрыта до конца. Она, видимо, бездонна. И я думаю, что грядут времена, жестокие времена, причём жестокость, она будет не в крылатых ракетах. Она будет в том, что человеческие отношения будут формироваться тем, что мы называем цифрой. И ответом на нашествие цифры, мне кажется, будет пушкинский взрыв. Пушкин сломал «Аненербе», и Пушкин выйдет сражаться с цифрой. Мы находимся в преддверии возвращения Пушкина.

— Мне кажется, что он уже в эту борьбу вступил. Посмотрите, как произносятся ранние фразы, которые считались эпитетами прославляющими. Меня в последнее время очень интонационно «царапает» то, как произносится «это наше всё», например. Интонации очень важны. А пытаются в очередной раз пренебрежительно выбросить их как ненужный материал, отработанный. То есть, оказывается, борьба уже идёт. Уже она началась, и она, думаю, будет принимать ещё более серьёзные и, может быть, более пространные формы, чем сегодня.

— Думаю, что всё-таки молодой ум в поисках не остановишь ничем: ни водкой, ни наркотиками, ни обманом, ни футболом. Он очень пытлив. И молодые люди пытаются открыть новые элементы, новые вещества, создать новые программы компьютерные, хайтек. Но Пушкин — это такая планета, такой континент, который даст пищу любому пытливому молодому русскому уму. И время новых пушкинистов тоже грядёт.

— Произведения Пушкина ещё и тем хороши, что они в цифровой век, век математики и цифры, поддерживают, как молоко матери, в человеке душу. Питаться голой цифрой душа не может. Человеку нужна пища другая, которая дарит уверенность, веру, размышления, возможность отойти от привычных событий, которые заслоняют собой всё. Пушкин — это то пространство, та вода, тот живой воздух, в который, входя, ты выходишь другим, обновлённым. И без этого нет полноты человека. А неполный человек не может создать в полноте своей шедевр. Он может создать что-то гремящее механически или электронно-совершенное, но абсолютно не человеческое. А ведь мы говорим о жизни человечества. И в этом смысле Пушкин — один из самых человечных творцов.

У нас сейчас в Михайловском отряд доброхотов — школьники из Перми, ученики физико-математической школы имени Пушкина. Зная, как он учил математику и физику, можно улыбнуться и сказать: это совершенно несовместимое. А между тем это одна из тех редких школ, в которых дети получают одновременно специализации и по физике, и по математике, вплоть до бакалавриата. И в то же время они не чужды слову, не чужды художественным занятиям, музыке и танцам, это является частью их общечеловеческого развития. Они приезжают сюда как молодые пушкинисты, один из которых сделал интересный доклад «Пушкин — математик». Показал, что Пушкин столько-то раз в своих произведениях употребляет математические термины, и сделал вывод, что эти термины ни разу не противоречили своему глубинному значению, хотя

Пушкин математиком никогда не был. И это тоже ведь — слово. Это слово, которое вмещает в себя все смыслы, вплоть до тех, которые мы считаем далёкими от языка и литературы.

— Может быть, кто-нибудь из этих учеников откроет новый элемент и назовёт его «пушкиний».

— Может быть. Надо подать им эту идею.

— Георгий Николаевич, вас Россия любит, знает. Михайловское — это место поклонения и паломничества. Через вас проходит масса людей и добрых, и злых, и возвышенных, и глухих. Но все они, проходя через это игольное ушко, меняются. По эту сторону Михайловского они становятся другими. Какими? Трудно сказать. Но ясно, что осенёнными. И для меня просто счастье беседовать с вами среди этих рощ, на фоне этих мест, где гулял Пушкин, где он обожал и целовал свою незабвенную Анну. И это удивительная благодать, что мы, русские мечтатели, учимся этой мечте у Александра Сергеевича Пушкина.

— Мне хочется сказать пушкинскими словами, что это место воплощает в себе три понятия, без которых жизни нет: и саму жизнь, и слёзы, и самое главное — любовь. Это место очень многим дарит любовь, причём в разных ипостасях. К близкому человеку, к Родине, и в равной мере — неразделимо от его личного восприятия самого себя. И в этом смысле Пушкин жив до сих пор и продолжает быть среди нас.

— Если сам Пушкин, прах его лежит в могиле, в монастыре, то всё, что здесь есть и чему вы посвятили свою жизнь, является своеобразным нимбом вокруг него.

Сады души моей

Белгородская земля. Тучные нивы, золотые, до горизонта, поля подсолнухов, шёлковая, без единого сорнячка пшеница. Великолепные дороги, по сторонам стоят хрустальные, как дворцы, теплицы, где собирают по три урожая в год, агрокомплексы, напоминающие марсианские сооружения, города будущего, сконструированные Корбюзье.

Но рассказ о Белгородской области невозможно вести, не начав этот рассказ с повествования о губернаторе Белгородской области Евгении Степановиче Савченко.

О Савченко написаны оды. Создана легенда о Савченко как о кудеснике, который среди распада, уныния создал удивительный цветущий, благоухающий край. Этот край дышит, строится, благоденствует, увеличивает пространство, в котором человек труда творит и улучшает это благоденствие. Савченко — творец теории о справедливом, гармоничном обществе. Усилия губернатора направлены на создание нового человека, для которого мотивом его деятельности является не погоня за чистоганом. А главная мотивация

человека — в том, чтобы постоянно совершать благое, и в тех местах, где ему приходится действовать, жить и работать, увеличивать пространство света и благоденствия. И, увеличивая это благоденствие, человек достигает в своей земной реальной работе удивительных результатов.

Человек усматривает смысл своего существования в благой деятельности, направленной к совершенствованию. Человек осознаёт себя творцом, и творчество его безгранично. Оно простирается на других: на близких ему людей, на природу, которая его окружает, на машины, которые действуют среди этой природы, не разрушая её. Когда Савченко, увлекаясь, говорит о таком благом человеке, быть может, человеке будущего, он, волнуясь, прикладывает к вискам свои руки, а потом разводит их в стороны и обращает ладони к небу, как это делают молитвенники.

Он практик и рационалист до мозга костей. Он знает устройство биотехнологических производств, знает организационные законы, по которым действуют крупнейшие современные мировые и российские корпорации. Эти таинственные духовные технологии, которыми владеет Савченко, направлены на то, чтобы укротить в человеке зверя, чтобы увеличить в человеке человечность и направить его к высшим божественным смыслам.

Я двигаюсь по пространству Белогорья, находя повсюду подтверждение этому учению. Вижу, как вокруг меня невидимый садовод взращивает сад, сад души моей.

От Белгорода лучами в разные стороны расходятся поселения, которые здесь зовутся агломерациями. Белгород расселяется. Человек выхватывается из городских сгустков стресса, напряжения, раздражённости и выносится на природу. Здесь он почти бесплатно получает 15 соток земли. К участку подведены газ, вода, электричество, отличные дороги. Это соединяет человека с местом его работы, с центрами интеллектуализма или производства.

Владелец участка строит дом по своему замыслу и усмотрению. Такой, какой, быть может, виделся ему только в снах. Он живёт на природе. Он видит лес, небо, ночные звёзды, реку. Он обретает свободу, ту, о которой мечтали и не находили предшествующие поколения.

На новом месте он может взращивать семью, увеличивать число детей, лелеять утомлённых жизнью стариков. Было удивительно встретиться и беседовать с молодой четой, получившей такой земельный участок. Они достраивают свой дом — затейливый и красивый. Осматривают влюблёнными глазами пока пустующий участок земли, мечтают, где здесь будут цвести каштаны, где — разбиты цветники, где будет детская площадка для уже родившихся и ещё не рождённых детей. А где поставят беседку, в которой станут чаёвничать их утомлённые жизнью родители. Их 8-летний сын, осваивая своё новое родовое поместье, вывел мелом на кирпичной стене гордую надпись: «Я — царь горы».

А вдалеке белели известняковые горы, и в зелёных дубравах сверкала река.

В Шебекинском районе я видел завод по производству лизина. Сооружения «Завода премиксов № 1», состоящие из цилиндров, сфер, ажурных стальных конструкций, находятся среди лугов и цветущих полей и не разрушают гармонию природы, а вплетаются в неё, напоминая букет стальных цветов, поставленных в кувшин вместе с подсолнухами. На заводе главной производящей силой являются бактерии. Они жадно набрасываются на патоку, приготовленную из пшеницы. Поедая патоку, вырабатывают лизин. Лизин — это аминокислота, которая добавляется в корм бройлерных кур, свиней, крупного рогатого скота и даже рыб и ускоряет их рост. Причём это не допинг и не генетическая добавка. Это абсолютно чистый продукт. И потому он не отравляет мясо этих рыб и животных. До недавнего времени лизин доставлялся нам из-за границы и стоил дорого, увеличивая общую стоимость продуктов. Сегодня корпорация стремительно развивается, открывает свои биотехнологические предприятия не только в Белгороде, но и в других регионах России.

Генеральный директор Алексей Георгиевич Балановский рассказывал о том, как губернатор Савченко взращивает подобные, быстро расцветающие и развивающиеся, корпорации. Он находит на карте точку, где ещё теплится жизнь, где после всех напастей и разорений, постигших нашу Родину, уцелела энергия, и поскольку отсюда ещё не разбежались люди и в ней пульсирует энергия будущего, делает эту точку точкой роста. Он находит человека, который способен на социальное творчество, на рывок, и перемещает его в эту точку, трансплантирует в место будущего развития. Савченко помогает этому человеку получить необходимые кредиты. Обеспечивает новому предпринимателю поддержку, не оставляет его своими заботами, даёт советы. И точка оживает: в ней начинается рост, саморазвитие. Пересаженный побег пускает корни, выбрасывает ветки, листву, и появляются бутоны, из которых возникает цветок компании. Это «принцип садовника». Его использует губернатор Савченко, взращивая новую экономику области. Он видит в биотехнологиях будущее развитие. Видит в бактериях не микроскопических бессловесных тварей, а великих тружеников, которые создают новые изделия, способствуя благоденствию человека. И я не удивлюсь, если через некоторое время у входа на эту удивительную фабрику будет поставлен памятник бактерии. Поставил же физиолог Павлов перед своей лабораторией памятник собаке. Стоит же на тульских площадях памятник блохе, которую подковал Левша.

Губернатор Савченко бережно и осторожно взращивает и воспитывает глав районов. Он полагает, что из их среды когда-нибудь возникнет его преемник, который подхватит его начинания, продлит его

дело, усвоит его учение и продолжит насаждение садов.

Глава Волоконовского района Сергей Иванович Бикетов — один из них. Конечно, глава должен с умом расходовать каждую копейку из данного ему необильного бюджета. Он должен заботиться о качестве дорог, о водоснабжении, об экологии своего района. Должен ладить с могущественными корпорациями, которые пришли сюда, на чернозёмные земли, как инвесторы и возделывают подсолнечник, пшеницу, другие культуры, ибо эти корпорации могущественные, иногда и капризные, и они пользуются покровительством высоких чинов в Москве. Их появление в районе должно способствовать человеческому благополучию, не нарушать чернозёмное богатство, не давить неосторожными движениями хрупкие человеческие отношения. Они должны способствовать тому, что Савченко называет «солидарным обществом», вписываясь со своим могуществом в эту солидарную человеческую общину. Сергей Иванович исполнен светлой энергии, которая делает его обаятельным, доступным и очень дельным, рачительным человеком.

Комбайнёры, крепкие, загорелые, только что кончили свой обеденный перерыв и готовы сесть на великолепные современные комбайны и «добить» пшеничный клин, чтобы потом перейти на своих комбайнах на уборку подсолнечника, сои. А потом заняться сбором сахарной свёклы. Они, эти комбайнеры, встретили своего главу с достоинством, приветливо, без всякого подобострастия, которое иногда бывает при встрече с начальством. Они не стали здесь, в поле, рассказывать ему о своих нуждах, жаловаться, ибо тот часто бывает в их селе, знает их нужды и всегда по мере возможности идёт им навстречу. Он знает, как чувствует себя переехавшая из села в город и поступившая в университет дочь одного из комбайнёров, знает, хорошо ли ходит по местным дорогам купленная недавно иномарка у другого механизатора. Глава района следует наставлениям и учениям губернатора Савченко, который говорит о том, что необходимо каждый день, постоянно, пусть крохами, пусть малыми долями — увеличивать пространство человеческого благополучия, советует, как в людях будить творца, побуждать их к творчеству, где бы это творчество ни проявлялось.

В посёлке Пятницкое Сергей Иванович привёл меня в школу искусств, где юные трубачи, почти невидимые из-за своих огромных гудящих труб, исполняют чудесную музыку — песни и оперы.

А во дворах пятиэтажных домов, ещё недавно обшарпанных, а теперь отремонтированных, ярких, нарядных, он познакомил меня с местными активистами. Они сложились в самодеятельное дружное общество. Их дело — благоустройство дворов. Эти — и молодые, и не слишком — мужчины и женщины облагородили свои дворы. Они привели в порядок, придали нарядный вид хозяйственным постройкам, разрисовали их смешными зайцами и котами. Они своими руками соорудили детские лестницы, горки, поставили песочницы. Их работа — весёлая и счастливая, потому что она совершается во имя детей. И, потчуя меня домашними пирогами, подливая сладкую наливочку, они то и дело поглядывали на дворы, в которых играли их дети.

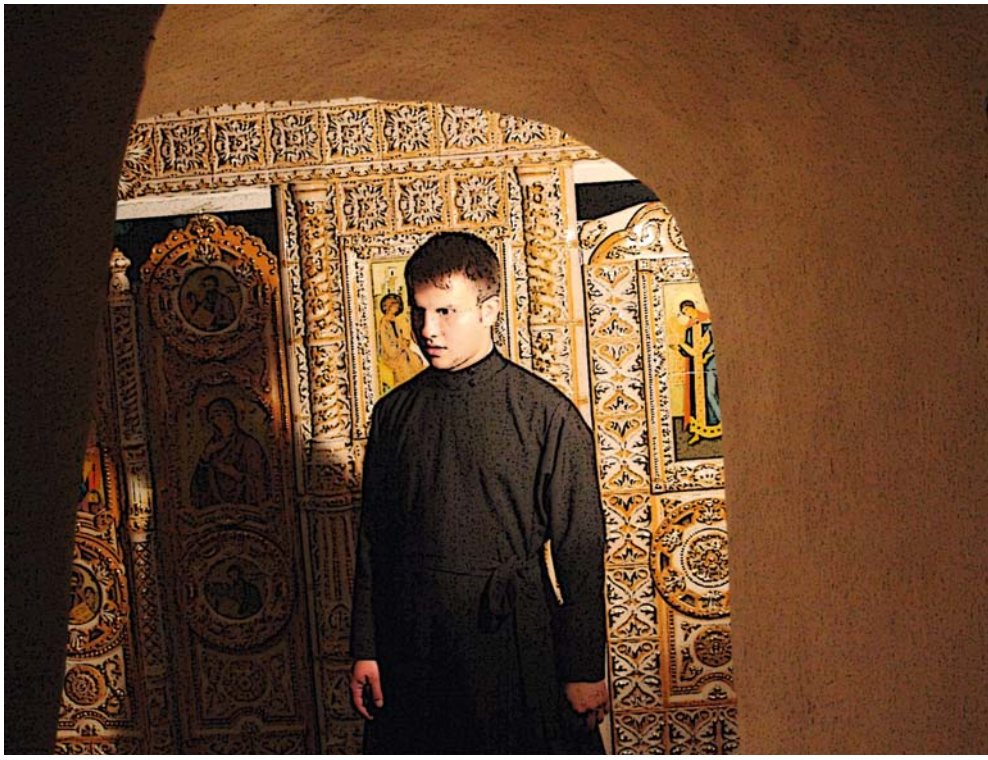
Усилиями главы в районе сберегли построенную ещё в 1914 году огромную шестиэтажную, сложенную из бревен мельницу, которая до недавнего времени вращала в своей утробе железные валы, колёса, молола зерно и производила муку. Теперь эта мельница — музей. А вокруг на берегах реки проводятся ежегодные веселые празднества под названием «Я — русский крестьянин».

Как же мне было интересно и весело смотреть, как молодые парни, оставив свои комбайны с кондиционерами и сложной электроникой, идут за плугом, вспахивая борозду, понукая коня! Как другие ловко машут колунами, наперегонки раскалывая поленья, готовя дрова к зиме. Как девушки, склоняя гибкие спины, подхватывают расписное коромысло и несут от колодца к порогу дома полные воды ведра, стараясь не расплескать ни капли. Конечно, это забава, празднество, когда из стоящих тут же белых печей ухватами вытаскивают горшки с кашей и угощают собравшихся гостей, соревнуясь, чья каша слаще. Однако в этой забаве человек находит не только вдохновение. Но это и воспоминание о том великом крестьянском укладе, откуда все мы вышли, и который сегодня, уже как память, даёт простор нашим чувствам и мыслям.

И ещё глава показал мне в густом сосновом лесу за селом светлую берёзовую рощицу, посаженную человеческими руками. Зачем, думал я, в одном густом и прекрасном лесу сажать другой лес? Но в этот светлый берёзовый лес приходят молодожёны, играются свадьбы, люди приходят посидеть под берёзами. И эта маленькая роща показалась мне небольшой часовней, полной света, из которой люди выходят умилённые и просветлённые.

В Новооскольском районе мне удалось побывать на птицекомплексе «Приосколье» — удивительном, грандиозном предприятии с полным технологическим циклом. Здесь птица вылупляется из яйца, взращивается, нагуливает вес, откладывает яйца… Здесь же идёт переработка. Фарши, колбасы, копчёности. Всё это поступает в торговые сети и имеет постоянный спрос, поскольку задача холдинга — поставка качественного, экологически безопасного продукта, и потому изделия не только очень вкусны, но и не содержат никаких вредных для человека ингредиентов. По словам генерального директора предприятия Александра Александровича Кладова, жесткий контроль ведётся на всех производственных этапах: постоянный микробиологический, физико-химический мониторинг осуществляется как в собственных производственных, так и в независимых лабораториях. Предприятие важно тем, что оно

в своё время восстало против диктатуры американских куриных ног, пресловутых «ножек Буша», сломало эту диктатуру и в конце концов вместе с другими российскими профильными фабриками выдавило эту лежалую американскую продукцию с российского рынка. Предприятие полностью компьютеризировано. Именно компьютеры следят и фиксируют появление яиц, вылупление цыплят. Компьютеры регулируют поступление кормов. Это и есть полуавтоматическое цифровое производство, ещё один пример того, как Белгород превращает традиционное крестьянское хозяйство в высоко индустриализированный современный процесс.

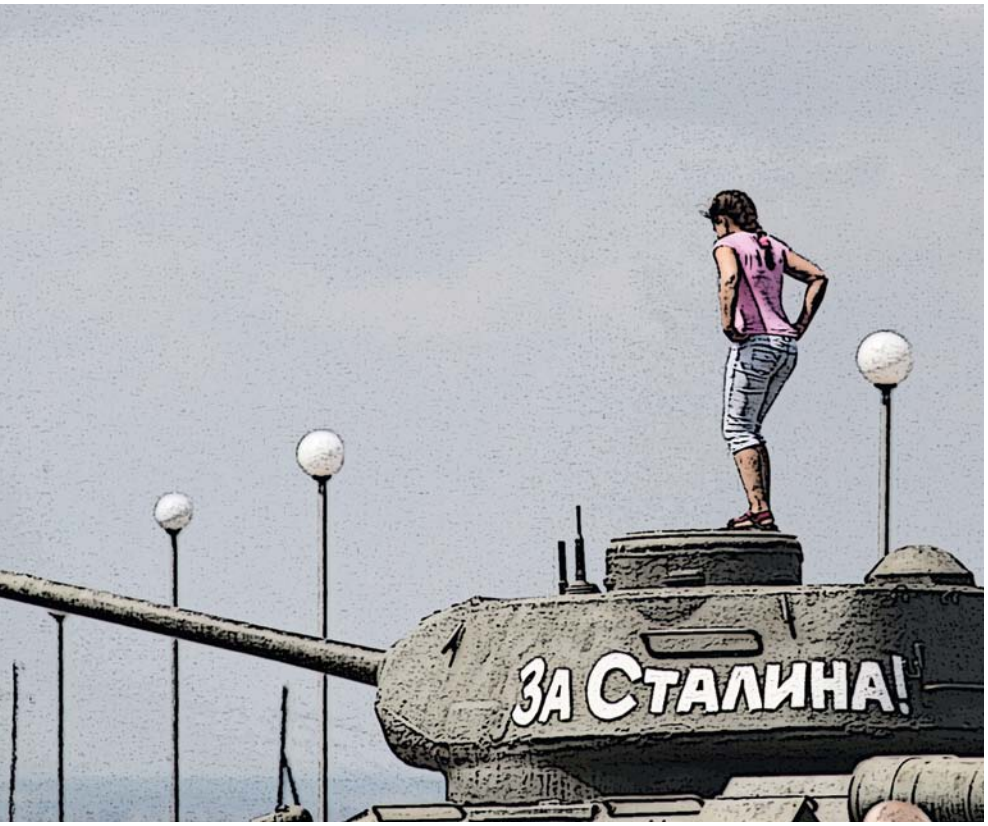


Геология Белгородской губернии загадочна. Она связана с древними океанами. Горы, что иногда вдруг возникают среди полей, белеют выступами известняковых пород, которые образовались здесь на месте древних морей. В этих известняках можно встретить фантастические раковины, отпечатки окаменелых водорослей, иногда — огромных каменных рыб. А ещё океан породил здесь гигантские скопления железа, которые именуются Курской магнитной аномалией. И среди цветущих колосьев нежных цветов вдруг разверзается чудовищный чёрный зев, именуемый Лебединский карьер. Здесь многие десятилетия денно и нощно добывают руду, черпают её тяжёлыми экскаваторами, извлекают из породы взрывами. Руду обогащают, промывают, дробят, превращают в металлизированные гранулы. Из этих гранул варят железо. Чёрный карьер напоминает чудовищных размеров античный театр, в котором сидят великаны и смотрят вниз, в глубину, где бог железа Гефест ворочает своими клещами, своими наковальнями, гремит и сотворяет своё вечное железное дело.

На Оскольском электрометаллургическом комбинате я познакомился с металлургом Александром Васильевичем Бойко. Я допытывался у него, в чём мечта русского человека, о чём мечтает металлург, выпуская из печи струю раскалённого алого металла, от которого слепнут глаза, и даже через спецодежду тело чувствует этот сильный жар. В чём, спрашивал я, мечта его, металлурга, который стоит среди грохочущих печей, среди туманного железного цеха. Металлург сказал мне, что мечтает о том, чтобы заработок у него был хороший, чтобы над головой был кров, чтобы можно было прийти после тяжёлой работы домой и надеть чистое бельё, нарядный костюм, сесть за стол, а в праздники принять гостей, поговорить с ними о чём-нибудь хорошем, приятном. Потом добавил: а ещё металлург мечтает, чтобы на Родине всё было хорошо, чтобы не было смуты, чтобы всё было спокойно, благонравно, чтобы Родина процветала, была счастлива. И ещё, подумав, сказал: мечта состоит в том, чтобы и все остальные народы Земли были счастливы, чтобы они перестали голодать, мучиться от жажды, умирать от пуль и снарядов. Чтобы жизнь на Земле была благоденственна, чтобы наше русское счастье сделало счастливыми и других людей мира.

Я подумал, что такова она, Русская мечта, воплощённая в сталь. И она точно такая же, воплощённая в пшеничный колос. И такая же, воплощённая в громадную подводную лодку. И такая же, воплощённая в маленькую глиняную каргопольскую игрушку. «Была бы наша Родина богатой да счастливою, а выше счастья Родины нет в мире ничего».

Город Губкин построен на краю этого гигантского железного котлована. Город носит имя великого знатока наших земных русских недр академика Ивана Михайловича Губкина. Когда многие десятилетия назад Губкин приехал сюда, в рабочий посёлок, наспех сооружённый, неопрятный, состоящий из деревянных домов и бараков, где жили первые наехавшие сюда горняки и металлурги, он сказал: «Я верю, что будет день, когда здесь возникнет прекрасный город, в котором будут цвести каштаны». Эта вера академика Губкина совпадала с верой множества советских людей, которые строили города и насаждали сады. И каждый из них мог сказать о себе словами Маяковского: «Я знаю — город будет, я знаю — саду цвесть».



Мэр города Губкина Анатолий Алексеевич Кретов возил меня по своему чудесному городу, в котором цветут каштаны. Мэр исповедует ту часть учения Савченко, что гласит: не бойся двигаться медленно, бойся остановиться. Это значит, что благоустройство города, которому всё своё время посвящает мэр, состоит из множества малых событий, малых чудес. Прежде дворы неказистых пятиэтажек, где стояли наспех сооружённые детские площадки, были добычей местных озорников и хулиганов. Ныне благоустройство города включает преображение этих прежде унылых домов, их утепление, раскраску, превращение их в нарядные здания. А во дворах этих домов строятся детские площадки — красивые, со множеством аттракционов. И когда на этих площадках появились дорогостоящие, с любовью воздвигнутые карусели, качели, то вчерашние шалуны и безобразники почувствовали заботу об этих дворах, о своих соседях, о маленьких детях. И случаи вандализма прекратились. И это было маленькое чудо. Один из районов города был малопривлекательным. Но радением мэра здесь был запущен фонтан — великолепный, сверкающий, радужный. И сразу же вокруг фонтана появилось многолюдье. Матери с колясками, веселящиеся ребятишки и, конечно же, десантники и пограничники в дни своих празднеств. Фонтан преобразил район, совершил маленькое чудо.

В городе живёт женщина-инженер, которая ходит по улицам с планшетом и отыскивает точки, куда потом, благодаря её усилиям и радениям, сажаются клумбы, устанавливаются скульптуры птиц и животных. Эти чувствительные точки, украшенные её радениями, сообщают свою красоту, оживляют целые районы вокруг.

В городе стояло старое, обветшалое, готовое под снос кирпичное здание. Но его отремонтировали, сделали в нём музей, и теперь люди с удовольствием приходят сюда, смотрят краеведческие экспонаты. Это тоже, считает мэр, чудо.

Среди множества культурных, просветительских и спортивных начинаний в городе действует программа «Управление здоровьем». Появились так называемые семейные врачи — один врач на тысячу жителей. У этих врачей есть свои офисы, есть свои маленькие амбулатории. Они постоянно следят за своими пациентами и находятся с ними не только в профессиональных отношениях, но и в чисто человеческих. Поначалу люди с недоверием отнеслись к новой форме, но потом привыкли к ней, и теперь она стала абсолютно обыденной, является частью той профилактики, которая позволяет людям следить за своим здоровьем и избегать надвигающихся недугов. И это, считает мэр, тоже чудо.

Кондитерский холдинг «Славянка» находится в Старом Осколе. Его генеральный директор Сергей Аркадьевич Гусев — крепкий, осмысленный, удачливый и терпеливый предприниматель, который некогда выкупил в собственность затухающий маленький кондитерский цех и на месте этого гибнущего цеха создал целую кондитерскую империю, которая открывает свои филиалы по всей Белгородской области и по другим областям России. Он готов снабжать конфетами другие, иногда тоскующие по сластям, русские губернии. Предприятия «Славянки» — это огромный, прекрасно сконструированный автомат, выстреливающий конфетами. Автоматические линии напоминают пулемёты, выстреливающие конфетами — тысяча штук в минуту. Сергей Аркадьевич — тоже человек, которого «спроектировал» Савченко. А он спроектировал холдинг. А холдинг одухотворил и оплодотворил собой окрестность, где возникли пионерские лагеря, зоны отдыха, площадки для досуга молодёжи. Конфета, как её понимает Гусев, это не еда, не сладкое питание. Конфета — это то, что висит на новогодней ёлке среди сверкающих шаров, блестящих звезд. На неё смотрит ребенок, и в сознании ребёнка эта конфета рождает ощущение праздника, волшебства, сказки. Это волшебно-сказочное ощущение ребенок потом несёт всю свою жизнь, вплоть до старости. А когда взрослый человек съедает конфету,

он на несколько минут превращается в ребёнка. Время возвращается вспять, и происходит омоложение. И быть может, седой старец, лакомясь полосатой карамелькой, превращается в ребёнка, осуществляет вечную мечту человечества об омоложении и даже о бессмертии, о жизни вечной.

В Холковском монастыре, в котором существуют вырубленные в известняке холодные студёные пещеры, в подземной церкви, в полутьме, среди горящих лампад я беседовал с монахом о русской мечте. Монах в подземной тьме, держа в руках хрупкий стебелёк свечи, неторопливо говорил, что мечта русского человека — о совершенном бытии, об абсолютном добре, о царстве, где нет насилия, несправедливости, нет зла. Здесь, под землёй, русская мечта уносила нас в лазурное небесное странствие.

Председатель совета директоров крупнейшего агрохолдинга «ЭФКО» — Валерий Николаевич Кустов — человек поразительный. Он создал удивительный центр, где готовят персонал для холдинга. Представители центра отыскивают в белгородских, и не только, университетах талантливых студентов, а среди работников холдинга — тех, кто отличается сметливостью, творческим подходом к делу и высокой профессиональной этикой. Эти люди приглашаются в центр на стажировку. Они проходят здесь трёхмесячный курс и учатся не только профессиональным навыкам, не только знакомятся с новейшими открытиями в этой отрасли, не только обучаются организационным и социальным технологиям, которые связаны с цифрой, с цифровой экономикой. Здесь их учат нравственным подходам к профессии, их учат понимать её как область, в которой присутствуют Высшие Божественные силы и ценности. Их учат свету. Кустов являет собой редкий пример современного российского предпринимателя. Он возрождает тот тип русского предпринимателя, для которого прибыль не является самоцелью. Для которого дело служит не только для обогащения, не только для увеличения его собственного личного богатства, но оно служит улучшению мира в целом. Оно служит справедливому распределению. Служит справедливости и способствует появлению нового российского предпринимателя, или капиталиста, который не вызывает в людях отторжение, раздражение, а подчас и ненависть.

Этот центр с реликтовыми деревьями, прудами с дикими утками, коттеджами, среди которых бегают ручные белки, с учебными корпусами, которые носят романтические названия Черный и Белый замки, с лекциями, которые читают известные философы, мыслители, этот центр чем-то напоминает монастырь, где человеческое сообщество превращается в братство. Где людей, наряду с экономикой, организационной практикой, учат священным текстам, учат солнечным мыслям, учат свету. Мне казалось, что среди этих прудов, среди этих дворцов может возникнуть памятник свету. Огромный хрустальный куб. В этот куб с небес врывается луч солнца, распадается в радужное многоцветье, где каждый цвет является той формой, в которую облекается Русская мечта в той или иной русской земле, среди того или иного народа, населяющего нашу великую державу. И потом эти радужные букеты сливаются в единый, возносящийся к Солнцу луч света.

Прохоровское поле — это огромное достояние белгородской земли. Оно бесценно и незаменимо, как Байкал. Прохоровское поле подобно другим священным полям России, таким как Куликовское и Бородинское. Оно подобно полям Подмосковья, сталинградским полям, оно — как гладь Чудского озера, где состоялась Ледовая сеча. Эти поля русской славы, русской муки и русской победы перекликаются одно с другим. На этих полях в битвах рождалось государство Российское. Эти битвы вели святые русские князья Дмитрий Донской, Александр Невский. В ратниках, которые сражались на этих полях, присутствует святость. Сталь, пребывавшая в мечах, шлемах, кольчугах Дмитрия Донского, Александра Невского, таинственным образом через века перенеслась в сталь боевых машин — танков Т-34. Эти танки здесь, на Прохоровском поле, в страшном небывалом сражении громили врага. Приходящим на Прохоровское поле открывается тот невиданный чудовищный бой, где грохотали орудия, скрежетали гусеницы, где танки, исстреляв боекомплекты, шли на таран, сминаясь и сплющиваясь от ударов, где небо грохотало от тысяч самолётов. Эта битва была не просто схваткой военных машин, не просто военным событием. Здесь бились вселенские силы, силы тьмы и света. Силы ада и рая. И рай одолел, одержал победу над адом. Религиозные философы, исследующие неземную природу этой страшной земной войны, высказывают предположения, что сам Спаситель участвовал в этой битве, горел вместе с танкистами в подбитых Т-34, палил из бронебойных орудий, возглавлял штурмующие пехотные батальоны. Прохоровское поле — это величественная икона среди лугов, подсолнухов, полей, украшенная храмами, часовнями. Множество людей приходят приложиться к этой иконе. И всякий, кто уходит с Прохоровского поля, покидает его преображённым, с высокими помыслами. Прохоровское поле — это белгородская, русская мечта о совершенном бытии, о совершенном справедливом обществе, о совершенной божественной России, ради которой отдаёшь свою жизнь и становишься при этом бессмертным.

Я покидал Белгородскую область вдохновлённый, окрылённый русской мечтой, которая, казалось бы, вот-вот, рядом. Но едва ты касаешься её рукой, как она удаляется, уходит в русскую бесконечность, продолжая влечь тебя за собой. Подсолнух — это прообраз Русской мечты. Это волшебный цветок, обращённый к Солнцу, следящий за Солнцем, поворачивающий свои соцветия ему вослед. Это живой телескоп, который отыскивает в небесах бесконечное светящееся начало.

Мечта как откровение

Беседуют Александр ПРОХАНОВ и губернатор Белгородской области Евгений САВЧЕНКО

– Евгений Степанович, спасибо вам за приглашение посетить вашу губернию. Я утром открыл окно, и у меня создалось ощущение чего-то светящегося. Это белгородское свечение исходит от обочин, от мелькающих домов, от полей, от посевов, от лиц. И оно меня всякий раз посещает, когда я оказываюсь у вас в губернии.

Вообще, я нахожусь в состоянии обольщения, а может быть, и прозрения: я затеял программу под условным названием «Русская мечта».

— Вы потрясающий мечтатель Александр Андреевич!

Мечта в иерархии целеполагания, как мне кажется, стоит на ином уровне, чем национальная идея, поскольку идёт от самой души, а национальная идея от сознания, разума. А разум, как известно должен быть в подчинении души. Поэтому «русская мечта» более широкое понятие, чем национальная идея.

— Хотя одно с другим совпадает, но «национальная идея» звучит политологически, а «мечта» — поэтически, метафорически. Мечта требует своего раскрытия, расшифровки, что само по себе входит в концепцию Русской мечты. Национальную мечту, по-моему, даже невозможно выразить, тем она и сильна. Она, как сновидение: она нам снится, мы просыпаемся, пробуем её найти. Она где-то рядом, но её уже и нет. И надо опять заснуть, чтобы она нам привиделась.

Я поделился этой идеей — поисками русской мечты, с нашими высоколобыми политиками. Они поддержали меня, согласились, что футбол не может быть мечтой и национальной идеей, и вот я отправился в дорогу, исходя из того, что Русская, российская мечта складывается из мечтаний отдельных народов, населяющих нашу страну, и отдельных земель, из которых нас скроила историческая судьба. И если буду двигаться по регионам и отгадывать эти мечтания, в конце концов я сложу их в букет общероссийской большой мечты.

И мне захотелось посмотреть на ваши поля, небеса, на злаки, чтобы с вашей помощью, Евгений Степанович, попытаться отгадать, что такое белгородская мечта.

— Задача понятна. Будем искать ответ вместе. Кстати, Александр Андреевич, сущность Русской мечты изложена в духоносных и прозорливых передовицах, которые вы публикуете в газете «Завтра». Если их отдельно издать, то это будет гимн Русской мечты.

— Мои тексты — это поиски. Русская мечта будет нам дана, думаю, в откровении, а не в измышлении. Пока всё, что мною сделано, это измышление любящего и ожидающего чуда человека. А сама мечта будет явлена как чудо. Она должна прийти к нам и будет связана со священными словами, со священным текстом.

— Совершенно верно. Осмысливая ваши публикации, я пришёл к выводу, что Русская мечта заключается в построении Царствия Небесного на земле и спасении всего мира.

— Да, и Царствие Небесное не только для себя. Спасение мира.

— Вы очень точно почувствовали глубинное стремление народа. Но вот в чём проблема: у народа есть стремление, есть чаяния, но нет теории, нет знаний, нет глубокой стратегии. И мы идём к своей русской мечте или вслепую, или, еще в худшем случае, заимствуем чужие постулаты для реализации Русской мечты: то марксистскую теорию, то либеральные практики. А своего не наработали. И поскольку нет собственной жизнеутверждающей истины, то у нас не получается исполнить эту мечту — построить такое общество, которое было бы спасительным образцом для всех остальных народов. Поэтому все наши проблемы на протяжении столетий заключаются в фундаментальном противоречии между чаяниями народа и реальной практикой жизнеустройства.

— Вы правы, и например, евреи свою истину зафиксировали в своей священной истории, а мы свою священную историю не написали. Но я считаю, что у нас всё получается, потому что иначе и быть не может. Ведь Русская мечта, или Царствие Небесное, не даётся через практики.

— Нужен стратегический, цивилизационный замысел, который должен, как путеводная звезда, вести наше отечество через десятилетия и столетия. Россия — это духовная цивилизация, которая признаёт, что зримым, то есть воплощённым, миром управляет незримый. А это означает, что мы должны знать законы мироздания, где царят равновесие, целесообразность и гармония, и руководствоваться ими в своём жизнеустройстве.

Недавно вы, Александр Андреевич, писали, как на встрече в Плесецке в Доме офицеров один из присутствовавших спросил ваше мнение о книге Даниила Андреева «Роза мира». Послушайте, если такие книги, исполненные глубокого смысла, читают военные, и они их волнуют, то с осуществлением Русской мечты у нас будет все в порядке.

— И в эти дни, когда в России непросто всё…

— А когда было в России просто? Всегда непросто.

— Всегда непросто, а иногда бывает невыносимо. И люди, которые вчера были исполнены энтузиазмом, верой, энергией, опускают руки, наполняются унынием. Одни — отчаянием, другие — едким нигилизмом. И я спрашиваю себя, с какими словами я, писатель, художник, публицист, должен обратиться к этим людям, чтобы не увеличить степень их досады и социального раздражения, чтобы я был услышан, а не отвергнут со смехом, может

быть, как беспочвенный вития? Какие это должны быть слова? Что сейчас люди хотят услышать, что не вызвало бы в них неверия, раздражения или ненависти?

— Какие у нас самые любимые народом писатели, Александр Андреевич?

— Думаю, Пушкина народ любит.

— Конечно, Пушкина, классиков. А из современных? Василий Шукшин, его «Печки-лавочки», Владимир Высоцкий, Михаил Евдокимов — их больше всего любили и любят. Почему? Потому что, обращаясь к народу, они выражали то, что на сердце у каждого. Сегодня не хватает именно таких людей, которые чувствуют нерв народа и являются камертоном его настроения. Ведь иногда можно даже помолчать, но таким молчанием сказать больше, чем тысячей слов, если это молчание воспринимается людьми как собственное молчание. Надо сегодня вести разговор с людьми не только о текущем, о том, что их беспокоит, но и о том, что поднимает душевный настрой людей.

А мы все время ведем разговор о материальном, об уровне жизни: давайте вот это сделаем, вот это построим. Все это правильно, хорошо. Но у русского человека всегда на первом месте дух, душевное состояние. А плотские, материальные потребности — они всегда у него были на втором, третьем месте. И это происходит, скорее, на бессознательном уровне. Но мы материальное везде поставили на первое место: товарооборот, километры, квадратные метры, проценты, инфляция и так далее. Это, конечно, тоже нужно, но это вторично, а первично то, что создаёт душевную гармонию. Для нашего народа главное — состояние его души, его настроение, состояние эмоциональное, чувственное. А для этого нужна вовлеченность и причастность к общему большому делу. И когда это все есть, то остальные задачи, включая материальные, инновационные, решаются очень быстро, качественно. И только удивляешься, откуда это всё берётся. Наши люди любят удивлять, им нравится удивлять чем-то хорошим и получать от этого позитивную энергию. А мы людей все время заземляем, говорим и требуем от них материальное и таким образом умаляем их созидательный потенциал.

— Я тоже так думаю. И посмотрите, Евгений Степанович, власть, правитель, лидер воздействует на народ, на историю комплексом материальных мер, о котором вы говорили. И управляет течением истории, течением дел с помощью финансовых потоков, например, которые либо можно увеличить, либо слегка урезать. С помощью силовых воздействий на общество: какие-то тенденции в обществе подавить, а другим, наоборот, дать ход. Пропаганда, пиартехнологии — очень сильный инструмент в руках любой власти, когда народу внушают что-то очень интенсивно и мощно и отвлекают его от других нежелательных мыслей и действий.

Но в какой-то момент все это оказывается исчерпанным. Бывают в русской истории такие моменты, когда весь комплекс этих инструментов перестает действовать. Потому что все обещания даны и не выполнены, все деньги израсходованы, бюджет пустой, силовые приёмы тоже не беспредельны, поскольку полиция, армия, Национальная гвардия — это тот же народ. И тогда, мне кажется, самые великие наши правители прибегали к комплексу идей и мер, которые находили отклик в нашей русской душе, в нашей судьбе. Что это за меры? Если говорить несколько пафосно, это представление русских людей о чуде, представление о вселенском справедливом, безупречном бытие, о священной русской истории, представление о философии русской Победы, которая всегда торжествовала. И эта философия Русской мечты вела наших людей через все темные, изнурительные материальные перегородки. И мне казалось всегда, когда я с вами общался на Белгородчине, что в вашей теории, или, вернее, в практике, которая сложилась в теорию, присутствует этот компонент. Недаром рядом с вами постоянно Владыка. Недаром для вас тема русской культуры, русской идеи бывает не менее важной, чем агротехнологии, например. Вы используете в своей практике этот арсенал загадочных и не слишком явленных методик?

— Это, скорее, не методики, не методология, а сложившаяся практика и понимание того, что сумма последовательных действий всегда приводит к изменению сознания. Но вы совершенно правы, в самые судьбоносные моменты истории, когда ничего уже не работает, лидер обращается: «Братья и сёстры». И больше уже можно ни о чем не говорить, всем всё понятно. Потому что в этих двух словах он сказал больше, чем потом во всех многочисленных приказах.

Это слова, которые мобилизуют внутренний потенциал русского, российского человека. И они работают — даже в самые критические периоды нашей жизни, когда уже вот предел: или — или. И от людей исходит внутренняя энергия, которая соединяется в коллективную огромную энергетическую массу. Главное — научиться управлять ею в созидательных целях. Каких целей? Или победить врага, или освоить целину, или полететь в космос, или решить любую другую задачу.

Это на нашем, областном, уровне тоже работает. Конечно, мы не обращаемся так, у нас подобных критических ситуаций нет, наша роль поведенческая. Но как мы себя ведём, насколько мы близки к людям, насколько мы вместе с ними переживаем и сопереживаем — для людей это очень важно понимать, они это улавливают и соответствующим образом реагируют.

И сегодня любое решение, которое принимает власть на любом уровне начиная от сельского поселения, района, оно должно оставлять эмоциональное послевкусие, оказывать общественное воздействие.

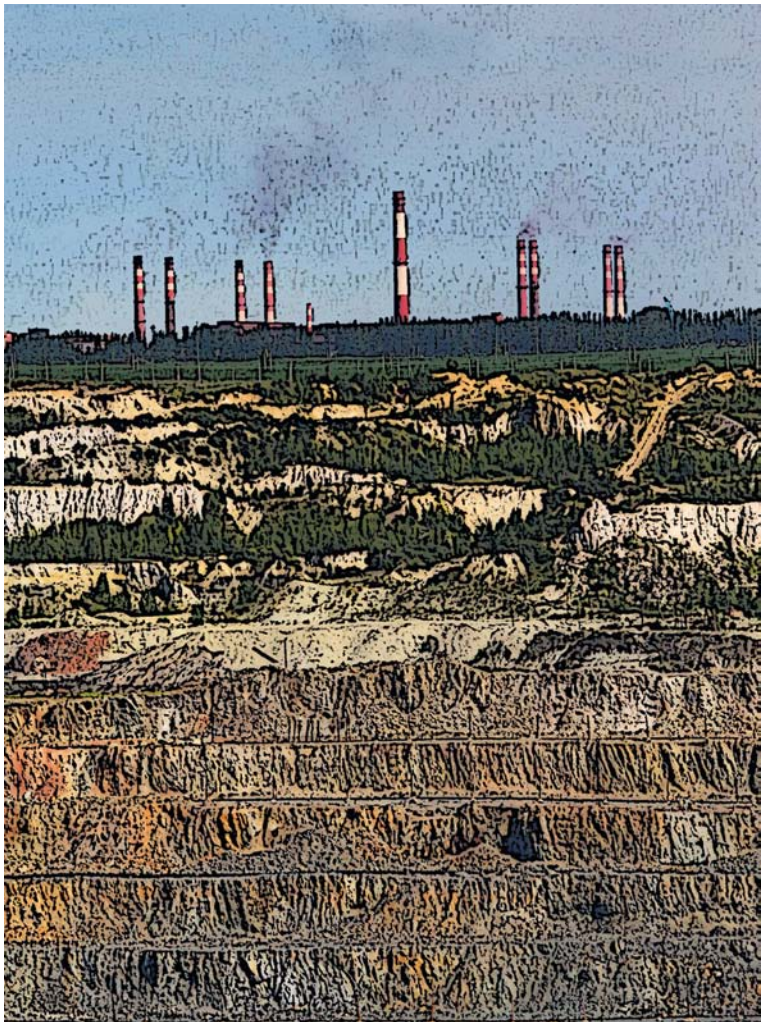
А с другой стороны, решения, которые мы принимаем, и действия, которые затем осуществляем, должны оцениваться одним критерием: насколько наше решение и действие увеличивает согласие, гармонию в нашем обществе. Или же наоборот — они увеличивают агрессию? Вот единственный критерий! И это в ещё большей степени относится и к медийной сфере.

Что мы, допустим, видим на телевидении? Фильм, где кровь, насилие, где грабят, убивают, — он что, гармонию добавляет или агрессию в обществе? Так и любой книге, художественному произведению нужно давать оценку по тому, что они в душе оставляют больше: света или тьмы, радости, умиления или раздражения и злости.

— Мы исходим из утверждения, по-видимому, справедливого, что русский человек — общинный человек. Что это человек соборный, что он всю свою историю никогда не был один, он всегда жил в большом общежитии. Мы с вами, Евгений Степанович, прожили период советского общежития. И к концу этого периода какая-то часть наших людей искусилась на одиночное существование вне коллектива. И русский человек был вырван из большой общины, из идеологии соборности, из колхозов.

Получил свои наделы, возникла философия индивидуализма, что якобы отдельно взятый человек, наделенный свободой, сделает гораздо больше, чем находящийся в человеческой группе, в ватаге. Но наш человек после 1991 года «наелся» индивидуализма. У многих ничего не получилось с индивидуальным существованием. Сейчас человек опять хочет соединиться в сообщество. И мне кажется, что в разных местах идет формообразование новых общностей. Эти общности находят в вашей губернии воплощение в теории солидарного, гармоничного общества. Что это за теория и как она реально воплощается у вас?

— Я с вами абсолютно согласен, что у нас общинные корни, общинная ментальность, стремление к соборности. Но мне кажется, что не нужно бросаться в крайности: с одной стороны, общинная, как было при советском периоде, с другой стороны — сугубо рыночная,



индивидуальная, как сейчас. Мы должны найти срединное состояние. У каждого человека есть внутренний запрос на индивидуальную свободу. И у каждого есть запрос на его положение в общественном пространстве. Здесь важно найти гармоничное состояние: между «я» как индивидуумом и «я» как общественным субъектом. Они не должны быть в противоречии. И я убежден, что идея солидарного общества как раз и отвечает на этот запрос, где два «я» — и индивидуалиста, и общественника — находятся в согласии. Вы же помните слова Николая Фёдорова, нашего философа-космиста: «Жить не для себя, не для других, а со всеми и для всех». В этих словах эгоизм (для себя) и альтруизм (для других) отвергаются. «Со всеми и для всех» — вот основной постулат солидарного общества, который, я убеждён, должен стать основным правилом для организации российской жизни. Когда я со всеми — я часть целого, и тогда целое не может быть полным без меня как какой-то частички, вмонтированной в это целое. А целое — это и есть солидарное наше общество, общество, где я себя как индивидуальность чувствую прекрасно и в то же время чувствую себя хорошо как часть огромного сообщества, скажем, сообщества под названием «Белгородская область».

У солидарного общества непременно есть внутренняя иерархия: дом, улица, село, район, регион, страна. К солидарности призывают нас христианство и другие религии, которые проповедуют согласие, милосердие, справедливость. Солидарности не может быть без ощущения справедливости, и отсюда у нас запрос очень высокий на справедливость. Человек должен ощущать её во всём, начиная с правильного распределения общественного блага и заканчивая справедливым наказанием. И это ощущение справедливости во всём — важнейший атрибут солидарного общества. Любая несправедливость нас мучает: вот кто-то незаслуженно обогатился или получил награду, а кто-то незаслуженно забыт или наказан. Это вызывает чувство протеста, гнева, агрессии.

И в этом вопросе должна чувствоваться роль государства. Потому что монополия на наказание, на репрессию у нас у кого? У одного института — государства. А если оно монополию свою не исполняет или исполняет некачественно, тогда возникают в самом обществе различные криминальные, полукриминальные структуры, которые начинают эту справедливость восстанавливать, глубоко при этом деформируя её суть. Поэтому роль государства здесь очень велика, как и нельзя недооценивать значения и роли гражданских общественных институтов.

Конечно, солидарное общество — это идеал. Любой идеал недостижим, но идти к этому идеалу, совершенству мы обязаны.

— Это мечта, ещё одна форма выражения мечты.

— Не только мечта, но и конкретная программа действий по настроению солидарного общества как инструмента достижений этой мечты. У нас эта программа имеется.

Но главное — не стоять на месте, а каждый день осуществлять изменения, которые постепенно пропитывают общественный организм согласием, гармонией, целесообразностью и ощущением справедливости.

— По-видимому, справедливость — столь чувствительная тема, что она связана с какими-то законами мироздания в целом.

— Да, мироздания. Где беспристрастно правят целесообразность и справедливость.

— Она лежит в основе не только человеческих отношений, но в основе и планетарных систем, и галактик. Я провёл несколько часов в общении с Махмудом Ахманидежадом. И я спросил его: что такое справедливость? Он, подумав, ответил: справедливость — это когда каждая вещь занимает надлежащее место в мироздании. И я понял, что он исходит из божественного устройства мира, что согласие с божественной волей, имя которой справедливость, ведет к гармонии и устранению всех глубинных конфликтов. И что справедливость и иерархия, о которой вы говорите, необходимы. Это не есть плоскостное устройство вселенной. Это иерархическое устройство вселенной, это иерархия. Каждая вещь: и цветок, и звезда, и дуновение ветра, и человек родившийся и еще не родившийся, — занимают своё место. И эта философия, конечно, очень подходит для объяснения нашего стремления к справедливости.

— И это мы интуитивно чувствуем. Что такое интуиция? Это разговор нашей души с Небом. Он постоянно идёт внутри нас, но, к сожалению, мы редко к нему прислушиваемся, подменяем логическими размышлениями. Интуиция дана нам в ощущениях, реже — в озарениях, потрясениях. Именно в этом состоянии совершаются великие открытия. Вспомните Менделеева, Циолковского.

Но вернёмся к нашему бренному бытию как крохотной частице мироздания. Как в мироздании царит гармония за счёт постоянного противостояния света и тьмы, так и в нашей жизни вечная борьба добра и зла приводит к относительному равновесию, где, как справедливо заметил господин Ахмадинежад, каждый старается занять надлежащее ему место. Состояние гармонии и справедливости — это результат борьбы противоположностей и здесь, и Там, где мы с вами, Александр Андреевич, рано или поздно окажемся.

В сегодняшнем мире, к сожалению, побеждает зло, потому что оно подаётся в привлекательной, соблазнительной и доступной форме, а за добро нужно бороться, прилагать усилия. И, понимая это, мы всегда должны находить такие решения, которые тёмные силы убавляли бы, а светлые — прибавляли.

Человечеству нужно наконец-то признать, что законы мироздания действуют и на нашей планете, и в нашей жизни. А мы считаем, что мы выше, мы можем всё, мы уже стали как Боги. Это трагичное заблуждение. Недавно я познакомился с удивительной книгой еврейского автора Ноя Харари «Краткая история человечества». И меня поразила последняя фраза в этой книге о предстоящей трагической судьбе человечества, зашедшего в тупик. Цитирую: «Что может быть опаснее, чем разочарованные, безответственные Боги, так и не осознавшие, чего они хотят». Лучше не скажешь.

— Вы много порадели над созданием солидарного общества у себя в Белгороде. А как бы вы оценили результаты этой работы? Как это сказалось на уровне хозяйствования, на качестве человека как такового, на уровне благосостояния, на снижении количества безнравственных или преступных поступков людей? Как солидарное общество, его существование и его истинность подтверждаются реальностями жизни?

— Не так давно проводились исследования духовно-нравственного состояние общества по регионам. Изучались такие показатели, как потребление спиртных напитков на душу населения, количество преступлений, структура преступности, количество абортов и т.д. Эти показатели косвенно определяют духовно-нравственное состояние общества. Мы по этому рейтингу на первом месте в Центральном федеральном округе и в Российской Федерации, по-моему, на втором месте. На первом месте — Чечня.

Можно сказать, что это плоды нашей совместной работы. Уровень доверия к правоохранительным органам в области сегодня выше 60%. Один из самых высоких в стране. Почему?

Да потому, что люди чувствуют себя защищенными, а это тоже отражает эмоциональное состояние людей. Поэтому сегодня главное — я повторяю — эмоциональное состояние человека. И за ним следить, его регулировать — тончайшая работа. И результаты есть.

— Меня всегда волновала и интересовала проблема власти, проблема государства. Это очень загадочное явление — власть как таковая и государство как инструмент, воплощающий эту власть. И многие мои книги, романы посвящены теме государства. И, может быть, главный герой всех моих, самых даже молодых, романов — это государство: появление его, исчезновение, поведение в разные периоды своей истории, способность государства управлять великим народом или неспособность.

Вы — политический лидер, экономический вождь, вы — инструмент и федеральной власти, и, конечно, вершина региональной власти. А что такое власть по вашему внутреннему самоощущению? Это способность угадать чаяния людей, всего их множества, свести их в фокус и реализовывать с помощью этих людей в практике? Или власть — это инструмент, который собирает людей согласно некоей концепции, некоему плану, что может возникнуть у вас или за пределами, и этот инструмент заставит людей выполнять этот план? Или власть — это вопрос честолюбия, самоутверждения, который делает лидера, властителя как бы хозяином мира, Господом Богом? Что такое для вас власть?

— Самое главное для любого человека, и тем более обличенного полномочиями, — это власть над собой: над своими страстями, соблазнами, вредными привычками. Над своим «эго».

Только власть над собою даёт человеку подлинную свободу. И чем выше человек находится в государственной властной иерархии, тем более сильной у него должна быть власть над собой.

Идеалом, на мой взгляд, является сингапурский лидер Ли Куан Ю или Ден Сяо Пин в Китае. К ним можно отнести и нашего П.А. Столыпина.

Для любого руководителя важно быть, прежде всего, волевым, беспристрастным и справедливым, а затем уже важны его профессиональные качества.

Чтобы обладать первыми тремя качествами, нужно обладать настоящей внутренней свободой. Это главное. Остальное — это производные от главного.

Вы спрашиваете, как я понимаю власть.

На Белгородчине существует правило четырёх «П», которым руководствуются все чиновники, начиная от меня и заканчивая главой сельского поселения: создавать ежедневно пространство постоянных позитивных перемен — создавать четыре «П».

А создавать это пространство можно только позитивными решениями, используя властные полномочия, которыми тебя наделило государство, которые делегированы тебе обществом для того, чтобы этому обществу жилось лучше. Вот и весь секрет.

— Мы знаем из произведений, что существует упоение, или сладость власти, и существует миссия, бремя власти.

— Миссия — в реализации четырёх «П».

— Или двух «В».

— Владимир Владимирович? Поставим знак равенства между ними.

— Я на протяжении его пути наблюдаю за ним и зафиксировал четыре его мировоззренческих периода. Первый период, когда он себя экспонировал как топ-менеджер. Это был период, когда он утверждал, что призван народом, чтобы сделать дело, может получить от народа благодарность и уйти. И это, мне кажется, был период как бы упоения властью. Это было интересно, он был увлечён — огромная роль. Второй период у него был, когда он сказал, что он раб на галерах. Он был страшно утомлён, это был период бремени власти. Третий период я зафиксировал по своему с ним общению. Я его спросил на пресс-конференции: «Владимир Владимирович, что для вас — проект «Россия?» Он ответил, что Россия — не проект, а судьба. Этим он отождествил себя с Россией и объяснил, что это его миссия, причём миссия, может быть, очень горькая. Если Россия победит, победит он, если Россия проиграет, проиграет и погибнет он. Это было отождествление себя с судьбой России, а значит, служение стране беззаветно и безоговорочно. И мне кажется, возник 4-й элемент. Это когда в одном из своих обращений к Федеральному собранию он сказал, что с возвращением Крыма в Россию вернулся сакральный центр государства, сакральный центр власти, имея в виду Херсонес. Этой фразой, по существу, он дал понять, что считает свою власть, русскую власть, сакральной, священной. И когда вы говорите, что власть призвана реализовывать справедливость, а справедливость есть перст Божий…

— Справедливость есть продукт гармонии, а гармония — результат борьбы противоположностей.

— Божественной гармонии, то значит, в России власть в каком-то смысле является явлением священным.

— На мой взгляд, любая иерархическая система уже подразумевает некое священство. Всегда у нас жизнь ассоциировалась с иерархией. Иерархией светской власти или духовной.

Сакральность её выражается в том, что любой лидер принимает решение, которое изменяет не только материальный порядок, но и вносит изменения в духовно-нравствен-

ное состояние общества. И в этом смысле, конечно же, она сакральна. А то, что каждый начальник — маленький или крупный, вплоть до президента — должен воспринимать её как сакральную миссию, как божественную, что в этом плохого? От этого уровень ответственности увеличивается. И кто дошёл до состояния, как вы говорите, 4-й степени, от менеджера до чувства, что ты не просто какие-то проекты осуществляешь, а и судьбами управляешь, управляешь не только настоящим, но и закладываешь основы будущих преобразований, ты влияешь духовно, это, безусловно, показатель сакральности власти.

— У меня был разговор с Рамзаном Кадыровым в его резиденции в Гудермесе, и он мне сказал, что миссия правителя в том, чтобы любить народ и бояться Бога. То есть миссия правителя состоит в том, чтобы, любя народ, стремиться направить его к победам, улучшить его жизнь, создать в нем ощущение благополучия, величия. Но в этом стремлении правитель часто забывает о народе как таковом и ломает кости народа. Чтобы этого не было, надо бояться Бога, поэтому власть именно и состоит в этом.

— С первым утверждением согласен, а со вторым не очень. Любить народ — да, какой спор? А почему надо бояться Бога, который нас любит? Мы должны любить его ещё больше.

— А страх Божий?

— А зачем он нужен? Богу рабы не нужны, Он Творец, а мы его дети, образ и подобие Его, а значит — сотворцы. А сотворец никогда не может быть рабом. Если он раб, он никогда не будет творить, он будет постоянно унижаться, бояться. А нам дана свобода воли, чтобы мы творили добро, утверждали свет и никого не боялись. Надо любить народ и еще больше любить нашего Создателя. Я думаю, Рамзан Ахматович поддержит такую точку зрения.

— Думаю, он это и имел в виду. Я хотел вас спросить, как бы завершая этот круг рассуждений, а что такое белгородская мечта? Конечно, она совпадет с Русской мечтой, но она несет в себе особый колорит, особый аромат, это особый цветок, который вырастает на клумбе общерусской мечты.

— Белгородская мечта — это когда счастье каждого белгородца неотделимо от счастья всей Белгородчины, и наоборот — счастье нашей малой родины состоит из счастья каждого её жителя. И тогда, как в песне поётся: «А выше счастья Родины нет в мире ничего».

Бездна, полная звёзд…

Архангелогородская мечта — в чём она?

Архангелогородский мужик, он же всемирно известный учёный Михайло Васильевич Ломоносов, вышел ночью из дома и взглянул на небо. Небо так поразило его, что он написал стих: «Открылась бездна, звёзд полна. Звёздам числа нет, бездне — дна». Это чувство бесконечности и бездонности мира я отыскивал в душах сегодняшних архангелогородских людей, по природе своей степенных, разумных, осмотрительных. Но в каждом из них живёт ощущение бесконечности, бездонности мира, куда влечёт их таинственная сила, загадочная Русская мечта.

На заводе «Севмаш» в Северодвинске, где строятся гигантские подводные лодки, архангелогородская душа устремляется в бездну мирового океана, в бездонность пучины, отыскивая в этой бездонной работе среди ядерных реакторов и ракет своё таинственное божественное предназначение.

На карьере алмазов в Мезенском районе архангелогородский человек бурит землю, роет гигантский кратер, погружается в центр Земли, где ищет и находит алмазы. Бездонность Земли, куда вгрызается архангелогородец с грохотом стальных машин, дарит ему чудо, ибо алмазы — не только в звёздном небе, как писал о них Чехов, но бриллианты — в центре Земли, в центре души. Космодром Плесецк среди архангелогородских лесов — то место, откуда ракеты выходят в космическую бесконечность, в бездну мироздания. Там, на орбитах в ближнем или дальнем космосе, архангелогородский человек открывает волшебную звезду русского чуда.

В Каргополе, чудесном городке на берегу Онеги, мастер каргопольской игрушки лепил из глины сказочных зверей, волшебных наездников, чудесных коней и танцоров. И эти глиняные боги, которых он обжигал в печи, раскрашивал, открывали путь в бездонную глубину народных поверий, сказок, мечтаний о красоте, о гармонии людей и природы.

Архангелогородская мечта, в чём она?

Северодвинский завод «Севмаш» — государствообразующее предприятие. Несколько десятков подобных заводов, как столпы, на которые опирается государство, делают Россию страной-цивилизацией. Толстенные листы металла режут, как в портняжных мастерских, выкраивая невиданных размеров костюмы. Заготовки гнут могучими прессами, из раскалённых печей выплывает мягкая, как мармелад, сталь. Её сваривают в кольца, просвечивают рентгеновскими лучами. Весь завод в вспышках, мерцаниях, компьютерная система управления цехами, далёкий блеск реки, которая ждёт появления нового корабля — новой подводной махины, что мягко плюхнется в воды Двины. И этот шлепок будет услышан во всех мировых столицах, на базах чужих подлодок, в генеральных штабах НАТО. Сборочный цех похож на громадную оранжерею, где у пирсов в тусклых лучах солнца созревают фантастические плоды. Лодки прильнули одна к другой, похожие на громадные невиданные корнеплоды, которые созревают, набухают, наливаются соками, сосут электричество, пар, сжатый воздух. Наступит день, когда лопнет пуповина, соединяющая лодку с заводом. И громада во всей красоте, насыщенная электроникой, оптикой, акустическими системами, которыми, как щупальцами, она будет трогать океанское дно, витающий над океаном космос; эта лодка уйдёт, наполненная своей чудовищной ударной силой, с завода в Российский военный флот.

Директор завода Михаил Анатольевич Будниченко, радуясь неиссякаемому оборонному заказу, полной загрузке завода, притоку молодых мастеров и рабочих, увлечённости инженеров, объясняет мне мировоззрение кораблестроителей-северодвинцев. Труд, который здесь совершается — гигантский, богатырский, — под силу только особым людям, особому народу. Результаты труда прекрасны и грандиозны. Каждая спущенная на воду лодка меняет контур мира, влияет на поведение стран, на судьбы континентов, разносит по миру русскую идею не в меньшей степени, чем прежде разносили её Достоевский и Чехов. Завод подводных лодок есть инструмент управления историей. Сюда, на завод, съезжаются со всей России лучшие умы, подлинные умельцы, носители огромных знаний. Эти сгустки интеллекта сопутствуют появлению каждой лодки. Эту лодку рождает вся Россия, все её КБ и заводы, лаборатории и исследовательские центры. Вся Россия — матка, которая рождает на свет это громадное стальное дитя. Лодка порождает в народе то, что зовётся общим делом. Эту лодку строит весь народ. Даже скромная учительница в маленькой сельской школе. Эта лодка — и её достижение. Её ученики трудятся в недрах лодки, устанавливая в ней ядерный реактор, ракетные установки. Русские люди, где бы ни настигала их весть о спуске на воду очередного «Борея», укрепляются духом, преодолевают уныние, это внушает им мысль, что Россия — могучая, непобедимая — одолеет все невзгоды и трудности.

Директор говорит мне о своих великих предшественниках, которые строили, укрепляли завод, способствовали созданию нескольких поколений подводных лодок, тех, что наводнили мировой океан, останавливая своим присутствием безумные замыслы супостата.

И среди этих директоров имя одного особенно драгоценно, окружено почитанием. Давид Гусейнович Пашаев. На его директорские плечи рухнула перестройка, пришёлся крах великой страны; разгулялись чёрные силы, уничтожавшие отечественную оборону. Завод с недостроенной лодкой «Бореем» отключили от финансирования, полгода люди не получали зарплату, слабейшие из них разбегались, другие угрюмо и праведно продолжали трудиться, приводили на завод свои голодные семьи, и Пашаев в рабочей

столовой бесплатно кормил их жён и детей. Слабые духом инженеры уходили с завода, искали себе приют в автосервисах, в мелком бизнесе, другие, сжав челюсти, делали всё, чтобы стоящий у пирса кокон питался электричеством и теплом, чтобы в нём продолжала теплиться жизнь. И завод не погиб, не умер. На завод приезжали Ельцин, Чубайс, требуя закрыть предприятие. А в это время по соседству работали привезённые Америкой гильотины, на которых рубились и рассекались русские подводные лодки: их резали, как колбасу, в угоду предателям. Офицеры, ходившие на этих лодках в Атлантику, к Флориде или Мысу Доброй Надежды, стрелялись от тоски и несчастья. Пашаев тянул время, хитрил, уклонялся от угроз, зная, что настанет миг, когда убиваемое государство воскреснет, и тогда лодка, наполненная силой и мощью, уйдёт с завода, а государство Российское скажет всему миру, что оно есть и живо и снова идёт в океаны.

Завод построен до войны на болотах, где находился Николо-Корельский монастырь. Своей тяжестью он раздавил монастырь, снёс его трапезные, кельи и стены. Но остался один-единственный храм — Никольский собор, который десятилетиями пребывал в руинах. И теперь завод воскрешает его. Позолотил купол, покрыл синевой главы, возвёл дивной красоты иконостас. Здесь, на территории секретного завода, служит священник, освящает уходящие в море лодки, собирает на богомолье рабочих и инженеров. Завод стал продолжением монастыря. Молитвенные силы безызвестных монахов, силы поруганного алтаря продолжали питать завод, тайно хранили его, и сегодняшние гигантские лодки «Бореи», носящие имена русских святых князей, подобны скитам, которые посылаются монастырём в океанские глубины. А экипаж моряков подобен монашескому братству.

Архангельские алмазы найдены в Мезенском районе. Молодая земля исходила газами, кипела, бушевала огнями, углерод поднимался из недр земли к поверхности, его забирали толщи пород и не выпускали наружу. Уголь оставался в ловушке, под воздействием гигантского давления и высочайших температур, под воздействием огня и сжатия превращался в алмаз. Превращение угля в алмаз есть любимая метафора поэтов и художников, говорящих, как тьма превращается в свет, как уныние — в ликование и радость.

Карьер, на полкилометра уходящий в глубь земли, своими спиралями напоминает Вавилонскую башню, погружённую в центр земли своей вершиной. По этим спиральным дорогам вверх и вниз движутся тяжеловесные БелАЗы. Внизу, на самом дне, работают экскаваторы, бульдозеры, дробильные машины. Карьер в легчайшей золотистой дымке, живой, дышащий, являет собой грандиозную машину, в которую вживлены тысячи механизмов, насосов, двигателей. За карьером следят компьютеры, его ритмы, биения укладываются в стройную цифровую систему. Люди, подчиняясь этой цифровой системе, медленно и упорно погружаются вглубь. И насосы по всему периметру огромного карьера отсасывают грунтовые воды, не давая им пролиться в бездонную чашу. Другие насосы подхватывают прорвавшуюся в карьер воду и выбрасывают её на поверхность. Иногда подземная река прорывает стены карьера, и тогда люди бросаются заделывать пробоину, как матросы заделывают пробоину в борту корабля. Людей почти не видно среди этих тяжелогрузных машин и скрежещущих, рвущих землю экскаваторов и бульдозеров.

Один из экскаваторщиков спустился ко мне из высоченной кабины, оставив свою машину, напоминающую чудовищного робота из фильма «Матрица». Я спросил его, как он управляется с этой жестокой, страшной громадой, способной рвать земную породу. Он сказал, что громада его не жестокая, а живая, она нуждается в ласке. Он разговаривает с ней, а она разговаривает с ним. Он дал ей ласковое женское имя. Эта одухотворённая человеком машина, двигаясь к центру Земли, подвигает человека к чему-то загадочному и чудесному. «Один БелАЗ — один алмаз», — говорят на карьере.

Груда извлечённой из земли породы на обогатительной фабрике дробится, сепарируется. И из неё путём бесчисленных усилий, превращений, с помощью лазерных лучей выхватывается драгоценный камень. И вот они, сверкающие алмазы, лежат передо мной, и от них нельзя оторваться, от их голубого или золотистого свечения. Они обладают таинственной магией. И жизнь карьера с его чудовищными машинами не кончается здесь, среди обогатительной фабрики. Эти драгоценные сияющие горсти отправляются к искусным гранильщикам, из них сотворяются бриллианты. И эти бриллианты, расходясь по всему миру, живут особой, загадочной и таинственной жизнью. Во имя этих камней совершаются злодеяния, они служат подарками для властителей мира, они сверкают на дамах среди роскошных приёмов и раутов. И архангельский бульдозерист или экскаваторщик своим тяжким трудом, прорываясь в недра земли, выносит на поверхность эти драгоценные сверкающие звёзды, которые продолжают своё подземное существование среди земных превращений.

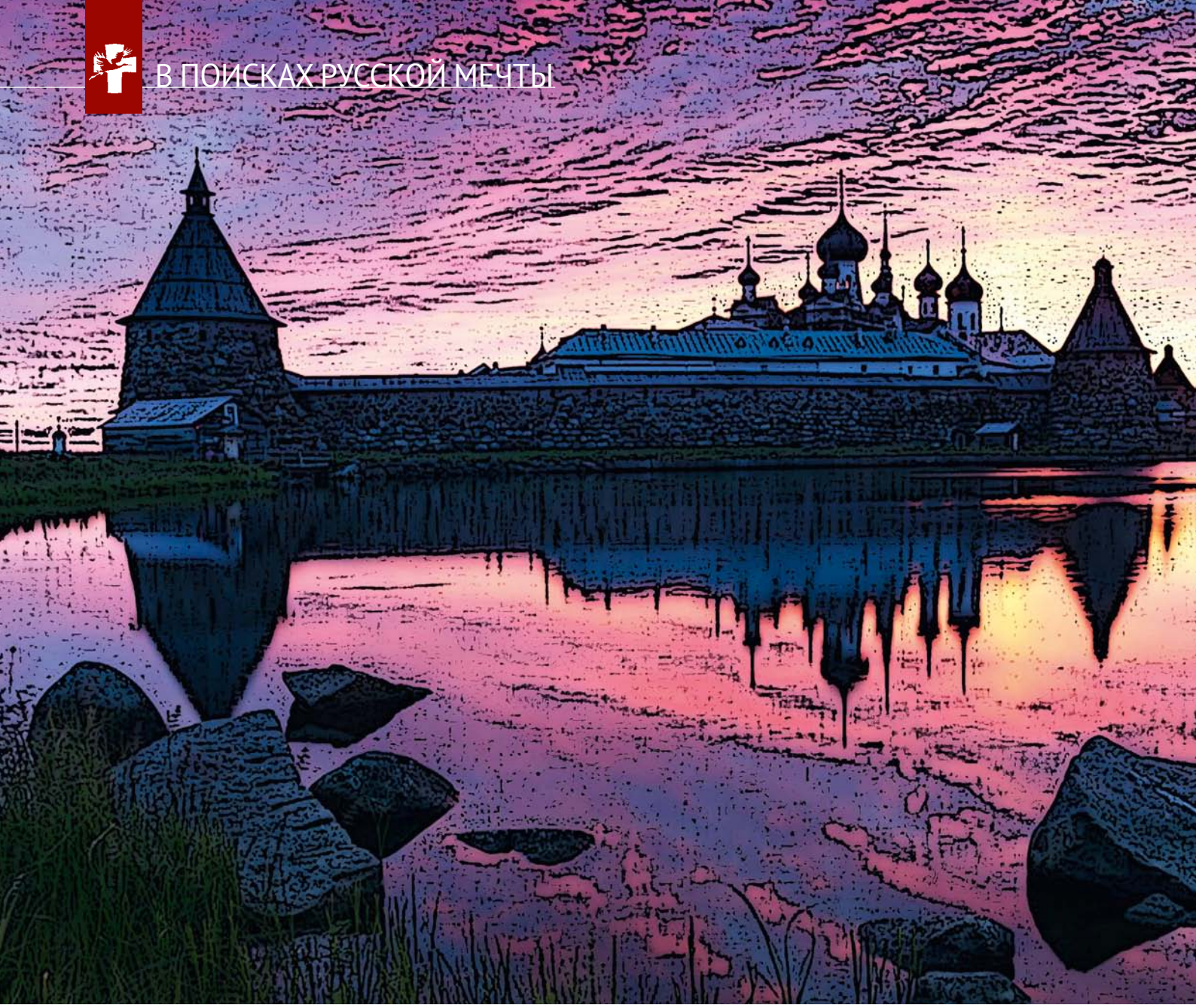
Инженер, ведающая обогащением алмазов, рассказала мне, что она на время покинула предприятие и ушла на другую работу, но алмазы влекли её обратно своей таинственной силой. И она вновь вернулась на этот карьер, где люди работают в вахтовом посёлке, вдалеке от своих домов.

Архангельские алмазы, подобные Русской мечте, архангелогородский человек находит в глубинах земли.

Я стою на дороге, подо мной асфальт, с обеих сторон — стена леса, на обочине — лесные цветы. И не скажешь, что эти цветы, лес, пролетевшая птица — огромный, скрытый от глаз противника кос-

модром Плесецк, и эта часть архангелогородской земли испещрена бетонными шоссейными трассами, железными дорогами. Они ведут к огромным бетонным чашам — стартовым столам, откуда взмывают ракеты. Множество систем наблюдения, связи, скрытые лаборатории, контрольно-измерительные пункты, ангары, куда с заводов прибывают испытуемые ракеты. Всё это дышит, живёт. И внезапно начинает содрогаться земля, озаряется небо, и в звоне, грохоте, медленно отрываясь от земли, преодолевая гравитацию, уходит в небо ракета. Видны кинжалы пламени, сопла, в которых бушует кипящая плазма. Ракета удаляется, превращаясь в крохотную звёздочку, гаснет, оставляя в тучах прозрачную радугу. По этой дороге, на которой я стою, десятилетиями проходили ракеты одна за другой, менялись их размеры, дальность, мощность, они вставали на дежурство, потом, отжив свой срок, исчезали, сменялись другими. Календарь, исчислявший дни и месяцы появлявшихся здесь ракет, исчислял историческое время нарастания и убывания мировых угроз, встречи мировых правителей, мучительные переговоры по разоружению, их срыв и новую гонку. Как по древесным кольцам спиленного дерева можно судить о возрасте берёзы или сосны, о благоприятных или неблагоприятных годах, в которых взрастало дерево, так и по ритмам проезжавших здесь ракет можно судить об историческом времени, в котором Россия в великом напряжении сил продлевает своё существование. Ракетчики-испытатели — люди верующие. Каждый пуск окружён множеством им одним известных тайн, примет, добрых или недобрых знамений. Они никогда не произведут пуск в тот день, когда много лет назад на другом полигоне взорвалась ракета и унесла жизни множества испытателей во главе с легендарным маршалом Неделиным. Они боятся повторения трагедии. Они не допустят, чтобы на пуск пришёл злой, рассерженный, брюзжащий на жизнь человек, ибо у него дурной глаз и он может сглазить пуск, на который потрачено столько сил и надежд.

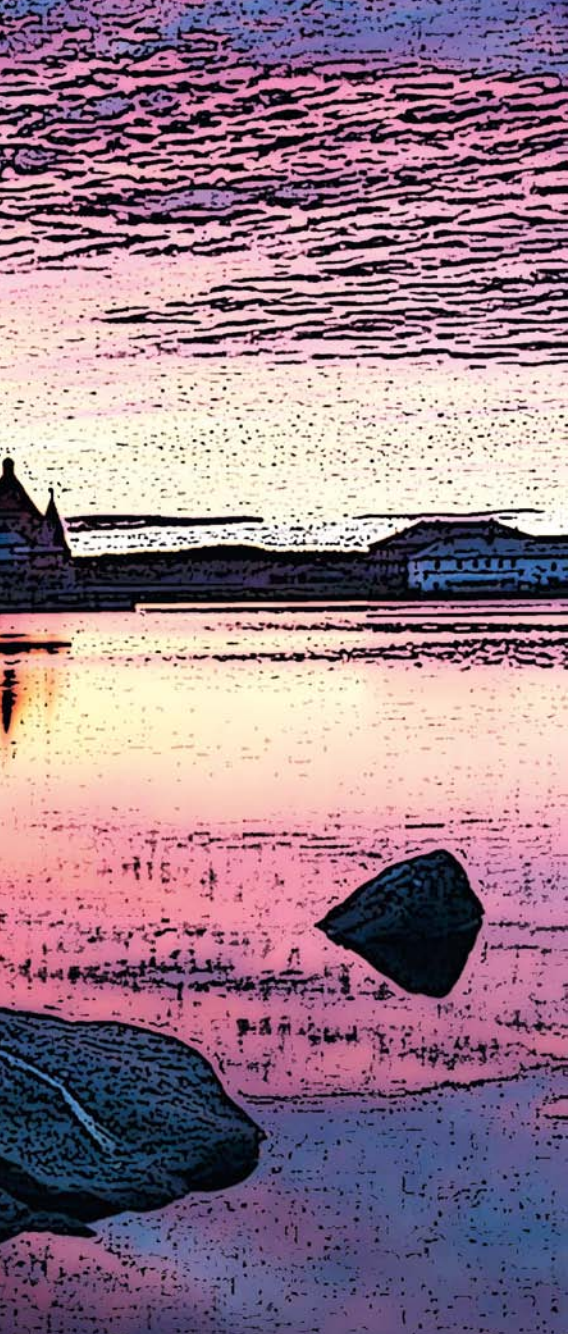
Когда много лет назад меня привёз на космодром Плесецк маршал Толубко, привёл на смотровую площадку, откуда наблюдали пуск, я увидел множество внутренне напряжённых, исполненных ожидания людей: генерального конструктора,



главных конструкторов, представителей завода-изготовителя, специалистов по телеметрии, навигации, генералов и адмиралов. Все они воззрились на меня с недовольством, видя во мне лишнего, случайного пришельца, появление которого могло помешать предстоящему пуску. Но когда с деревянной веранды мы увидели, как в ночных лесах полыхнуло зарево, и ракета, раздувая огонь по стартовому столу, пошла ввысь, исчезла в ночном небе среди множества звёзд, и телеметрия по громкой связи говорила нам, что произведена отсечка двигателя, что сброшена первая, вторая ступени, и ракета, выйдя на баллистическую кривую, летит над северной Россией, готовая приземлиться на Камчатском полигоне и ударить, как говорят ракетчики, прямо «в кол», когда всё это случилось, присутствующие здесь военные, разработчики-испытатели увидели во мне человека, принёсшего им счастье. Они кинулись ко мне, начали подбрасывать вверх. А один оторвал у меня на память пуговицу как приносящий успех талисман.

Город Мирный, где живут ракетчики, небольшой, изящный, удобный, где можно отдохнуть от денной и ночной работы на полигоне, где много женщин, детей. Я говорил с начальником полигона, умудрённым испытателем. Он рассказывал, что каждый пуск неповторим для ракетчика, воспринимается им, как роды ребёнка. И прибытие на космодром новой ракеты, подготовка её к старту окружены множеством забот и трудов, и ещё — молитвенным ожиданием успеха. Ракетчик, военный испытатель — государственник по призванию, не отделяющий свой труд от судьбы государства, преисполненный чувством таинственного обожания к этим громадным боевым машинам, улетающим в космическую беспредельность, зажигающим среди ночного звёздного неба ещё одну звезду, наполняющим эту звёздную бездну своей душой и сокровенной молитвой.

Каргополь — чудесный городок на юге Архангельской области. Когда-то здесь торговали купцы, гуляли толстосумы, строились храмы и каменные палаты, писались дивные иконы. Железная дорога прошла мимо, и Каргополь стал захолустьем. Но тем изумительным русским захолустьем, где живут очаровательные



русские люди: учителя, краеведы, знатоки старых ремёсел. В окрестностях, в опустелых деревнях появляются доброхоты, которые начинают возрождать обряды, воскрешать песни, ремонтировать деревянные храмы. Складываются общины, и их любовь к родной старине не просто затея, не просто дань фольклорной моде. Они прорываются сквозь грохочущий железный век к возвышенной хрупкой красоте деревенской культуры — той, о которой Василий Иванович Белов написал свою чудесную книгу «Лад», архангелогородский неповторимый писатель Владимир Личутин сотворил волшебную книгу «Душа неизъяснимая». Эти люди ищут ключ к сокровенной огромной тайне, к бездонной божественной красоте, среди которой жил по деревням и сёлам русский народ. Они ищут ключ, с помощью которого раскрываются врата в сказочный мир, где домашняя утварь, или народный наряд, или песня, или крестьянская примета объясняют людям, что мир, в котором они живут, божественен. Природа, среди которой они взрастают и умирают, божественна. И когда ты поёшь в народном хоре длинные, бесконечно долгие северные песни, вокруг тебя сплетают свои голоса с твоим одиноким голосом синеокие люди, ты вдруг ощущаешь, что становишься бесплотным, отрываешься от земли. И душа твоя, обнявшись с другими душами близких и обожаемых тобой людей, уносится в бесконечность и, озарённая, исполненная любви и ликования, смотрит на этот грешный мир, видя в нём одну красоту.

В глухой деревне, где стоят пустые архангелогородские огромные избы, я видел храм, весь в лесах, на которых стучали мастерками каменщики. Ко мне подошёл скромно одетый пожилой человек с чудесным лицом. Это он, пенсионер Юрий Александрович Тишинин, приехавший из Северодвинска в деревню, на свои пенсионные крохи восстанавливает деревенскую церковь. Люди, следуя его примеру, складывают свои копейки, и храм перестаёт осыпаться, медленно обретает вторую жизнь. Этот человек работал на Северодвинском заводе и строил подводные корабли. Эту церковь он тоже называет кораблём. Укрепляет её стены, кровлю, утверждает высокий крест, который, как он говорит, является системой навигации корабля. Правит корабль прямо к Царствию Небесному.

В Каргополе народный художник Валентин Дмитриевич Шевелёв лепит знаменитые каргопольские игрушки. Краса неописуемая, трогательная, наивная. Я неотрывно смотрел, как в его руках рождается маленький глиняный божок. Он признался мне, что, когда лепит игрушку, его душа молодеет. Он вспоминает родную деревню, родичей, родной огород, поле, синеву льнов. Вспоминает, как помогал отцу метать стог сена. И его душа утешается, ему хочется, чтобы кругом него все дружили: человек с человеком, деревня с деревней, город с городом, народ с народом. Эти наивные игрушки, которые так драгоценны среди стальных электронных машин, обращают наши сердца к сокровенному и родному, что во все времена будет вдохновлять русских художников, архитекторов, музыкантов на создание изумительной музыки, как Стравинского в его «Весне священной», как Рериха или Андрея Тарковского в их описаниях русского язычества. Архангелогородская мечта, что она? Как сливается с единой Русской мечтой?

На космодроме Плесецк после тяжёлого рабочего дня я выступал в Доме офицеров перед военными испытателями. И этим суровым, твёрдым, утомлённым работой людям я рассказывал о Русской мечте, боялся, что останусь непонятым, что зал равнодушно, с недоумением будет слушать мои романтические постулаты. Но когда я закончил, зал поразил меня множеством глубоких размышлений о смысле русской жизни, о предназначении русского человека, о Русской мечте. Один из офицеров спросил меня, что я думаю о книге Даниила Андреева «Роза Мира». Эта мистическая книга была написана Андреевым во Владимирском централе, в одиночной камере и явилась его сказочным учением об устройстве мира, о месте в этом мире России. Он мечтал не об избавлении, не о скором выходе на свободу — он писал книгу «Роза Мира», и она была его мечтой. Русская мечта и есть Роза Мира, которая наполняет мироздание своей любовью, красотой, великой одухотворённой бесконечностью. И, глядя на загорелое синеглазое лицо офицера, я вдруг подумал, что он со своим личным поиском, устремлением в бесконечность, в бескрайнюю русскую даль, что он и есть Роза Мира, он и есть архангелогородская Русская мечта.

Работать и не сомневаться

Беседуют Александр ПРОХАНОВ и губернатор Архангельской области Игорь ОРЛОВ

– Игорь Анатольевич, я проехал по вашей губернии. Чудесный край! Здесь у вас алмазы, на «Севмаше» «Борей» за «Бореем» строите, выполняя госзаказ, космодром Плесецк ракеты пускает. И, наконец, у вас потрясающее население. Какая губерния может похвалиться таким богатством? Думаю, вам как главе и волноваться не о чем — вы живёте среди сгустков цивилизации. А что вас всё-таки занимает сейчас, какие задачи стоят и проблемы волнуют?

— Вы, Александр Андреевич, совершенно верно отметили наши жемчужины Севера. Действительно, здесь самые настоящие богатства — бриллианты рассыпаны. И вы назвали индустриальные глыбы, которые являются достоянием всей страны, да и не будет пре-

увеличением сказать — всего мира! Наш космодром Плесецк… Какая ещё губерния может похвастаться тем, что на её территории расположен космодром?! Да и в целом мире таких мест — единицы. А космос — это целый мир, и мы помогаем человеку к нему приблизиться.

Особо хочется сказать и о Северодвинске, заводе «Севмаш». Ведь его продукция, подводные лодки, — это шедевры, ничего подобного в мире нет. Неслучайно к этому предприятию такое внимание и у руководства страны. Президент Владимир Путин приезжал на «Севмаш», встречался с коллективом и отмечал его неоценимый вклад в обороноспособность нашей страны.

Надо подчеркнуть, что наша земля издавна была нацелена на высокую, важную государственную миссию. Не побоюсь пафоса и скажу, что именно здесь нашими предками формировалась и решалась супергосударственная задача, когда они на кочах, на карбасах осваивали всё северное побережье матушки-земли, всей нашей Сибири, и привязали эту территорию к России! Где по воде, где вдоль по бережку… Северные экспедиции Семёна Дежнёва и многих других дошли до самых дальних точек, поставив наш православный крест и обозначив таким образом, что это территория России. Новая Земля, Земля Франца-Иосифа… А наш Ломоносов, величие его открытий?! А удивительная судьба наших предков, которые создавали такие уникальные культурные духовные объекты, как Соловки, Антониево-Сийский монастырь, Артемиево-Веркольский монастырь, комплекс храмов в Кенозерье. Строительство государственного флота началось здесь 325 лет назад. И всё это здесь, на Севере.

Это земля с большим внутренним духом и потому требует большой ответственности перед ней. Необходимо соответствовать тому, что дано тебе в управление, доверено президентом и людьми. Я очень счастливый и очень богатый человек, поскольку мне дано не только это всё видеть и находиться во главе такого региона, но ещё и участвовать в его преображении, где-то даже и в становлении. И это возможно только с верой в Бога и в Отечество.

— В чём состоит модернизационный проект губернии? Я не случайно, говоря о ней, назвал Плесецк, «Севмаш». Чего их модернизировать? Они и есть — модерн!

— Модернизация — это не совсем верное слово, Александр Андреевич. Модернизация — это совершенствование того, что есть. Но если мы останемся только на некоем совершенствовании, на достройке и модернизации, то прорыва не будет. А нам нужно рвануть дальше. И рвануть в целом ряде решений, о которых никто, может быть, сегодня и предположить не может.

Например, сегодня самое главное — инфраструктура. А мы до сих пор пользуемся инфраструктурой, созданной даже не в двадцатом, а в девятнадцатом веке, или задуманной тогда. Дороги железные, автомобильные, водные пути… Охватить сетью коммуникаций арктические просторы очень непросто. Но остро необходимо. И не случайно вопрос с созданием магистральных инфраструктурных объектов поставлен во главу угла, в том числе в стратегии пространственного развития, и в указах президента Владимира Владимировича Путина.

А помимо прикладных вещей, задуманы и стратегические. И речь уже идёт не о модернизации, а о следующем шаге в эволюции, в развитии. Задача — шагнуть в суперсовременную инфраструктуру. Мы не можем остаться в стороне от новых железнодорожных и водных магистралей как внутри страны, так и за её пределами. Поэтому речь идёт о создании порта. Причём порта современного, высокоавтоматизированного — целого роботизированного комплекса, который и в условиях Севера позволит, несмотря ни на что, конкурировать. Надо учитывать, что в таких условиях затраты достаточно высоки, а автоматизация и роботизация позволят организовать работу на новом уровне.

— Порт — это ваша надежда?

— Я технократ и многие вещи оцениваю и просчитываю не только с точки зрения эмоций, но и с рациональной, прикладной стороны. Посмотрите: Артемиево-Веркольский монастырь строили бог знает где! Это вверх по реке Пинеге. Даже сегодня там такой объект тяжело построить. А как везём кирпич туда? По воде — самый дешевый и экономичный способ. И когда мы говорим о перевалке огромного количества грузов из Европы в Азию, то как нужно идти? Северным морским путём. А чтобы он функционировал, ему нужны точки опоры. Для морского пути такими точками являются порты, привязанные к тем или иным пунктам. Одна из таких точек — Архангельск.

— Я был на Ямале, в Сабетте, и мы с губернатором Дмитрием Андреевичем Артюховым говорили об арктическом проекте. Перед ними стоит колоссальная инфраструктурная задача — провести две ветки

железной дороги — с одной и с другой стороны, соединить мостом, вывести вертикаль к посёлку Сабетта, сделать его мощным перевалочным пунктом, через который пойдут грузы как с Северного Урала, так и со стороны Красноярска. А какие грузы будет переваливать ваш порт?

— Работы ему хватит. К примеру, при строительстве завода СПГ (его инфраструктуры, дорог) металлические конструкции, трубы, укладываемые на дно, специальные покрытия поступали из Архангельска. Потому что порт Архангельска является ближайшим от Сабетты портом, дающим доступ к европейским ресурсам России: промышленным, индустриальным, интеллектуальным, сервисным.

— Мурманск и Архангельск.

— У Мурманска своя миссия. Оборона, Северный флот, транспортная логистика по морю в сторону Европы — это его функции. У каждого — своя миссия. Наша миссия называется «сервис обслуживания». Что это значит? К примеру, нужны лучшие медики. Пожалуйста, Архангельск. Лучшие инженеры — тоже Архангельск. Нужны лучшие компании, чтобы обеспечить функционирование сложных объектов на море (платформ, например) либо в сложных северных широтах — опять-таки Архангельск. Доставка грузов — тоже. И так далее.

Мы говорили про Северный морской путь, он важен, но в транспортной логистике это ещё не всё. Посмотрите: чтобы долететь из Европы в Азию, нужно тоже сначала по земному шару подняться вверх по короткому пути, сместиться в другую широтную точку и затем опуститься вниз. Это самый экономичный путь не только для морских передвижений, но и для авиационных. Это другая транспортная логистика. И мы сегодня ставим вопрос о том, что в Архангельской области должен быть и авиационный кластер. У нас есть три готовых аэропорта; один — не в лучшем состоянии, а два других — современные супераэропорты с самыми длинными полосами, хорошо откоординированные, отработанные.

Следующий путь — это, конечно же, путь водный. Я очень надеюсь, что эволюционный тренд, который сегодня намечен и развивается, движется, он вернёт к активной жизни и работе транспорт — и водный, и речной. Это опять-таки самый дешёвый, самый быстрый и самый экономически состоятельный транспорт, и он возродит наши водные магистрали. А водные магистрали — это объективная реальность. И не надо забывать, что развивается та точка, которая находится в узле логистических цепочек. Надо создавать узел по разным направлениям.

Причём в сегодняшней реальности, например, встанет вопрос о передаче информации. Каким образом будет передаваться? Чтобы передать, допустим, из одной точки земного шара в другую, шлёшь обычными нашими путями через Владимир, Казань, по трассе БАМ… Это — одно количество передаточных станций… А если подняться повыше, количество передающих станций будет существенно меньше. И оптоволокна тоже нужно меньше.

— По кромке океана?

— Конечно. Да сегодня и в океане можно подводный кабель проложить. И это будет дешевле, короче и защищённее.

— Это вклад Архангельской губернии в общерусскую, общероссийскую чашу.

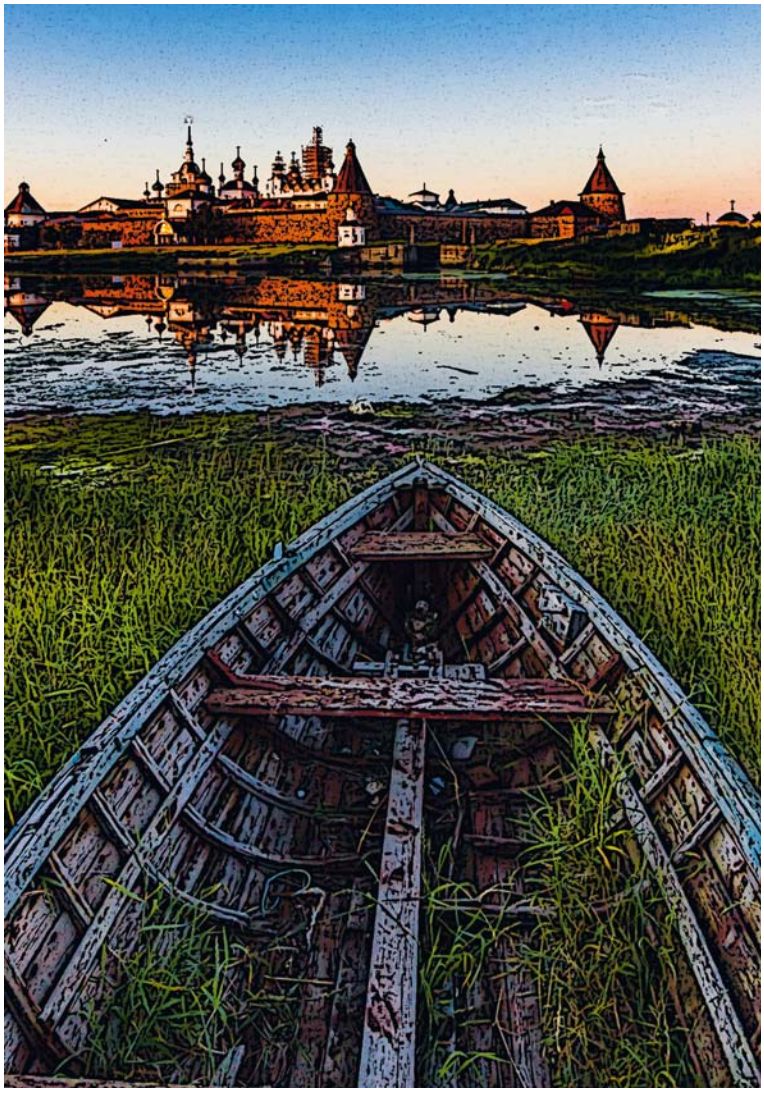
— В развитие страны и мира.

— Да, этого от вас ждут, и не сомневаюсь, эти ожидания вы оправдаете, прикладывая все возможные усилия. Но мне кажется, что Архангельская губерния обладает ещё и определёнными драгоценными свойствами, которые так необходимы сегодняшней России. Согласитесь, вопрос логистики мы всё-таки решим. Уберём из этой сферы идиотов, дураков, воров, бездельников. Мы решим технологические проблемы, России сейчас по плечу любые технологические задачи. А вот как использовать ту таинственную архангелогородскую энергию, красоту, загадочность, стремление, что и создало Русский Север, сделало его неповторимым? Русский Север, конечно, создавался и флотом, и карбасами. Но он создавался ещё и музыкой души северного человека. Когда я ехал сюда, подумал, что, наверное, Ломоносов однажды ночью вышел из дома, посмотрел на небеса и увидел, что они полны звёзд. И написал: «Открылась бездна звёзд полна; Звёздам числа нет, бездне дна…» И у него возникло ощущение собственной душевной бездонности, бесконечности. И мне кажется, что архангельский человек, человек северный, он как никакой другой обладает стремлением к бесконечности, к внедрению человека в загадочное, неописуемое, ещё неосуществлённое. Может быть, это мой поэтический, метафорический взгляд, но что такое, к примеру, «Севмаш»? Это

карбасы, которые уходят в пучину мирового океана и создают там новую военно-политическую, духовную цивилизацию. А поскольку на месте, где построен завод, стоял монастырь, и там ещё кусочек монастыря остался, то в каком-то смысле монастырь строит эти лодки, и в каком-то смысле они — это сегодняшние русские монастыри, которые уходят туда, в бездну вод, бездонность вод, и сам северный человек уходит в ту бездонность. У этих лодок и имена-то княжеские, святые…

А Плесецк? В Плесецке северный человек уносится в бездну космоса. Там же не только баллистика, там спутники запускаются самые разные — коммуникационные и другие. Это другая бездонность. Или карьер, где добываются алмазы. Значит, архангельский мужик лезет за бриллиантами в центр Земли, то есть он уходит в пучину Земли. А Каргополь? Северные песни, каргопольские глиняные игрушки, божки каргопольские — это движение в бездонность души. И ломоносовское «открылась бездна звезд полна» перекликается с кантовским «звёздное небо над нами и нравственный закон внутри нас». И мне кажется, в Архангельске народ живёт и исповедует такие ценности, которые очень необходимы всей России, где ощущение этой бесконечности, бездонности во многом утрачено.

— Не могу не согласиться. Вы в силу художественности, умения изложить всё поэтическим языком, возвращаете меня к мыслям, что меня то и дело посещают. Я много езжу по области и, стоя на высоких берегах Печоры, Пинеги, Северной Двины, ясно понимаю, что только здесь рождается уникальное мироощущение, которое создаёт и великих людей, которые потом становятся бесценным богатством всей человеческой цивилизации в целом. Абсолютно с вами согласен, что этот полёт, порыв, желание творить — что-то за пределами классических человеческих рамок, которые ограничены стенами (даже столиц), он рождается здесь. Вот был я в селе Верколе, родине знаменитого деревенщика Фёдора Абрамова. Он и сегодня ещё до конца не познан, не исследован, его «Чистая книга» иначе заставляет думать. И с высокого речного берега смотришь на другой берег, где в таком же сплошном лесу высятся купола храма Артемия Веркольского. И это соединение мироздания божественного и естественного, человеческого, жажда научного познания приводит к появлению великих личностей, к великим человеческим прорывам.



И вы правы, явление Ломоносова здесь неслучайно. Он действительно был свободен, не был ни в чём ограничен: ни в полёте мысли, ни пространством. Он с отцом ходил в море на рыбную ловлю, и в этих походах в море — никаких пространственных ограничений не было. Он мог это всё осознавать, видеть бездну небесную, бездну морскую. И всё это у него через сердце прошло. Вот откуда — широта мышления…

— И само по себе то, что мы с вами обсуждаем, загадка, загадочное явление.

— Это — загадка для тех, кто не знает русских. Для русского, который видел просторы Волги и чудесную бесконечность наших лесов, — это среда обитания. Когда спрашивают: что такое загадочная русская душа? А душа, она этими просторами и отсутствием границ мироздания как раз и рождена. У нас нет границ через каждые сто километров: и через сто киломе-

тров — наша земля, и через двести, и через пятьсот — наша. Всё наше. Территория Архангельской области — чуть больше территории Франции. Я в Армении разговаривал с новым руководством страны, рассказал о губернии, они обратили внимание: наша территория в двадцать раз больше Армении. Многие государства даже представить себе не могут таких просторов. А мы в этой огромной среде и бесконечности — живём. Потому у нас любое творчество — безбрежно.

— Одному офицеру-пограничнику я говорю: «Ты знаешь, где кончается граница России?» Он на меня посмотрел, как на наглеца: что он, пограничник, может этого не знать. Я говорю: «Граница России кончается там, где начинается Царствие Небесное». Как только кончается граница России — сразу же начинается Царствие Небесное. Поэтому русская душа и русская жизнь — такая таинственная, странная, иногда страшная… Но, по существу, вся наполненная святостью. И архангельская земля, поскольку она граничит с Царствием Небесным, именно такая: таинственная, мистическая… И Россия всегда смотрела на поморов, на северян с чувством какого-то обожания и даже с лёгкой завистью.

— Наверное, действительно здесь начинается граница Царствия Небесного. Потому что для каждого, кто здесь жил, воплощение жизни было в тех храмах, которые здесь строились. А мир заканчивался там, где установлен крест — на куполе и колокольне этого храма. И там сразу — уже совсем иной мир, тот самый, божественный, к которому мы все стремимся. А землю здесь, огромные пространства архангельской земли, купол небес держит. Это тоже очень символично. Ведь «раскачивание» Руси началось тогда, когда деревянные храмы (а ими славен наш Север), которых было огромное количество, порушили. И в итоге самое главное, что было, — устойчивость небесной сферы, нашей границы с Царствием Небесным, начала рушиться.

Но сейчас очень много восстанавливается. За шесть лет моей работы в губернии множество мест в Архангельской области преобразилось. Возрождаются удивительные Соловки, идёт воссоздание монастыря Артемия Веркольского, ведётся строительство Михаило-Архангельского собора в Архангельске. И это является формированием устойчивых конструкций под всё

наше русское мироздание. А на Севере это особо ценно, поскольку здесь всегда особые условия: и дух другой, и небо гораздо ближе. И, слава богу, идёт возрождение не только храмов и церквей.

— Я размышляю о том, что такое Русская мечта. Все народы — мечтатели. Любые народы: ненцы (я был на Ямале и с ненцами в чуме говорил об этом), немцы с их великой мечтой «дранг нах остен» — мечтатели. Американцы сформулировали свою национальную мечту как «град на холме». Это их доктрина. «Град на холме» — это идея величия и господства. Китайцы в свой последний партийный документ внесли китайскую мечту наряду с Великим шёлковым путем.

А Русская мечта? Я пришёл к выводу, что русская мечта — это храм на холме. Мы этот холм насыпаем с древнейших времён, и своими костями, и своими слезами, и своими победами, и своими свадьбами. Вся наша история — это насыпание нашего холма. А его венчает храм — чтобы коснуться Царствия Небесного и чтобы через это касание пролилась божественная красота.

— Наверное, символически это действительно так. И я бы говорил даже не об одном храме, а о монастыре. Монастырь имеет несколько храмов и стену крепостную. Но в то же время он всегда открыт для людей. В монастырях — храмы разных святых и даже разных эпох. Это точки опоры. И потому по-разному можно прийти к истине: через вероисповедание и почитание этого святого, того или другого…

— Монастырь ещё интересен тем, что там внутри — особый тип общества. Вспомним, что патриарх Никон хотел превратить Россию в огромный монастырь, где все люди были бы братья, чтобы не имели стяжания.

— Никон был педант. Он все книги решил переписать в одном стиле и в одном изложении, чем и вызвал раскол. Но, наверное, это действительно очень символично. В любом случае в нашей душе существует храм: храм души, храм веры, храм как некая защитная функция — это храм силы. И когда это всё объединяется в единый комплекс, образуется единство. Когда мы говорим об олицетворении нашего мироздания, у меня в душе возникает образ Соловков. Ведь если мерить экономическими, логистическими, индустриальными мерками, на Соловках храма не может быть по одной простой причине: этому ничего там не соответствует.

В суровейших климатических условиях, на острове, в такой дали построить! Даже сегодня, когда стоит вопрос о том, чтобы построить новое жилое здание на Соловках, вообще никакая экономика не срабатывает! Никакие конкурсы невозможно проводить. Потому что цена всё равно будет существенно больше, чем на материке. И этот комплекс, монастырь со всей его внутренней жизнью и способностью противостоять любым внешним угрозам: природным, военным, идеологическим, — это твердыня, он действительно является символом духа. Я с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом о Соловках говорил, и он сказал, что это для русских больше, чем Афон. Это для русских абсолютный символ русскости, духовности.

И то, что потом являлось опорой и силой Руси, начиналось отсюда, с Севера. Строгановы с Сольвычегорска, Ломоносов, флот… Пётр Первый трижды здесь был.

— Орлов Игорь Анатольевич — северянин…

— Я уже давно себя считаю северянином. Когда я выхожу на Красную Горку в Пинеге и смотрю на окрестности, щемит по-настоящему от гордости и величия.

— Я был под Дебальцевом, видел там киевские самоходные установки, оплавленные от ударов «Ураганов» наших ополченцев. Дебальцево — тоже родное слово для вас.

— Не представляете, Александр Андреевич, как щемило, когда я видел в родном моём городе Дебальцево мою школу, куда несколько раз попадали снаряды. Но это другая боль. Мы помогали школу восстановить.

Вот вы говорите про русскую мечту. У нас в Пинеге есть санаторий «Голубино». Но там был лишь сожжённый до основания Дом отдыха, который стал местом свободного отдыха и давно потерял статус. И вот две девушки (одна в Пинеге родилась, другая москвичка — они замужем за братьями из Пинеги) возродили Голубино! И уже у них планы облагородить саму Пинегу: здание построить, создать новые маршруты по заповеднику, принять участие в возрождении монастыря на Красной Горке. Вот как видят Русскую мечту такие молодые девчонки?! Совершенно уникальный взгляд у них, думаю. Молодое поколение мы иногда ругаем. Но они являются одним из символов нашей будущей Русской мечты, они оправдают все наши надежды.

— Дай бог.

Глиняные боги

Беседуют Александр ПРОХАНОВ и народный мастер, заслуженный художник России Валентин ШЕВЕЛЁВ

– Валентин Дмитриевич, невозможно налюбоваться на ваши чудесные глиняные игрушки, на божков каргопольских. Я ещё застал легендарную мастерицу глиняных игрушек, Ульяну Бабкину, которая, наверное, оставалась последней носительницей тайны каргопольской игрушки. А после её смерти игрушка как бы окончательно исчезла или всё-таки удалось её подхватить?

— Александр Андреевич, здесь, в Каргополе, открыли мастерскую «Беломорские узоры», руководил ею Александр Петрович Шевелёв. Он продолжил традицию создания каргопольской игрушки. Ульяна Бабкина жила в деревне Гринёво, а в трёх-четырёх километрах находится деревня Токарёво, и это был как бы «куст» производства игрушки и гончарного дела. И после того, как Александр Петрович открыл мастерскую, к нему пошли старые

мастера, надомники работали. То есть дело подхватили. Игрушки много стало, она пошла по всей России, по всем мастерам. А потом, когда Александр Петрович ушёл, мастерская немножко отклонилась от традиции. И администрация города Каргополь открыла Центр народных ремёсел «Берегиня», где работают мастера, продолжая традиции и по цвету игрушки, и по материалу.

Александр Петрович позвал сотрудничать с его мастерской и моих родителей, которые в деревне Токарёво раньше делали игрушку и посуду. Ну а потом и я это дело перенял.

— У каргопольской глиняной игрушки тонкая неповторимая эстетика. Значит, нужно иметь чутьё и чувство особой красоты, чтобы у коняшки были ножки вот такие, чтобы так загривочек у неё был загнут, чтобы был такой вот китоврас. Это же, по существу, настоящая скульптура. Я любуюсь, восхищаюсь этой игрушкой. Мне кажется, все детские игрушки имеют своё происхождение от языческих, древних богов, и когда кончилось поклонение взрослых, то это перепоручили детям. И дети, играя, в каком-то смысле являются язычниками.

— Да, конечно.

— Дети всё тонко чувствуют: и солнце, и природу, и звук, и красоту. И эти игрушки для них — как бы напоминание о том мире, откуда мы все взялись. А когда вы делаете игрушки, какие у вас переживания бывают?

— Я вспоминаю своё детство, деревню: какие были там ставни у домов, какую одежду носили, какие люди жили…

— Такую игрушку делать — удовольствие?

— Разумеется. Потому что, во-первых, рука соприкасается с землёй, которая кормит, даёт энергию. Раньше ходили босиком, сейчас босиком не ходят, и вот через руки, через глину передаётся энергия земли и солнца. И возникают эмоции о жизни, о добре, забывается всё ненастное, оно уходит. Когда люди делают игрушку, то становятся добрее. У меня много учеников — и в живописи, и в игрушке. И я это вижу — как игрушка преображает.

— Вы создаёте какие-то новые формы, или ваши игрушки имеют канонические формы, которые вы не нарушаете?

— Формы можно создавать другие, но на основе приёмов работы, традиций, потому что каргопольская глина требует особых приёмов. В зависимости от материала получается и игрушка: дымковская, филимоновская… Все они — разные. Если возьмёте глину в руки, сами почувствуете. Смотреть — это одно дело, а когда сам человек потрогает глину, то он почувствует, что это действительно земля русская.

— Когда мы поклоняемся матери-земле, солнцу и воде — это же в какой-то степени язычество, это своеобразное поклонение. И когда вы делаете игрушку, вы не просто скульптор. Для вас это — не просто забава, а в некотором смысле даже вероисповедание.

— Да. К примеру, есть игрушка Берегиня. А вообще эта фигурка — крестьянка с птицами, и это уже как бы новая форма. Должно идти развитие игрушки, она же появлялась не просто так, а в связи с чем-то. Что в деревне делали с игрушкой? Она не для игры как таковой создавалась. Игрушки знакомили с деревней, с бытом. Например, игрушка-конь — это знакомство с животными. Когда я приезжал в деревню, дед давал мне глиняного коня и говорил: «Вот тебе игрушка, играй, большой вырастешь, своего купишь». Я, конечно, так и не купил коня, но об этом помню. «Береги», — говорил. Так что игрушка не для игры была, для других целей. Например, весной делали большую Берегиню и говорили, что шляпочка на ней — это солнце, птица в руках — небо, а сама кукла — это мать сыра земля.

Я со слов отца знаю, потому что сам уже не застал этого, до революции дело было: звали священника, староста брал куклу, девочкам давали маленьких куколочек или сами они делали, мальчикам обязательно давали коня, и вся деревня обходила вокруг поля с этой куклой-Берегиней. У солнца просили тепла, у птиц просили дождя, потому что птица — это символ неба. А сама кукла — мать сыра земля, она всё даёт, всё рождает, поэтому у земли просили хорошего урожая. Когда обходили поле, начинался сев, пахали, сеяли. На такие праздники, как Флора и Лавра, всегда делали коня. И в этот день давали детям покататься на коне, чтобы он потом ещё ухаживал за конём: если покатался, пойди травки нарви, покорми, щёточку давали, воды — помой. Так приучали крестьянских детей к жизни, к работе, к земле, к деревне. Это было настоящее правило жизни крестьянина.

— Значит, эти игрушки были чем-то большим, чем обучение навыкам. Видимо, эти

игрушки были и покровителями. Вы говорите, что, когда делаете игрушку, испытываете удовольствие и добро. Значит, эта игрушка служила самому разному благу: и материальному, и духовному. Стало быть, в ней эта сила есть.

— Обязательно. Поэтому были игрушки, которые знакомили детей с животными — лесными, домашними. Но были игрушки праздников. Например, фигурки, изображающие катание на лодочках, катание на санях — это праздничная игрушка, к празднику всегда такие весёлые игрушки делали.

— А печальных игрушек нет?

— Нет, печальных нет.

— А глину где вы берёте? Вы сами её выбираете?

— Да, сам. Раньше в своей деревне брали глину. Чёрная земля снималась, потом шла жирная глина, потом уже с песочком. Так вот слой — между чёрной землёй и известняком — брали. Из жирной глины делали игрушки.

— У вас какие-то места сокровенные есть, где глину берёте?

— Мы нашли около Каргополя, в трёх километрах, глину, там и берём сейчас.

— Какая обработка глины идёт, прежде чем лепку начать?

— Её надо выморозить или высушить, потом заливают кипятком в деревянном корыте, и теслом мешали. Сейчас на тестомешалке делаем.

— Месят её для чего, она какое-то новое свойство обретает?

— Когда мешаешь, все маленькие крупиночки растворяются и соединяются в общую массу, как пластилин. Для игрушек замешиваем погуще, для посуды — помягче.

— А вам безразлично, когда лепить — утром, днём, вечером, ночью?

— Да хоть ночью. В любое время игрушку делать — радость.

— Я был в Плесецке, где пускают ракеты. Тоже игрушки, только большие и грозные. Но все, кто эти ракеты делает и испытывает, вкладывают в них глубокие внутренние чувства, и даже не расскажешь, какие. У кого-то радость, у кого-то — поминание отца, у кого-то — горе, у кого-то — ликование. И это всё идёт в эту машину. Люди эти очень суеверные. У них есть множество примет. Скажем, испытатель никогда не затеет пуск ракеты в ту дату, когда была авария какая-то. На пусках нет недоброжелательных людей, пуск должен проходить с добром. И я уверен, что все эти генеральные конструкторы, лауреаты премий, герои — они перед пуском колдуют — что-то бормочут, этой ракете говорят: «Ну, милая, давай, взлетай, если взлетишь хорошо и пролетишь, я тебе шоколадку куплю». А когда вы лепите эти игрушки, с ними разговариваете?

— Я мысленно всегда вспоминаю деревню, своих родителей, вспоминаю ту жизнь, которая сформировала меня. И я сравниваю современную жизнь с той и нахожу и в этой жизни хорошее, и в той. Если бы объединить старую и новую жизнь, чтобы люди друг к другу шли навстречу, было бы хорошо. Современные люди должны понимать тех людей, которые уже ушли от нас. Они унесли много знаний, много добра унесли. Надо это вернуть в нашу жизнь, тогда бы мы бы все стали добрее. Тогда бы и в городах, и в деревнях, и в России люди бы по-другому жили, не стали бы разобщаться. Потому что сейчас мы не ходим в гости, редко по крайней мере. А в деревне раньше придёшь к бабушке в гости на праздник — там столько людей! Из всех деревень приходят, а потом вечером все вповалку на полу спят, на шубах, кто на чём. Следующий праздник в другой деревне — туда все пошли. Сейчас такого нет. Может быть, это и не надо, но в какой-то другой форме всё равно должны обсуждаться жизненные процессы, должно быть общение: какие-то клубы, чаепития…

Приезжают, к примеру, туристы из Москвы, других городов, в «Берегине» покупают игрушку, в музей приходят на выставку, и никто из приезжих людей не сказал: ой, вы тут занимаетесь всякой ерундой. Все говорят: каргопольская игрушка, какая она красивая, какая добрая… И покупают, не жалея денег. Если мы играли с игрушкой, то сейчас её берегут, ставят в сервант. Детям показывают, но играть не дают. Хотя у некоторых родителей дети играют.

— Вы верующий человек? В церковь ходите?

— В церковь постоянно не хожу, но без веры русской как же? Без веры жить нельзя. Вера — это наша жизнь, вера — это наша земля, вера — это наш космос. И я преклоняюсь перед Богом

и перед всеми людьми, которые веруют. Уважаю людей, которые служат вере.

— Во время литургии в храме происходит превращение хлеба в тело Господне, вина — в кровь Господню. Это таинство, мистическое действие. То есть под воздействием молитв, славословий, определённых обрядов происходит преображение: одного вещества в другое, простого, обычного — в святое, в священное. А вот вы слепите игрушку, потом должны её обжечь. Значит, вы её ставите в огонь. И в эту игрушку начинает втекать огненная сила, огненное тепло. Игрушка проходит преображение. Она меняется, наполняется огнём. В этих игрушках живёт огонь. Вы чувствуете, что происходит такое таинство?

— Да, чувствую. Наверное, видели, как маятнички делают: берут ниточку, на неё гаечку привязывают. Я, например, заготовил глину свеженькую, принёс в мастерскую. Дети, что у меня занимаются, начинают лепить. Я подношу к глине гаечку на ниточке, она начинает качаться. Я говорю детям, что это идёт положительная энергия земли. Дальше они мнут глину до какой-то консистенции. И я снова проверяю у каждого глину. И оказывается, эта гаечка начинает «минусовать». Я думаю: надо же! Отрицательная энергия. Такую игрушку мы будем дарить людям, продавать! Что это такое? Я стал литературу смотреть, и оказалось, что мы как бы взяли положительную энергию от земли, отдали отрицательную энергию.

— В игрушку?

— Отдали в глину. Игрушка постояла, я снова замерил гаечкой — чуть-чуть крутится. Когда игрушку положили в печку, и она хватанула огня, стала красная — ещё сильнее гаечка после этого закрутилась. И я тогда вздохнул с облегчением, что действительно мы делаем игрушку с положительной энергетикой.

— Значит, огонь как бы выдавливает из глины всю беду?

— Всё сгорает, да. Огонь всё уничтожает.

— И наполняет игрушку светом, силой, теплом?

— Да.

— Значит, это третья стадия. Первая стадия — вы готовите глину. Это своеобразное таинство, мистерия. Вы её замешиваете, как тесто — словно хлеб готовите. Вторая стадия — вы начинаете лепить, и во время этих скульптурных работ вы в игрушку вкладываете своё тепло, энергию, печали, огорчения, их впитывает глина, параллельно вы наполнены мечтаниями и воспоминаниями о своей жизни. Третья стадия — вы ставите игрушку в печь, в обжиг, из неё улетучивается всё дурное, злое, и она становится светоносной. Последняя стадия — раскрашивание. А что в это время происходит?

— В это время возникают эмоции, которые мы берём у природы. Потому что на игрушках не просто рисунки: вот захотел там зелёную линию провести, и провёл. Нет! Существуют традиции с древних времён.

Здесь у нас обнаруживают стоянки древнего человека. Тогда делали из глины посуду. Когда находим эти древние черепочки, осколки посуды, то на них — крестики, линии, зигзаги, лепесточки. Оказалось, что и на игрушке — то же самое. То есть это всё оттуда дошло до наших времён. А крестьяне переняли. Например, проведена волнистая линия. Искусствоведы говорят, что это символизирует воду. Прямая линия — это колоски. Вот крестьянин жил, смотрел, любовался природой и хотел не хотел, но интуитивно внёс эти узоры — чем жил, что видел. В условной форме. Человек передаёт условно, через игрушку, то состояние природы, которое впитал. Например, здесь у нас роз не было, их потому никогда не рисовали. А если на Украине розы растут, там и изделия под розы расписаны.

— При раскрашивании в игрушку как бы помещается всё природное мироздание? Цвета воды, весны, солнца, снега, и всё это носит строго символический характер, разброса здесь быть не может? Или есть какая-то вольность?

— Если не знать традиций — тогда вольность. Нашу игрушку уже в Москве делают, там они могут этого всего и не знать. Потому там — вольность. Я как-то приехал в Петербург, зашёл в один салон, там стоят мои буклеты, продаётся игрушка. Я спросил: чья это игрушка? Мне сказали: это Шевелёва Валентина игрушка. Я говорю: не моя игрушка-то. И роспись не моя, и сделано не так. В результате выяснили, что это студенты делают, подрабатывают. Я говорю, пожалуйста, пускай делают, только не подписывают моим именем. У них узоры уже городского типа. Кто из деревни — там одно, а кто в городе воспитывался — совершенно другое передаётся в игрушке. Местность, где ты живёшь, ту и передаёшь.

— А если ваших китоврасов увеличить в размерах и поставить вместо Петра Первого на Сенатской площади, смотреться будет?

— А как же! У меня есть большие работы.

— С сохранением всей этой пластики?

— Да. Вот точно так же всё делаем. И в «Берегине» мастерица кукол делает больших. И Полкана делаем. Я могу объяснить вам, что такое Полкан.

Как я помню, в деревне делали не такого Полкана. Делали так: голова человека, а рук не делали. А когда уже никто не лепил игрушек, Ульяна Бабкина делала игрушечки, свистульки, и у неё брали работы на выставки. И искусствоведы ей намекнули: «Ульяна Ивановна, а нельзя ли вот так и так сделать?» Она сразу раз, раз — и сделала. Спрашивают: «Ульяна Ивановна, а кто это такой получился?» Она смотрит в окно, а там собака бежит, зовут Полканом. И отвечает: «Полкан. Это значит — половина коня, половина человека».

Может, немножко и не так было, но легенда такая по Каргополю ходит. И я иногда пользуюсь этой легендой. Потом спрашивают: «А что это в руке?» Она говорит: «Он камень шибает». Шибает — это «кидает» по-деревенски. «Так, значит, он — защитник земли русской». А когда она нарисовала потом солнце жёлтень-

кое, крестик, кружочек, сказали: «Так это же бог Ярило!» Вот так легенды рождаются. И всё время прибавляется к Полкану какое-то новое значение. Теперь уже говорят, что конь — это сила, человек — разум. О Полкане пошло столько легенд! И искусствоведы придумывают, и народ. Народ — самый умный: уж придумает, так придумает! А потом Полканиха появилась и так далее.

— А давайте попросим губернатора Игоря Анатольевича Орлова, чтобы он на набережной в Архангельске установил памятник каргопольской игрушке. Отлить, наверное, придётся из бронзы — глина не выдержит ветра, дождя.

— Я, между прочим, прежнему губернатору дарил Полкана и сказал, что это защитник земли архангельской. А искусствоведы, которые приезжали к Ульяне Бабкиной, потом выставку делали и слепили из снега большого Полкана. Так что это тоже символ города. И ещё символом города является ворона.

— Что она символизирует?

— Символизирует птицу счастья. Вот я сижу у окна как-то, леплю игрушку-куклу. Уже почти слепил, смотрю в окно, там отбросы выкинул кто-то, прилетели вороны — прыгают, веселятся. Я думаю: надо же, ворона! Тут же я глину смял и сделал ворону. А мама уже в Каргополе, недалеко от меня жила. Я к ней прихожу, говорю: «Мама, я придумал новую игрушку». А она сама всегда что-то новое придумывала. «Какую?» Говорю: ворону. «Ай, — говорит, — мы весь свой век лепили ворон, у нас в деревне считалось, что это птица счастья».

А когда я на выставку приехал с вороной, у меня спрашивают: что это такое? Говорю: птица счастья, ворона. Кар-го-поль. «Кар» — это карга, «поль» — это поле. А так — воронье поле. Так это символ Каргополя!

— Есть некая тайна. Вот есть семёновские резные матрёшки, расписные — Полхов-Майдана, и коняшки там есть, есть вятская игрушка. А Каргополь родил свою игрушку, особенную. Как вы думаете, почему в Каргополе могла такая игрушка родиться? Это случайно, или в этом есть какое-то предзнаменование? Почему каргопольская земля и глина вдруг превратилась в такое чудо?

— По реке Онеге и озеру Лаче жили древние племена, у них посуда была сделана из глины. Они на костре готовили, и посуда там без ровного донышка была — они ставили её в песок. И каждое племя, каждый род наносил свои узоры. Они отличались, как и деревни сейчас: разные ставни, разная одежда. Так и у них тоже — разные узоры. Они это всё брали от природы. А глина и за три тысячи с половиной лет до нашей эры существовала здесь, в Каргополе. Потом вместо их жилищ деревни появляться стали, появилась посуда уже с плоскими донышками, потому что столы были, надо было на них ставить, затем потребовалось кушаний побольше, разные лоточки стали делать. А также — игрушку из кремня и из глины. Потом появились краски, раскрашивать начали. Это всё постепенно развивалось, пока не дошло до Полкана и до Тройки — композиции праздничной. Игрушка существовала здесь издавна, а не возникла в один миг. Это наша исконная традиционная игрушка с древних времён.

— Вы художник, причём вы не в Италии живёте, а в Каргополе. Значит, вы каргопольский, архангелогородский русский художник. А все художники — фантазёры. Они всё время фантазируют, всё время у них образы живут, в них непрерывно идёт духовное движение. И все художники — мечтатели. И в каком-то смысле они сказочники. А в чём северная каргопольская мечта? Какой заоблачной мечтой живёт каргопольский человек? Художник, рыбак или крестьянин?

— Если делали игрушку на праздник — в возочке, в бричке с гармошками — это и была мечта о хорошей, доброй и красивой жизни! А что такое хорошая жизнь? Это дружба. В деревне — с соседом дружба. Дружба с городами, с природой. И дружба вообще целого государства. Каждый человек за государство болеет. Если сейчас что-то нехорошее творится, на Россию начинают пенять, мы все же переживаем.

У нас в Каргополе идут в школах уроки по игрушке, и в педучилище студенты её делают. Затем окончивших училище отправляют работать по месту назначения, и они развозят игрушку по всем городам. То есть несут радость. Меня как-то пригласили в Москву, в педагогический университет, со студентами мастер-класс провести, мы лепили игрушку. И я спросил: что такое игрушка? Мне ответили: игрушка — это мечта о нашей хорошей жизни.

— Прекрасно. Значит, каргопольская мечта — это мечта о дружбе.

Завод-государство

Беседуют Александр ПРОХАНОВ и генеральный директор АО «ПО «Севмаш» Михаил БУДНИЧЕНКО

— Михаил Анатольевич, вспоминаю, как я побывал на вашем заводе впервые. Это был тяжёлый период, но завод уже выкарабкивался из беды девяностых годов. И тогдашний директор Владимир Павлович Пастухов рассказывал о том, какая катастрофа была здесь в 90-е годы. Когда рабочие своих голодных детей сюда, на режимное предприятие, водили кормить. У людей не было веры, погибала вся индустрия.

И мне показалось, что совершенно новый период у предприятия начался с появлением реального заказа на лодки «Борей»: завод перешагнул через «чёрную дыру», и период этой беды завода кончился.

— Первый корабль данного проекта был заложен ещё нашим легендарным директором Давидом Гусейновичем Пашаевым. И все те смутные времена корабль стоял на стапеле, поскольку не было финансирования. Только представьте, Александр Андреевич: госзаказ тогда равнялся месячной зарплате завода. Не было денег, что определяло и долгострой, и проблемы завода в части финансовой, в части зарплаты коллектива, да и всего остального. И вы абсолютно правы: когда был дан госзаказ на лодки этого класса, начали финансироваться проекты, завод воспрял, пошла постройка кораблей. Это произошло в период первого президентства Владимира Владимировича Путина. До этого почти десять лет шёл развал предприятия, и это действительно была катастрофа. Тогда из 46 тысяч человек коллектива осталось тысяч 20. А сейчас у нас работает уже 28,5 тысячи человек, и мы ещё набираем людей на работу. В этом году стоит задача довести численность работающих до 30 тысяч человек, что должно обеспечить выполнение Государственной программы вооружения.

— А как завод переходил на новый режим работы? Проблема была только в деньгах, в финансировании? Или же это вопрос и полной модернизации, организации производства, вопрос создания нового поколения рабочих? Ведь такой переход — это целая эпопея.

— Вы правы. В период этого безвременья старые рабочие уходили, новые кадры не набирались, и произошла частичная потеря опыта, который должен передаваться от более опытного специалиста к менее опытному — в этом смысл системы наставничества, обучения. И этому ни в какой школе не научат, этот опыт должен передаваться непосредственно на производстве. Нам, однако, удалось в эти годы сохранить костяк опытного профессионального коллектива. И мы к тому же сохранили все технологии.

— В основном на предприятии оставались старые рабочие?

— Да. А когда началось финансирование, мы очень много молодежи набрали и продолжаем набирать: 2,5 тысячи человек в год. А поскольку происходит естественная убыль в связи с уходом людей на пенсию или переходом на другую работу, то в итоге на 1,5 тысячи человек за последние шесть лет коллектив растёт каждый год. Молодёжь обучают опытные кадры. Это определённые сложности создаёт, потому что больше брака получается, меньше выработка у человека, пока он учится — года два-три. Тем не менее сегодня коллектив сильный, грамотный, умный, обеспечивается преемственность. И с теми задачами, которые поставили нам Верховный главнокомандующий, министр обороны, главком ВМФ, мы справляемся. Нет сомнений, что мы программу выполним.

— Вы счастливы, что в три смены работаете, нагрузка огромная?

— После того что мы испытали в кризисные 90-е годы, лучше пусть ругают, что не вовремя ты чего-то сделал, чем сидеть без работы. Конечно, радует объём работы. И город ожил вместе с заводом. Вы же сами видели, сколько в городе машин, жильё строится, проходит масса мероприятий — спортивных, культурных. У нас на заводе за пять лет зарплата выросла в два раза: на сегодня средний заработок — около 70 тысяч. И люди довольны.

— Но согласитесь, что работа работе рознь. Может быть, в автосервисе и больше получают, однако строить такие корабли, как строите вы на вашем заводе, или ремонтировать битый джип в автосервисе — это не одно и то же, это рождает разные эмоции у человека.

— Александр Андреевич, в 2012 году, когда я стал директором, у нас зарплата составляла 28 тысяч рублей. Это было совершенно нетерпимо, и люди с завода уходили. Сегодня она выше, чем средняя по Архангельской области, выше, чем средняя по Северодвинску. Стало быть, здесь работать престижно — и в части зарплаты тоже. А что касается причастности к тому делу, которое мы делаем, профессионалу это, конечно, интересно. И есть чем гордиться.

Человечеством не придумано ничего сложнее, чем атомная подводная лодка.

— Мне кажется, что во всём этом есть и ещё одна человеческая эмоция. Её, может быть, трудно ухватить и сформулировать, но она связана с тем, что ваш завод является государствообразующим заводом. Не градообразующим, а именно государствообразующим.

— Согласен.

— Таких заводов в России не очень много: Уралвагонзавод, НПО «Энергия», завод имени Чкалова в Новосибирске… И если бы не было вашего завода, не было бы и государства. С другой стороны, если бы не было такого государства, как Россия, не было бы и вашего завода.

— Конечно, всё связано. И это очень хорошо сформулировал Владимир Владимирович Путин в один из приездов на наш завод. В 2012 году на закладке корабля «Князь Владимир» он, выступая с трибуны, сказал, что вряд ли есть ещё хотя бы один завод в мире, который столько сделал для своей страны. Безусловно, оборона страны крайне важна. Мы видим, как нас «любят» везде. И быть сильными мы просто обязаны, чтобы наши дети росли свободно, и чтобы мы не получили разного рода «оранжевые» события.

— Лодки — это, прежде всего, оружие сдерживания. И появление этих лодок, непрерывность их появления от проекта к проекту, конечно, обеспечивает существование нашего государства: в своё время советского и теперь российского. Но, кроме того, что эти лодки поставляют на наш общий российский стол блюдо под названием «безопасность», само появление этих лодок меняет психологию людей. Я знаю это по себе, по моим друзьям, многие из которых унывают, отчаиваются, у них опускаются руки, они скептики, всем недовольны. А появление этих лодок возвращает людям повсюду в стране: в столице, в селе, в любой деревушке, — ощущение огромного общерусского дела. Думаю, что ваш завод не только поставляет оружие, он поставляет и мышление, он поставляет идеологию. И это меняет атмосферу в стране в целом. Люди, абсолютно далёкие от вас и территориально, и производственно, они эмоционально участвуют в вашем деле. Они ликуют в моменты каждого нового спуска, жадно смотрят телевизор, радуются.

— Бесспорно. Это и есть патриотизм. В 90-е годы не было у людей уверенности, и потому люди даже детей не рожали. А сегодня столько колясок в городе! Люди почувствовали, что здесь надёжно, есть работа на долгие годы, и стали создавать семьи, заводить детей.

И я бы отметил здесь два аспекта. Первый — это сопричастность к большому делу любого гражданина России, который является патриотом своей Родины. А второй — то, что наш корабль строит вся страна. Нам поставляют и материалы, и оборудование тысячи субподрядчиков — от Калининграда до Камчатки. Это общее большое дело: строит каждый корабль не только «Севмаш», а вся страна.

— В этом корабле собрано всё, чем богата страна: интеллект, умение, честность, способность жертвовать собой ради Родины. Я даже думаю, что в этом корабле присутствуют Толстой, Достоевский, Рублёв, художники — это русское вековечное мышление. Недаром вы сейчас лодки нарекаете именами князей, это княжеская серия: «Дмитрий Донской», «Юрий Долгорукий».

— Конечно. Государство без истории — это не государство. И народ без истории — не народ. Какая у нас долгая славная история! Не как у некоторых, кому только пара-тройка сотен лет. И конечно, народ должен чувствовать сопричастность к большому делу. Родину надо любить, быть готовыми её защищать.

— Но на ваш корабль двигаются иногда энергии, которые вы и не учитываете при создании корабля. Они входят помимо всех ваших цехов, подразделений, они пропитывают саму идею кораблей, которые вы строите.

— Абсолютно с вами согласен. Вообще, сам по себе корабль — это живое существо. Это не груда металла. У каждого свой характер, к каждому свой подход нужен. Мы строим корабль, а потом отдаём флоту. И у кораблестроителей в этот момент — слёзы на глазах. К кораблю привыкают, как к ребёнку. Мы вывели его из цеха — это он родился. А потом его надо научить ходить, научить работать, действовать в той или иной обстановке… Процесс очень похож на взращивание человека. Ребёнок родился, и сначала его надо научить ходить, выучить, и только потом из него что-то получится. Здесь процесс — совершенно аналогичный.

— А потом его надо на пенсию отправить. Тоже большая проблема.

— Совершенно верно. Поэтому сейчас мы вместе с Минобороны подходим к концепции полного жизненного цикла корабля. Вот мы его построили, сдали флоту, закончили гарантию, провели сервис, провели первый заводской ремонт, второй. И после этого он должен утилизироваться.

— Это технологическая проблема. И это ещё и моральная проблема. Одно дело присутствовать при рождении корабля, а другое — прощаться с ним, закрывать ему глаза.

— Конечно, жалко. Корабли — они как люди. Но люди тоже уходят. И когда корабль отслужил положенные ему 40 лет, он утилизируется. Это естественный процесс: корабль, как и человек, честно отдал долг Родине, его нужно достойно проводить, определить для него место в музее. Это вызывает нормальные эмоции. Но когда в 90-е за американские деньги резали корабли с активной зоной, не выработавшей и 20 процентов, вырезали шахты на атомных лодках, когда резали живое — это уже совсем другие эмоции. Не дай бог, чтобы ещё раз такое повторилось.

— Если это ещё раз повторится при моей жизни, я спокойно это не переживу, я возьму гранатомёт.

— Будем надеяться, что такое не случится.

— На вашей заводской территории — фрагменты Николо-Корельского монастыря, которому 600 лет. А я посещал Саров, где расположились в своё время атомщики. Они туда пришли, закрыли монастырь, стали создавать наши атомные бомбы. И сейчас покровитель физиков — Серафим Саровский. В День памяти и чествования преподобного Серафима физики выезжают в Дивеево, проводят там свои физические симпозиумы, конференции, молятся: батюшка Серафим, помоги новую бомбу сделать. И мы тогда с ними говорили, что в этом смысле наша атомная бомба — православная, её создавали молитвами Серафима.

И вашим монастырём в каком-то смысле исторгнут ваш завод. Да, это были жестокие времена, но завод родился из одного из пределов, из одного из куполов этого храма.

— Александр Андреевич, когда выбирали место для такого завода-гиганта на севере, рассматривали несколько мест. И когда Сталину показывали на карте наш вариант, он спросил: это что? Ему ответили — монастырь. Он сказал: «Будем строить здесь. Старые монахи знали, где строить». И то, что здесь такой намоленный монастырь, сыграло свою роль в решении вопроса, где должен быть завод. И конечно, это огромный пласт нашей истории. Мы последние шесть лет, как могли, поддерживали оставшиеся здания монастыря. Сейчас принимаем меры к тому, чтобы монастырь восстановить. Купола сделали, отопление подали, часть построек законсервировали, чтобы не разрушались. Он работает как домовый храм, у нас есть священник. Недавно мы с губернатором Игорем Анатольевичем Орловым провели совещание, на котором присутствовал представитель президента по Северо-Западному округу. Приняли решение, что будем при правительстве области, при епархии, при заводе создавать попечительский совет и Совет фонда, чтобы подготовить проект и реконструировать этот монастырь. Я думаю, через 5–6, может быть, через 10 лет, его будет не узнать. Мы его восстановим в прежнем виде.

— Поскольку ваш завод является продолжением монастыря и связан с ним и территориально, и, видимо, глубинно мистически, патриотически, то и лодки, которые стоят

на рейде, они в каком-то смысле являются изделием монастыря, а не только завода. И поэтому ваши лодки, которые нарекаются именами князей (а многие из них — святые), они в определённом, может, поэтическом смысле являются нашими русскими монастырями, которые мы отправляем в пучину вод, чтобы там они несли не только службу по защите Отечества, но и чтобы славили Господа Бога.

— Да. И в самые тяжёлые времена Давид Гусейнович Пашаев любил говорить: «Бог «Севмаш» любит». И действительно, несмотря на всё то безвременье, какие бы провокации нам ни устраивали, завод выстоял, выжил, развивается, думаю, в том числе и потому, что здесь такой монастырь. Посмотрите: Уралмаш развалился, Атоммаш пропал, многие великие заводы, которые в войну эвакуировали за Урал, отстраивали всей страной, просто сгинули. А «Севмаш» стоит и работает.

— Физики Сарова говорят, что наша атомная бомба — это православная бомба. Тогда в каком-то смысле и ваши лодки можно называть православными. А есть на этих лодках внутренняя часовня и молельная комната?

— Есть.

— Тогда это вообще — плавающие монастыри. А весь экипаж — этакая братия. Это мужские монастыри.

— Я думаю, что подводники живут мирскими заботами, думают о семьях, о детях. У них очень нелёгкая служба.

— Но мистика именно такова, что эти великие лодки, которые вы строите и отправляете, за ними тянется не только звуковой шлейф…

— Но и благословение, наверное. И монастыря, и завода, и коллектива. Конечно, мы очень переживаем за них. И надо молиться за то, чтобы наши лодки никогда не были задействованы по назначению, не работали. Их наличия уже достаточно для того, чтобы над нами было мирное небо, чтобы мы могли спокойно себя чувствовать.

— Это и есть их работа — быть.

— Да. Не дай бог, чтобы они были бы когда-нибудь применены. Они сами по себе — достаточный фактор, чтобы с нами считались, нас уважали. Кроме того, что лодки православные, нужно молиться и за то, чтобы они не работали, чтобы самим своим существованием обеспечивали мирное небо.

— А что сейчас ждёт завод? Вы стоите накануне какого-то этапа или идёт плавная эволюция?

— Мы строим две серии — современные атомные подводные лодки. Переоборудуем, делаем модернизацию корабля проекта 11442М.

И дальнейшей работой завод будет загружен на ближайшие 10 лет.

— Новый проект — это своеобразная встряска для завода.

— Любой головной корабль— это что-то новое. Это новые технологии, новое оборудование, новые требования. Мы готовимся, и у нас идёт мощнейшая реконструкция. Краны меняем, передаточный комплекс делаем. У нас на заводе 100 подразделений, 37 производств. И сегодня каждое из этих производств — без исключений — переоборудуется. И машиностроение, и металлургия, и корпусно-сдаточный, и корпусно-стапельный цех, и трубомедницкое производство — всё реконструируется огромными темпами. Мы вложили в модернизацию около 30 миллиардов рублей и планируем вложить ещё.

Так что завод обновляется, зарплата растёт, люди к нам идут. У нас огромные социальные программы, лучший в России коллективный договор. Есть свои пансионаты в Адлере, в Евпатории. Нашим сотрудникам путёвка обходится в 30 процентов от цены, плюс бесплатная дорога. Пять тысяч наших тружеников каждый год в летний период могут отдохнуть практически бесплатно. Есть свой санаторий-профилакторий, где людей, имеющих профессиональные заболевания или какие-то показания, можно полечить. Свой дворец культуры, плавательный бассейн… Мы начали строить жильё. Уже четыре дома построили и передали городу. Каждый год будем сдавать по дому, до тех пор, пока все работники «Севмаша» не будут обеспечены жильём. В планах — строительство 50-метрового бассейна на нашем стадионе «Север», крытого футбольного стадиона. Планов очень много. Чем комфортнее будут условия и среда для людей, тем лучше все будут трудиться и тем лучше будут построенные корабли.

У нас свои радио, киностудия, теленовости «Вести «Севмаша», журнал. Газета «Корабел» выходит.

— Сейчас на устах журналистов, политиков слова, которые уже затрепали. Например, слово «рывок». Повсюду слышишь: «Рывок, рывок»… А я иду по своей дороге, спотыкаюсь о каменья или у меня на глазах расползается какое-то здание. Какой уж тут рывок! А ведь то, что я увидел на вашем заводе, это рывок?

— Нет, это эволюция. Никаких рывков! Всё плавно — от простого к более сложному, выше и дальше. Революции и рывки — это плохо. Эволюция лучше. Мы никаких рывков не делаем, мы планово проводим модернизацию производства, подготовку под корабли пятого поколения.

— Но тогда что значит — прорыв?

— Прорыв— это когда надо что-то существенно поменять в один миг, поменять принципиально какую-то технологию.

— Это и есть рывок?

— Думаю, да. Но я не считаю, что это хорошо. Всё нужно делать планово. Везде должна быть эволюция. Смена поколений и эволюция.

— А вы чувствуете, как над нашими головами из лазурного неба снижается какое-то загадочное, жутковатое существо, имя которому — цифросфера? Цифровая экономика, цифровая реальность. Все говорят: цифра, цифра… А где она, эта цифра?

— Она везде — цифра. Она сегодня — в системах управления кораблями, станками; компьютеры повсюду. Моей внучке шесть лет, и она лучше меня знает, что и как в этих устройствах действует. Это нормально, меня это не пугает. Должно вырасти поколение, которое будет с этим дружить, понимать эти вещи лучше нас.

— Поколение цифры?

— Конечно. Есть в этом плюсы, а есть минусы. Но с точки зрения технологии и прогресса это совершенно необходимо. Такой уж век.

— Михаил Анатольевич, мы с вами любим не цифры, а слова. И поэтому я как писатель, владеющий словом, хочу высказать своё восхищение заводом, людьми, с которыми я общался, — с инженерами и с рабочими. Очаровательные молодые люди, с прекрасными, открытыми лицами.

— Да, Александр Андреевич, какие лица у людей на заводе! Люди улыбаются. Все приветливы, никакой грубости. Добросердечие вообще отличает северян.

— Просто удивительно! Иногда ирония лёгкая к тебе, когда спрашиваешь что-то. А он будто отвечает: «Ну чего пристаёшь с пустяками? Я вон какие штуки гну! А ты своё гнёшь».

— Хочу вам на память вручить книгу «“Севмаш” — достояние России». Это действительно гордость нашей страны— такой завод.

Одухотворённый Ямал

Полярная звезда, её северный мистический свет влекут к себе русского человека, влекут своей тайной, своей красотой, своей мечтой, своей великой надеждой на идеальное, справедливое, божественное бытие

Русские люди — это очарованные странники. Они очарованы великой родиной и великой мечтой: не только земной, но и небесной. Стремятся за линию горизонта, на край света. Туда, где, по их представлению — благодать, жизнь без зла, без насилия, райские кущи. И такой землей для русского человека был Север, загадочный, таинственный, влекущий своим полярным сиянием, своей неугасимой Полярной звездой. И они шли на Север — в надежде оказаться там, где среди льдов вдруг откроется цветущий земной рай. И дошли туда, где их ждало чудо.

И вот я на Ямале — среди неоглядных разливов, среди льдов, среди пронизывающих ветров, на кромке Ледовитого океана. И вот оно, ямальское чудо — завод по сжижению природного газа, СПГ. Грандиозный красавец полярных сияний. Этот завод в разобранном виде везли сюда по Северному морскому пути из Китая. Там его создавали — и по частям, по модулям грузили на колоссальные сухогрузы, и те в сопровождении ледоколов медленно пробирались через полярные широты. Причаливали к приготовленным пирсам, драгоценный груз переносили на гигантские многоколёсные платформы и тихо, осторожно, чтобы не продавить мерзлоту, везли на стройплощадки. Потом эти модули, похожие на пучки огромных стальных лучей, сгружались, ставились на мерзлоту, собирались, свинчивались, состыковывались — и так возник чудесный завод. А рядом с ним — великолепный, прекрасный, точный, похожий на кристалл вахтовый город. По такой же технологии будут собираться на Луне лунные поселения, доставляемые сверхтяжёлой ракетой.

Дмитрий Анатольевич Фомин, хозяин всей этой стройки, принимавший самые первые модули, рассказал, как созидалось это чудо. Чудо, казавшееся невероятным для этих ледяных пространств, где зимой температура 50 градусов ниже ноля, а ветры с океана могут свалить с ног человека. В сражении с мерзлотой и с запасом прочности не только на весну, но и на климатические изменения, когда всё вокруг начнёт таять, сдвинется — и тысячетонные конструкции могут уйти в землю, в воду, в тундру. Каждый момент воздвижения завода требовал своего, пусть самого маленького, но открытия. Небольшого, но откровения. Здесь по-особому погружались в мерзлоту особые сваи, по-особому, из особого бетона, отливались огромные резервуары, куда стекал сжиженный газ, дожидаясь разгрузки. Здесь по-особому осваивают месторождения, по-особому ведут бурение, запуская под землю целый пучок, целый куст расходящихся скважин. И человек своей железной рукой осторожно шарит в подземелье, нащупывая могучие карманы с газом. Этот газ подаётся на завод, очищается, из него выделяются сопутствующие ему смеси, концентрат, конденсат. Он проходит через гигантскую криогенную установку, через реактор, где превращается в жидкость и откуда потом насосами подаётся в колоссальные цистерны и хранится там до прихода танкеров. И эти танкеры уже движутся к Ямалу с востока и запада по Северному морскому пути. Одни уже проходят Берингов пролив у Аляски, другие — только что отчаливают от Испании, куда они перекачали запасы газа, и движутся к порту, где океан ещё весь во льдах, где, поджидая караваны газовозов, темнеют в отдалении ледоколы, дизельные и атомные.

Этот завод — национальное богатство. Но не меньшим, а то и большим богатством является коллектив, обеспечивший создание этого газового гиганта. Этих людей искали по всей России, отбирали, проводили тесты на их знания, умения, на их нравственные качества. Двадцатитысячный коллектив работающего и продолжающего строиться предприятия — люди великого трудолюбия, великой удали и даже молодечества. Люди колоссальной дисциплины и артельной коллективистской этики.

Игорь Олегович Часнык, руководящий производством, рассказывал, что создание здесь, среди этих полярных сияний, невыносимой мерзлоты и мороза, такого коллектива — огромный социальный труд, которого нам так не хватает в обычной жизни. На Севере один человек — ничто. Он погибнет, исчезнет. Выжить здесь можно только вместе, в братстве, помогая друг другу, принося самого себя в жертву за други своя.

Вахтовый посёлок — чёткий, кристаллический, красивый, где нет ничего лишнего, являющий собой фабрику для жилья. Здесь тепло, есть вода, электричество, комфорт, даже спортивные сооружения. Этот посёлок на 20, а то и на 40 дней принимает упрямых, дееспособных людей, истосковавшихся по настоящему делу, по крепким заработкам, по артельному коллективному труду, которым всегда была славна Россия. Наша Арктика сегодня — поражающая своими углеводородными богатствами, открывающая русским людям сквозь льды Северный морской путь, куда спускаются один за другим атомные ледоколы. Эта кромка Ледовитого океана является и рубежом обороны, где ставятся сверхмощные и сверхдальние радиолокационные станции, способные обнаружить противника по ту сторону полюса. Арктика сегодня является фабрикой нового русского человека. Не того «нового русского», который явился после крушения Советского Союза и испугал весь мир своим безумием, расточительством, чванством и никчёмностью. А того нового русского человека, который является вечным русским человеком, исконным русским человеком, открывателем, создателем, героем, тружеником и великим удальцом, ибо он совершает здесь, в полярных широтах, огромное, важное, богатое русское дело. И эти люди, отработав здесь свои вахты, вернутся в Центральную Россию, обветренные арктическими ветрами, готовые к великим делам. Лучшие строители, лучшие управленцы, лучшие политики.

Генеральный директор завода Евгений Анатольевич Кот с упоением творца и большого хозяина рассказывал мне про абсолютно новую отрасль экономики, когда на смену дорогостоящим газопроводам приходят газовозы, везущие сжиженный газ к местам потребления. Как странно здесь выглядят утверждения некоторых экономистов и промышленных стратегов, с презрением говорящих о газовой и нефтяной «игле», на которую якобы села Россия. Пусть другие страны попробуют сесть на такую иглу, создать арктическую углеводородную цивилизацию. Она — результат великих технологий, великой науки, связанных с землёй, с людьми, с металлом, с химией. Это вершина экономики, способной освоить эти месторождения, не потерять при этом ни капли нефти, ни кубометра газа, обеспечив сохранность и чистоту окружающей среды, способной отыскать мировые рынки, где были бы употреблены эта нефть и этот газ. Выиграть схватку за эти рынки с другими нефтегазовыми державами. Первая линия завода работает вовсю, на полную мощность. Собирается у меня на глазах вторая могучая линия. Ещё немного — и через неё тоже пойдёт газ к пирсам. Уже монтируется третья линия, под которую делают расчёты финансисты, считая выручку, которую даст эта третья линия. Но это ещё не всё. В программе — и четвёртая линия завода. Причем эту линию не привезут из Китая, с чужих заводов и верфей, — она будет создаваться здесь, в России. Уже разработаны технологии, найдены соответствующие производства, распределяются заказы, нагружая рабочие места и давая дополнительную жизнь всей современной российской индустрии. Здесь наглядно видишь, как выполняются майские указы президента, хотя на Ямале мало говорят о политике.

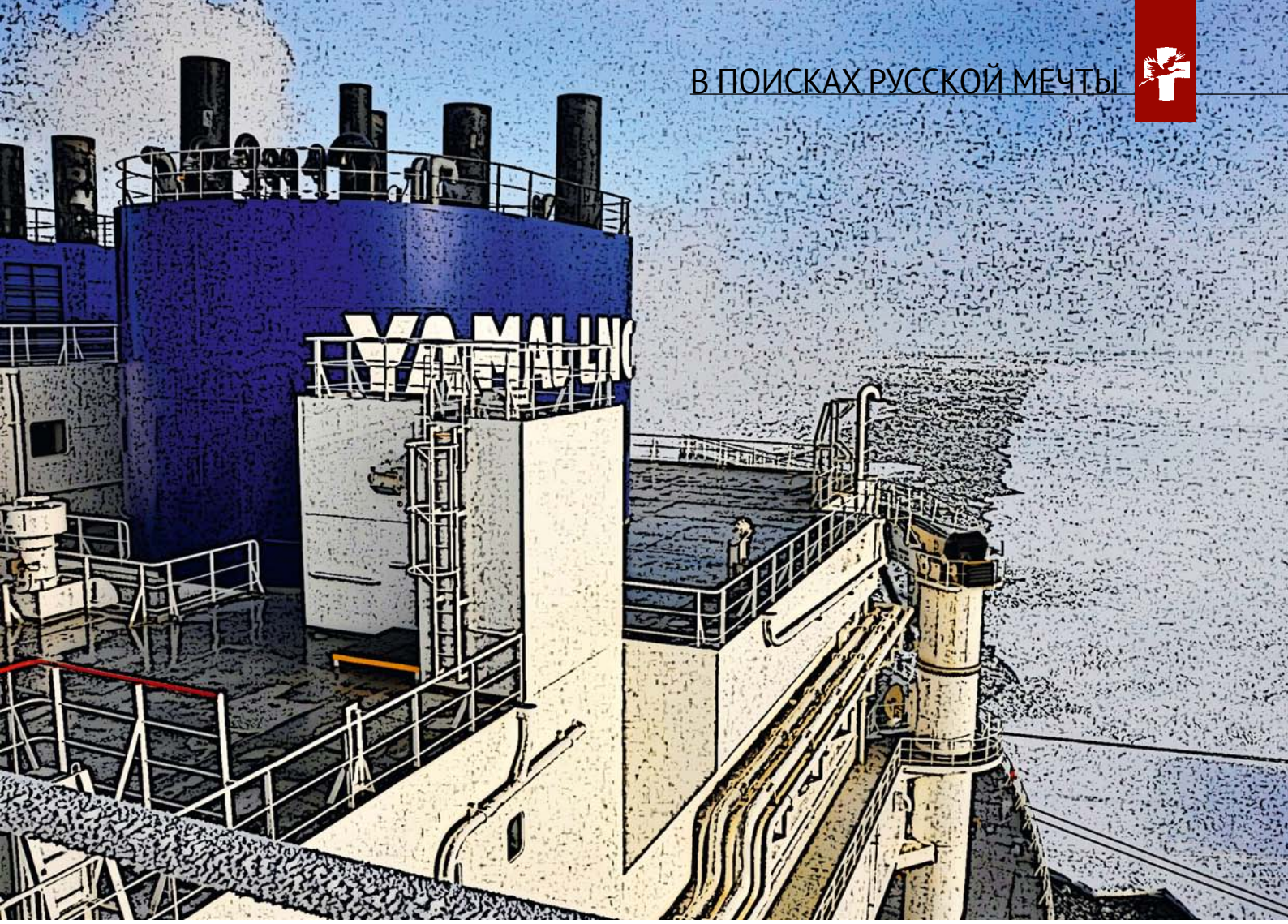
А ещё — развитие цифровой экономики, создание цифросферы, без которой невозможно было бы управлять этим огромным производством: от глубокой тундры, где стоят буровые, до огромного, денно и нощно функционирующего завода, с его сложнейшими технологическими процессами, до океанского порта с множеством пирсов и обслуживающих их ледоколов. Только вездесущая цифра, только компьютерная сеть способны синхронизировать это огромное производство. О каком ветхом жилье можно говорить в Сабетте, если по своему качеству, по наукоёмкости, по комфорту, по эффективности этот город напоминает лунное поселение? Вот — ничего нет. Но вот всё возникло — словно одним ударом, одним чудесным мановением жезла! Порт Сабетта, о котором ещё недавно мало кто знал, сегодня стал одним из самых восхитительных, самых важных мест России.

Губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа 30-летний Дмитрий Андреевич Артюхов, должно быть, — самый молодой из глав регионов России. Мы говорим: необходим рывок, рывок в будущее. Вот он, этот рывок. Губернатор — человек-рывок. Когда совсем недавно его предшественник и наставник, Дмитрий Николаевич Кобылкин, человек огромного опыта, потрясающего темперамента и настоящей северной закалки, ушёл в Москву, чтобы занять пост министра природных ресурсов и экологии всей России, здесь его сменил Артюхов. Подвижный, умный, страстный, темпераментный, владеющий английским языком, поработавший в Сингапуре и познавший тайны современного западного управления, правила мировых рынков, он — плоть от плоти этих северных мест. Не чужак, не карьерный губернатор. Он — преемник в самом высоком и прекрасном смысле этого слова. Он работал рядом с Кобылкиным, усвоил его философию, воспринял его стратегическую доктрину. И теперь, исполненный сил, на волне арктического ренессанса, продолжает его стратегический проект «Арктика XXI века».

Этот проект грандиозен. Он включает в себя продление железной дороги: той, что ведёт через Северный Урал от Воркуты, от уральских экономических районов на Восток, к Салехарду, к Оби, не достигая порта Сабетта всего на пару сотен километров, — продление этого пути к комплексу «Ямал СПГ», чтобы сюда быстро и надёжно доставлялись грузы с могучего Урала, со всей Европейской части России. И вторая железная дорога, которая подходит к Оби с востока, соединяя Лабытнанги с северной Сибирью: Надымом, Новым Уренгоем и дальше, до Игарки на Енисее. И мост через Обь, который должен соединить Лабытнанги и Салехард, одновременно будет железнодорожным мостом, создающим этот «полярный Транссиб», Северный широтный ход, соединённый железными нитями рельсов с портом Сабетта и растворяющийся в необъятных просторах Северного морского пути. В этом — будущее Ямала. В этом — его новая стратегическая роль в развитии России. В этом — осуществление старинных, давнишних, задуманных ещё в дореволюционные времена и частично осуществлённых в сталинскую эпоху стратегических замыслов по освоению и развитию Русской Арктики. Этот проект уже осуществляется. Проведены все расчёты, одобрен проект моста через Обь, найдены инвесторы. Реализации этого проекта будет посвящена вся дальнейшая деятельность молодого губернатора. Он продвигает этот проект, стремится убедить Центр в его стратегической необходимости.

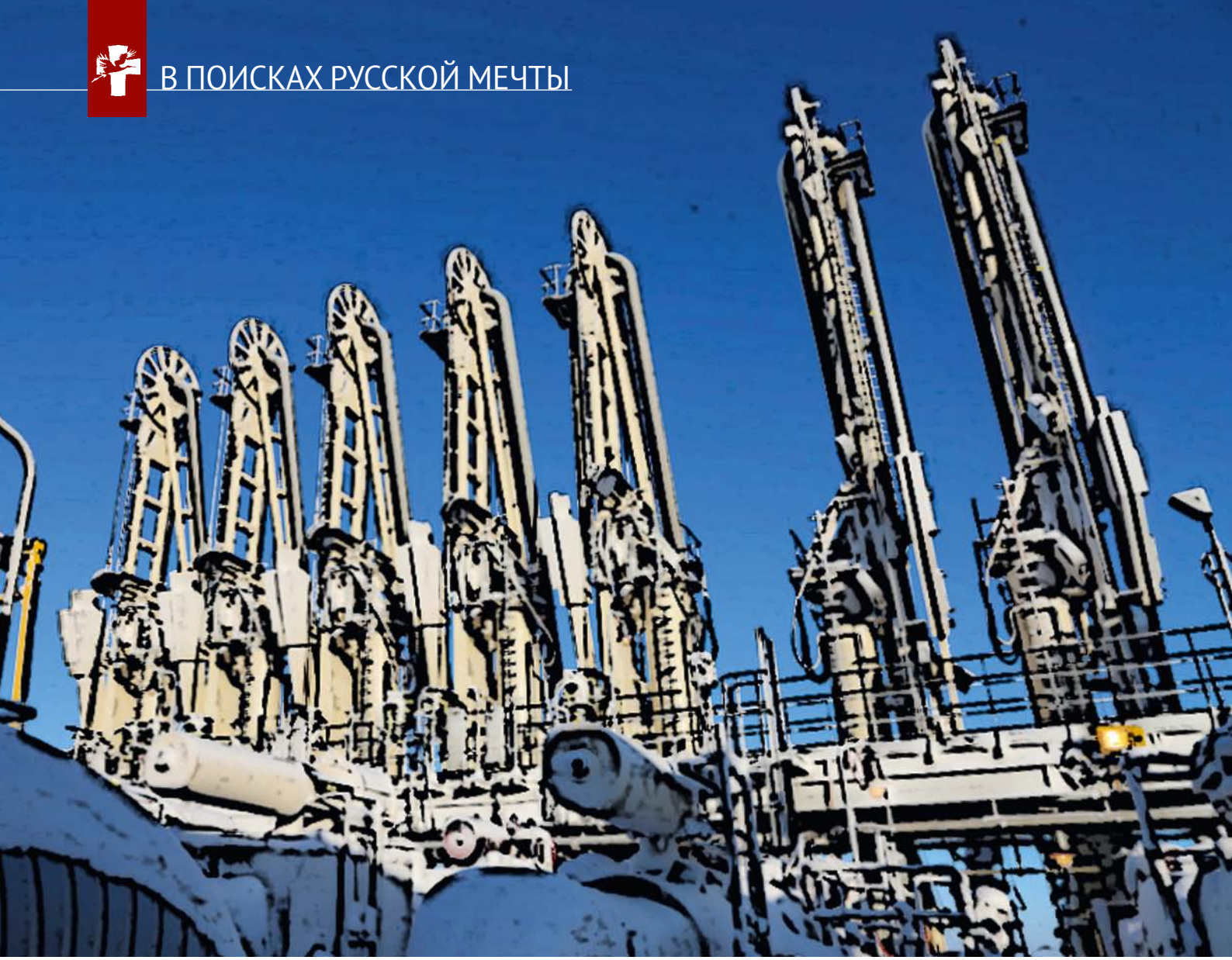
Я провёл вместе с Дмитрием Артюховым несколько дней: в машинах, вертолётах, на строительной площадке Сабетты, в чумах ненецких стойбищ, среди оленьих стад, среди интеллигенции Салехарда… Мы говорили с ним о мечте, о великой Русской мечте и о том, как эта мечта проявляется здесь, на Ямале, о ямальской мечте.

Конечно, это — мечта благоустроить свой дом, свой очаг, свою землю. И нынешнему поколению русских людей, живущих на Ямале, уготована вечная русская миссия осваивать эту



планетарную неудобицу, осваивать эти тундры и льды, вводить их в обиход не только русской цивилизации, но и всего человечества. Конечно, это — мечта о добром достатке, о прочном домашнем очаге, о том, чтобы работа приносила не только честный заработок, но и глубокое внутреннее утоление. Ибо русский человек соскучился по настоящей работе, он соскучился по большим проектам. И сегодня Россия реализует два таких грандиозных проекта. Один — южный, крымско-средиземноморский. А второй — здесь, на Ямале и в Арктике, огромный северный проект, проект Полярной звезды. И эта Полярная звезда, её северный мистический свет влекут к себе русского человека, влекут своей тайной, своей красотой, своей мечтой, своей великой надеждой на идеальное, справедливое божественное бытие. Ибо эта надежда и эта мечта помогали русским людям преодолевать самые страшные чёрные ямы русской истории. Помогали на месте погибающего государства создавать новое — сильнее и краше прежнего. Помогали выигрывать самые кромешные на земле войны, в том числе — и последнюю, Великую Отечественную. Помогали одолевать уныние, печаль, страшные напасти, которые падали на голову русского человека, которые могли озлобить его, настроить раз и навсегда против своего государства, сделать вечно недовольным и бунтующим «протестантом». Люди Ямала — это великие государственники. Чем бы они ни занимались: строили дорогу, бурили мерзлоту или отправляли караваны по Северному морскому пути, — они понимают, что делают великое, вечное государственное русское дело. Отсюда, с Ямала, эта государственная энергия, это государственное проектирование, несомненно, распространятся и на всю остальную Россию. Губернатор Артюхов увлечён своим новым делом, увлечён своим творчеством. Он хотел бы, чтобы здесь, на Ямале, появился свой летописец, свой художник и писатель, который смог бы написать свою восхитительную летопись о нынешней ямальской действительности, где родились и продолжают рождаться герои нового времени, где в сполохах полярного сияния, в огнях новых промышленных центров и городов бушуют невиданные раньше конфликты, где таятся и уже выходят на свет новые потрясающие сюжеты. Когда появится здесь такой молодой, озарённый творчеством писатель, он непременно напишет свой роман о ямальской мечте, о мечте Полярной звезды.

Природа Ямала — грандиозная, необъятная. Когда весной разливается Обь, то кажется, что эта вода, которая идёт от горизонта до горизонта, — настоящий океан, в котором отражается тусклое полярное солнце. Летишь на вертолёте над тундрой — и внизу нет следов ни одной дороги, ни единого человеческого селения. Колоссальная пустыня, уходящая за горизонт. Стоишь на берегу летнего океана — в это время в России



цветут луга, благоухает разноцветье, летают бабочки, стрекозы, крестьяне выходят на свои сенокосы. А здесь — льды: синие, коричневые, вплоть до самой кромки горизонта. Порой с вертолёта видны странные круглые озера, словно прочерченные циркулем. Это заполненные водой кратеры, которые образуются от выбросов подземных газов. И вспоминаешь строки Шекспира: «Земля, как и вода, рождает газы. И это были пузыри земли». Газ, десятилетиями скапливаясь в глубинах вечной мерзлоты, находит выход наверх и вырывается на поверхность, разбрасывая вокруг тундровую землю. Такие выбросы очень опасны для обитателей тундры. Их источники могут быть настолько сильны, что если такой прорыв произойдёт по соседству с оленьим стадом, то погибнут и люди, и олени. Это — часть мощной планетарной энергии, показывающей, что сфера жизни на самом деле является очень хрупкой, уязвимой и тонкой. Единичный вездеход, проехавший по тундре, оставляет рану, которая не зарастает в течение десятилетий. Так и проходит по тундре этот мучительный чёрный рубец. Нашествие людей, пришлых охотников и рыболовов на горную речку, где нерестится сиг, выбивает всю эту рыбу, уничтожает её нерестилища. И рыбы, которой прежде кишели северные реки и Обь, становится всё меньше и меньше, иные виды почти исчезли.

В Арктике, одна страшнее другой, громоздятся свалки от побывавших здесь когда-то геологических экспедиций или пограничных застав: горы ржавого металла, бочки от топлива, обрывки кабелей… Вся эта колоссальная, скопившаяся чуть ли не за полвека помойка превращает драгоценные хрупкие заповедные места в Арктике в места погублен-

ные, неживые и отвратительные. И потому сегодняшнее освоение наших полярных пространств ведётся не теми подрывными и кромешными способами, которые бытовали здесь ещё несколько десятилетий назад. В Арктике прибираются, Арктику чистят. Металлический мусор с береговой кромки свозится в одно место и оттуда баржами отправляется в Мурманск на переплавку. Сегодня арктическим поселениям, в том числе и в Сабетте, строго-настрого запрещено устраивать какие-либо свалки или помойки. Все отходы грузятся и вывозятся в места их складирования далеко от тундры. Все работающие здесь компании: нефтяные, газовые, железнодорожные, — обязаны отчислять, и отчисляют специальные деньги в региональный бюджет для восстановления природы. Экология на Ямале — не пустое слово. Завод СПГ Сабетты как своё продолжение,

на деньги компании «Новатэк», построил рыбовоспроизводящий завод, даже более изысканный и совершенный, чем само главное производство. Здесь выращивают мальков ценных сиговых пород и выпускают их в реки. Цивилизация, наносящая огромный вред природе, если она стоит на службе экологического сознания, экологической этики, способна и вернуть природе утраченные силы.

Но рядом с этими арктическими стройками, дорогами, мостами, тысячелетиями живут исконные северные народы: ненцы, ханты, селькупы. Они находятся под особой опекой, под особым, тонким и чутким, покровительством местной власти. Заместитель губернатора Александр Викторович Мажаров сопутствовал мне в моих путешествиях по тундре. Его глазами видел я жизнь ненцев, этого удивительного народа, насчитывающего несколько десятков тысяч человек, кочующего по тундре и умеющего вписаться в долгие полярные ночи и белые летние негасимые солнечные дни. В лютые страшные морозы, от которых лопается сталь, конструкции, и жаркое, горячее солнце лета. Их поверья, их быт, их привычки завораживают, открывают бездонную глубину и гармонию, в которой живёт с природой здешний человек и благодаря этой гармонии выживает. Чум — не просто «машина для жилья», как понимает функцию своего обиталища сегодняшний цивилизованный человек. Чум — это место, где рождается ребёнок, где заключаются браки, где присутствует божество, которое покровительствует семье и роду. В чуме священно всё: и жерди, из которых он сложен, и оленьи шкуры для зимы, и береста для лета, и очаг, лежаки и занавески, и православная икона в углу, и дивной красоты языческий орнамент на рукодельной одежде. Олень здесь — священное животное. Он греет, кормит, переносит местного человека на огромные расстояния. Стойбище — это мобильное поселение, которое уходит от морозов и бескормицы, перемещается с одного пастбища на другое. У селькупа, ненца или ханта — космическое мышление, ибо они двигаются вслед за солнцем. А солнце здесь или поднимается в зенит, уже не заходя за горизонт в течение летних месяцев, или уходит куда-то далеко во тьму кромешную, долго-долго не появляясь над землёй. И жизнь тогда идёт среди сполохов северных сияний и мерцаний звёзд. Но в чумах стоят телевизионные антенны, слышен несмолкаемый стук дизельного генератора, электричество которого даёт людям тепло и свет. В каждом стойбище есть рация, по которой можно в любой момент вызвать вертолёт с врачом, отправить в больницу пострадавшего, а в родильный дом — роженицу. Ненцы не являются исчезающим, умирающим народом. Напротив, они увеличивают свою численность. И среди них — множество интеллигенции. Ненцы оканчивают университет в Петербурге и приезжают на Ямал, становятся учителями, врачами, главами округов, посёлков, работают в областной администрации и в бизнес-структурах.

Но ядро народа не хочет сливаться с цивилизацией, как не хочет подчиняться стальным железнодорожным путям или вертолётным площадкам сама мать-природа. Ненцы, как многие другие наши народы, — это колоссальное достояние сегодняшней державной России. Каждый из них, пусть самый маленький, держит над собой свод местного космоса, не даёт ему упасть и разрушиться. Он вносит в наше рациональное сознание полузабытые или совсем забытые представления о природе, о духах неба, воды и ветра, представление о жизни, которая присутствует везде: в человеке, в олене, в камне. И это сознание коренным образом отличается от современного экологического сознания. Это — нечто большее, это сознание мы вправе назвать благоговением перед жизнью. И чем дальше мы будем углубляться в цифровую реальность, в цифросферу, тем драгоценнее будет для нас это сознание: как драгоценен плод, который не знает, что такое семя, как драгоценен звук, который рождён из шума ветра или плеска воды. Россия, имперская, державная, состоящая из множества народов, культур и верований, тем и восхитительна, что включает в себя множество красок, множество направлений, множество самых разных духовных форм, делающих её такой неповторимой и бесконечной. И на Ямале как нигде чувствуешь эту красоту, эту бесконечность. Ибо Русская мечта — это и ненецкая мечта, и мечта ханта, и мечта селькупа, это мечта благополучия о благе своего народа и рода людского, о божественной справедливости, соединяющей человека и оленя, атомный ледокол и хрупкую рыбу в горной реке. Это мечта о божественной гармонии, о божественной симфонии.

На окраинах Салехарда, на краю реки, стоит деревянная крепость, острог, огороженный частоколом, а внутри него — храм, собранный из сосновых венцов, с горницами, с кузницей, — своеобразное поселение, созданное любовью и фантазией местных краеведов в память о первопроходцах, о тех казаках, которые когда-то в поисках легендарного Беловодья пришли сюда, в неведомые земли, и поставили здесь православный крест. И сегодняшние ямальские казаки — всё те же мудрые, энергичные, мирные русские люди, которые отслужили в армии, на пограничных заставах, на великих заводах и стройках, а теперь здесь, на Ямале, собрались в своё казачье братство, поблескивают серебряными и золотыми погонами, поют свои залихватские казачьи песни, обучают молодёжь, одевая своих сыновей в камуфляж, раздавая им шашки. Тут, среди этих золотистых срубов, хорошо поговорить за чашкой наливки о русском удальстве, о русском очарованном страннике, который очарован своей великой и загадочной родиной. Очарован русскими небесами, очарован долговечной русской мечтой. «Любо, братцы, любо…» — поётся в казацкой песне. «Любо — Ямал!» — вторит этой песне душа.

Ямальский проект

Беседуют Александр ПРОХАНОВ и губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа Дмитрий АРТЮХОВ

— Дмитрий Андреевич, сейчас одно из самых распространённых слов — «рывок». О рывке, его необходимости говорит президент страны Владимир Владимирович Путин. Но, мне кажется, мало кто понимает, что это за рывок. Люди живут своей обычной жизнью: работа, домашние хлопоты, досужие разговоры, информационные спамы… И вот я приехал на Ямал и почувствовал, что нахожусь в атмосфере рывка. Завод по сжижению газа «Ямал СПГ» в Сабетте, где я побывал, — это, конечно, рывок, мощнейший скачок по всем параметрам: экономическим, психологическим, инфраструктурным.

Но для меня самым интересным «рывком» являетесь вы. Вы — человек-рывок. Появление на нашей политической арене такого молодого, яркого, интенсивного человека, как вы, меняет атмосферу исполнительной власти на местах. Поэтому ваше назначение важно не только для вас.

Встречаясь с вашим замечательным предшественником, Дмитрием Николаевичем Кобылкиным, я в его лице увидел мощного русского пассионария, заряжённого на творчество, на победу, на преодоление всех сложностей. И вот у него появился достойный преемник в вашем лице. А как вы пережили этот свой «рывок»? Ваши ощущения после назначения на эту должность…

— Главное чувство — это ответственность перед ямальцами. От решений главы региона и его команды зависит то, как будет выглядеть наш округ через десять, двадцать, тридцать лет… При этом нельзя забывать о текущих, плановых задачах: инфраструктурных проектах, строительстве жилья и социальных объектов, развитии экономики, науки, медицины и других сфер. Всё это требует своевременного и конструктивного подхода. Мне посчастливилось работать в команде Дмитрия Николаевича Кобылкина с первых дней. Действительно, это человек необычайной внутренней энергии. И все, кто был рядом с ним, заряжались ею.

История рывка Ямала начинается ещё с тех времён, когда здесь в один момент стали появляться целые города. Их поднимали всей страной: Новый Уренгой, Ноябрьск, Надым, Муравленко, Губкинский, — эти названия звучали повсеместно. Люди произносили их с гордостью. Совершались производственные подвиги. Возводились месторождения-гиганты, которые до сих пор остаются бюджетообразующими, созидают промышленность, являясь фундаментом развития страны.

Ямал — моя родная земля, я здесь вырос, прожил большую часть жизни. Именно поэтому ситуация в регионе для меня хорошо знакома. То же самое могу сказать о нашей команде. Это профессионалы, находящиеся на своём месте. Команда молодых, к слову сказать. Ямал — это территория, которая всегда была открыта для молодёжи. В округе каждый может показать свои способности и раскрыть свой потенциал. Один из наглядных примеров — выдающиеся первооткрыватели, геологи и строители. Они реализовали себя на Крайнем Севере и вошли в его историю. Сегодня у молодых людей ещё больше возможностей. Наш регион всегда был энергичным, и философия рывка вообще была свойственна этому месту, начиная с подвигов 70–80-х годов прошлого века до сегодняшнего дня.

Один из примеров так называемого рывка — уникальный завод «Ямал СПГ» в Сабетте, построенный на краю земли, далеко за полярным кругом. Глава государства Владимир Владимирович Путин на открытии производства в декабре 2017 года отметил, что многие не верили в успех этого проекта. Но округ справился и доказал свою перспективность на многие годы вперёд.

Впереди у нас ещё более амбициозные проекты: строительство новых заводов по сжижению природного газа, развитие сети железных дорог, создание современной инфраструктуры. Это рывок к новым возможностям, источник энергии, роста благосостояния региона и его жителей…

— Вы сказали о грядущих планах и проектах. По-видимому, вам придётся их вместе со всей страной реализовывать. Как я понимаю, вы вместе с вашим предшественником в каком-то смысле стоите у истоков создания этих проектов. Ведь это действительно один из новых проектов современной России, государства Российского. Советский Союз был страной проектов. Советские руководители мыслили категориями проектов — больших проектов, огромных масс. Советский Союз рождался как огромный красный проект. После крушения этого проекта у нас не было государства, и в этом смысле у нас не было народа, потому что нас расчленили, разбросали, мы вынуждены были заново рождаться. И мы это сделали. И поначалу,

когда кончились проклятые 90-е, мы тоже не могли мыслить проектами, а мыслили лишь сегодняшним днём, поскольку всё время происходили то теракты, то войны, то чудовищные экономические афёры. И Владимир Владимирович попросту был лишён возможности мыслить проектами, потому что он должен был каждый день отбиваться от тысячи напастей, решать тысячи задач.

Но вот мы прошли такие стадии нашего нового развития, что оказались способны запустить два проекта. Один — великий южный проект, связанный с возвращением Крыма. Севастопольская база, контроль над Чёрным морем, выход в Средиземное море, наши базы в Сирии, оперативный простор во всех океанах вплоть до Антарктики.

Второй проект — это Север, Арктика. Вы живёте в атмосфере великих русских проектов. Ямальский, северный арктический проект включает в себя мощную оборонную составляющую и освоение огромной линии Севморпути, а это новые рынки и многое другое. И Ямал — замковый камень данного проекта. А как могут быть реализованы эти инфраструктурные проекты?

— Неслучайно ещё великий Ломоносов говорил, что Россия обращена фасадом к Арктике. Конечно, в XXI веке мы к этому уже очень близко подошли. И будущее, несомненно, во многом — в арктических проектах. Это уже понимают все. Неслучайно к Арктике приковано большое внимание, порой даже тех стран, которые находятся в тысячах километров от неё. Мы видим, какое внимание уделяет ей Азия: создаются профильные центры в Китае, Сингапуре — в странах, которые абсолютно не ассоциируются у нас с Крайним Севером. И действительно, за Арктикой будущее, а важные проекты сейчас сконцентрированы у нас, на Ямале. Я уже говорил о запуске завода «Ямал СПГ», совсем скоро заработают вторая и третья очереди этого предприятия. Президент поставил важную задачу — кратно увеличить объёмы перевозок по Северному морскому пути — до 80 млн тонн в год к 2025 году. Чтобы решить задачу в обозначенные сроки, предстоит многое сделать. Арктическая инфраструктура будет развиваться ударными темпами, и не без помощи железных дорог. На повестке стратегический проект — Северный широтный ход. Полярная транспортная магистраль по маршруту Обская — Салехард — Надым — Новый Уренгой — Коротчаево соединит Северную и Свердловскую железные дороги в единый каркас. В результате наши центры добычи сблизятся с портами Балтийского моря. С точки зрения экономики это прорывной проект: новые рабочие места и заказы для множества российских предприятий. Ещё одна важная цель — построить железную дорогу до арктического порта Сабетта. Он уже успешно функционирует для отгрузки сжиженного природного газа. А в ближайшее время должен стать универсальным транспортным пунктом и самым крупным восточным портом на протяжении всего Северного морского пути. Геологоразведка ещё несколько лет назад доказала, что моря арктического бассейна содержат огромные запасы нефти и газа, а также другие полезные ископаемые. Чтобы к ним подступиться, нужна современная инфраструктура. В этой ситуации Ямал — крепкий плацдарм, то место, откуда начнётся освоение этих территорий.

— То есть вы — спецназ. Ямал — это спецназ, что захватил данный плацдарм и поведёт наступление на дно Ледовитого океана.

— Можно и так сказать. Но скорее, мы те, кто знает, что нужно делать, те, у кого есть необходимые технологии и знания в данной сфере.

— Встретимся с вами на дне Ледовитого океана, постараемся в скафандрах узнать друг друга.

Я вспоминаю своё советское увлечение этой экспансией — освоением Севера. Я видел, как частями собирается Сургут, как собираются Нефтеюганск и Нижневартовск: модули, из которых строили города, привезли на сухогрузах, сгрузили на берег и там монтировали.

Но меня всегда интересует внутренняя энергетика происходящего, структура, синхронизация подвозок, смекалка, подбор коллективов. Там есть ещё нечто, что даёт возможность эти суперпроекты реализовывать. И на базе таких суперпроектов не только осваиваются углеводородные богатства, не только создаются оборонные пояса, а рождается для русских людей ещё нечто, что важно, что всегда было главным свойством русского народа: молодечество, удальство, стремление к историческому творчеству, понимание себя не как отдельно взятого человека, а как часть огромной

национальной артели. То есть философия общего дела. И ещё чувство какой-то вечной неутолённости. Потому что русский человек — неутолённый человек, ему всегда мало. Ему мало этого звёздного неба — он хочет все звёзды, ему мало своей околицы — он идёт за три моря, «туда, не знаю куда». И вот он дошёл до Ямала, дойдёт до Полярной звезды и дальше двинется. Мне кажется, что в Арктическом проекте мы будем вырабатывать это качество русской пассионарности. И это, может быть, — один из важнейших ресурсов, которые мы будем добывать здесь, в этих широтах, и транслировать на всю Россию — чтобы залечить наши раны.

— Я с вами полностью согласен. Энергия Арктики — это её люди. А задачи, которые перед ними стоят, формируют тот самый крепкий северный характер. И дело не только в мегапроектах. В каждом населённом пункте Ямала, посёлке или городе сосредоточены наша история, культура, традиции. Сегодня здесь живут дети и внуки тех первопроходцев, которые приехали в округ ещё в советское время. Наши люди прекрасно помнят, каким был регион в начале своего становления. Когда не было ни дорог, ни комфортного жилья. Работать приходилось без перерыва, невзирая на пятидесятиградусные морозы и пронизывающий ветер. В то время были открыты знаменитые месторождения, давшие жизнь проектам, реализуемым сейчас. И конечно, именно тогда появились герои освоения Севера, люди, на которых мы равняемся и сейчас.

Причастность к чему-то великому, необъятному всегда воодушевляла жителей нашей страны. Это и освоение космоса, и освоение северных земель. Прямо сейчас идёт вторая волна полномасштабного освоения Арктики. Эта та неповторимая атмосфера, которая поможет выявить пассионариев. Личностей, способных изменить мир вокруг себя.

— Меня всегда коробило выражение «новые русские». Как русские могут быть «новыми»? Это одёжка, что ли, или сапоги? Потом, когда эти «новые русские» появились, подумалось: «Боже мой, неужели это русские?» И выражение «новые русские» стало синонимом беспринципности, стяжательства, безумных пьянок. Эта новая русская буржуазия сейчас сгинула. Она целое десятилетие присутствовала как эм-

блема «русских»: здесь набраться долларов, евро, в Европе их пропить, прогулять, набезобразничать.

А мне кажется, что Ямал — кузница настоящих новых русских. Это те новые русские, которые придут оживить и воскресить извечно русских. Поэтому я хочу понять ямальскую мечту. Это несколько, может, поэтическая метафора, но о чём мечтает ямальский человек, кроме достатка, кроме своего становления, самоутверждения? Конечно, ямальский человек мечтает о чудесном, о волшебном, по-прежнему мечтает о Беловодье, по-прежнему думает, что он приехал на Обскую или Тазовскую губу добывать газ, нефть. Но думаю, он ещё и надеется где-то там, за 4-й буровой, найти райскую землю.

— Да, сюда всегда приезжали самые открытые, готовые к подвигам люди. Неслучайно у нас есть памятник романтикам 70-х годов. Люди приезжали, конечно, не за материальными благами. Хотя, на первый взгляд, кажется, что это — главное. Нет, люди ехали в сложные условия, в абсолютно необжитые края за мечтой. Шли за тем, чтобы быть причастными к великим стройкам, развитию Западной Сибири, чтобы добыть первые кубометры газа, первую тонну нефти. Действительно, самые лучшие человеческие качества выявлялись Севером. Ямальская мечта — в созидании: в созидании жизни вокруг себя. Здесь за какие-то десятилетия с нуля построены целые города. Они комфортны, есть все условия для жизни, рождаются дети. У нас замечательная демография, мы прирастаем. Ямальцы не боятся создавать большие семьи. У нас много семей, где троечетверо детей. Это самый лучший показатель того, что эта территория, несмотря на всю её суровость, комфортна и привлекательна для жизни.

Радует ситуация с коренными малочисленными народами, которые здесь живут веками. Они тоже численно прирастают. И увеличивается число тех, кто ведёт традиционный образ жизни. Я считаю, что одно из главных наших достижений — гармоничное сочетание промышленного освоения и сохранение традиционного уклада. Далеко не везде в России удаётся достичь таких результатов. Есть места, где коренные народы постепенно ассимилируются, оставаясь лишь на страницах энциклопедий. Сегодня в нашем субъекте мирно соседствуют ненцы, селькупы и се-

верные ханты. По данным всероссийской переписи, на территории автономного округа живут больше сорока тысяч представителей коренных малых народов Севера.

— Мы были на стойбище. Абсолютно счастливые люди, они были заняты своими делами: готовили, пасли оленей, дети играли. И у меня было ощущение, что от них исходит свет доброты и уверенности внутренней…

— Абсолютно точно. Это счастливые и в то же время великие люди. Мы ими гордимся и называем истинными хранителями тундры. Потому что они как никто другой понимают, насколько она хрупка. Из-за недостатка тепла все биологические и физические процессы в Заполярье замедленны. Вследствие чего нарушенные ландшафты очень долго восстанавливаются. На то, чтобы появился новый моховой покров, потребуются десятки лет.

Именно поэтому здесь очень многое зависит от работы исполнительной и законодательной власти. Ямал даёт стране огромные энергетические ресурсы. А полученные доходы позволяют решать самые разные проблемы во всех уголках нашей большой страны. Это ответственная миссия. Но нельзя забывать об экологическом балансе — об этом не раз говорил глава государства Владимир Путин, с этим полностью согласны члены правительства ЯНАО и руководители нефтегазовых компаний, работающих на территории округа. У нас разработан целый комплекс мер, направленных на экологическую безопасность. Это ежедневная совместная работа учёных, экологов и профильных специалистов.

— Меня поразило во всех ямальцах, которых я встретил в своём странствии, что все они — государственники. Конечно, они мыслят своей семьёй, домом, кошельком, мыслят своим предприятием, корпорацией. Но все они — государственники: и рабочие, и монтажники, и директора, и губернатор. Все мыслят категориями державы. Это настоящие державники. В этом тоже есть мечта. Люди не могут быть довольными и счастливыми отдельно в своей семье, своим двором. Они счастливы, когда вся держава счастлива, а может быть, и весь мир. Вот ещё одна составляющая ямальского миросознания.

— Тут действительно есть это ощущение. И, общаясь с любым из ямальцев, юным или уже взрослым, опытным, ты испытываешь ощущение того, что причастен к великим государственным делам. Когда ты добываешь кубометры газа, когда создаёшь новые заводы, строишь дороги… Ямал — это отличное место для международной интеграции. Это место сочетания Запада с Востоком на территории России. Сабетта, проекты СПГ, которые успешно реализуются, — в них участвуют французские и китайские партнёры. И всё это во главе с российской командой действует чётко и слаженно. Это уникальный мировой опыт. Огромный завод был построен в сложнейших условиях точно в соответствии с графиком и в рамках заданного бюджета. В личной беседе иностранные партнёры признавались, что они с такой задачей не справились бы. А у нас всё было сделано, как изначально планировалось. То, что Ямал является площадкой интеграции и успешной экономической кооперации, это тоже наша особая миссия, которая будет десятилетиями выполняться. У нас впереди очень много проектов, и они уже сейчас (это очевидно) будут совместными. Будут создаваться предприятия как с западными партнёрами, так и с восточными. Интерес к ним испытывают все ключевые игроки.

— Вы имеете в виду проекты по освоению шельфа?

— Шельф, заводы сжижения газа. Интерес проявляют японские, корейские, китайские партнёры, у нас есть совместные предприятия с представителями индийского бизнеса, арабские партнёры тоже с большим интересом смотрят в сторону Ямала. Регион, который когда-то считали краем земли, сейчас становится территорией кооперации разных культур, разных стран. И самое главное, под руководством российских компаний это делается эффективно, качественно. Партнёры остаются довольными и получают то, что хотели. Территория развивается, развивается благодаря этому и страна.

— А как вы управлялись с монстрами, которые здесь хозяйничают, — с суперкорпорациями? Как вы находите общий язык с Роснефтью, Газпромом, РЖД, Министерством обороны? Ведь это же серьёзные группировки, и с ними лучше не ссориться. Мне кажется, что для вас это проблема тончайшей внутринациональной дипломатии.

— Всё-таки это — органы государственной власти. За годы работы нам удалось выстро-

ить конструктивный диалог с крупнейшими компаниями. Причём руководители многих из них начинали свою деятельность здесь, на Ямале, или в близких к нам соседних регионах: Новом Уренгое, Ноябрьске, Сургуте. Здесь жили их семьи, росли их дети. Поэтому долго говорить о том, как относиться к этой территории, с ними не пришлось — они и сами прекрасно понимали, что нужно помогать. На деле мы всегда привлекаем руководство компаний к совместной разработке инфраструктурных и социальных проектов. Благодаря механизму государственно-частного партнёрства строятся спортивные комплексы, больницы, культурные центры, детские сады и школы. Это пример успешной кооперации и в то же время планирования стратегии региона на 15–20 лет вперёд. Вы же понимаете, что для нефтегазовых компаний необходимо решать всё новые и новые задачи, и все они реализуются силами их коллективов. Если глава семейства работает в компании, то жена, например, работает врачом. Их дети ходят в детские сады, школы. Все понимают: для того чтобы качественно развивать, в том числе нефтегазовые проекты, территория и живущие на ней люди должны чувствовать себя хорошо. Уже всем понятно, что будущее в XXI веке за качеством, за человеческой инициативой, за инновационностью людей. И эти качества проявляются там, где есть определённый уровень жизни. Конечно, ещё многое предстоит сделать. К сожалению, Север осваивался с отставанием социальной инфраструктуры. Главной задачей было производство. Сначала строились заводы, а потом думали, где жить людям, которые на этих заводах, на промыслах работают. Я уже не говорю про школы, детские сады. Очень важно сохранить те темпы, которыми Ямал развивается последние 10 лет. Меняются и преображаются наши города, населённые пункты. Меняется и мировоззрение людей. Уходит понятие «Большая земля» — место, куда так стремительно хотели уехать жители Севера, заработав деньги. Так часто называли Тюмень, Екатеринбург, различные города Центральной России. Сегодня Большая земля — это наш Ямал, регион, где происходят события мирового значения.

— Мне кажется, что с 90-х годов крупные компании, особенно частные, заимели сквернную репутацию в народе. Да и теперь эта репутация не блестяща. У нашего народа, особенно советской части, предубеждение к частному бизнесу как таковому и предубеждение к вновь возникшим частным, да и отчасти к государственным компаниям. Это предубеждение надо преодолеть. Частные компании, например «Новатэк», сделали блестящую работу, построив этот завод. Я не вникал в их финансовые проблемы, но вижу, что это абсолютно созидательное ядро. И надо подумать о восстановлении репутации крупных компаний в глазах народа, потому что мы должны вернуться к солидарному обществу, которое живёт ощущением общего дела. В Сабетте на заводе в цеху вывешена целая программа о создании солидарной среды рабочих. Такая же программа должна быть во всей России. И в этом смысле, мне кажется, Ямал мог бы об этом говорить с полным правом.

— У нас очень хорошие, действительно созидательные планы у компаний, которые здесь работают. И всё больше и больше внимания уделяется не только производственным показателям, но и вопросам, связанным с командой, которая работает в организациях, и качеством их жизни. В современном вахтовом посёлке есть всё необходимое: современный спортзал, бассейн, магазины, созданы все условия для работы и отдыха. Совместно с Газпромом были реализованы проекты по развитию социальной инфраструктуры: построены жилые дома, детские сады, школы. У нас в Тюмени, куда наши ветераны переезжают по программам переселения, появились целые ямальские микрорайоны. Мы с вами посетили в посёлке Харп рыборазводный завод, который строился совместно с компанией «Новатэк». Это один из лучших примеров того, как компания соучаствует в вопросах экологии. К сожалению, за последние годы в силу неограниченного браконьерского лова популяция сиговых в естественной среде существенно сократилась. В этом году производственникам совместно с наукой удалось довести технологию воспроизводства до совершенства. И сейчас на предприятии начинается системный, постоянный выпуск мальков. Здесь же формируется маточное стадо муксуна, насчитывающее 16 тысяч производителей. Примеров взаимовыгодного сотрудничества действительно много. Есть успешные проекты с «Газпромнефтью» и компанией «Роснефть».

Всё это рождает именно ту северную созидательную атмосферу, которой мы очень дорожим и которую стараемся поддерживать.

— Я убеждён, что у вас всё получится. Конечно, у вас будут огромные трудности, напряжение. Это сейчас вы такой молодой, но Ямал поможет вам состариться за это время. У вас всё есть, и никаких вам советов не нужно. Но всё-таки вот мой совет: найдите среди творческой интеллигенции молодого писателя, с новыми мозгами, с новым сознанием. Пригласите его сюда, и пусть он создаст книгу. Пусть напишет роман, в котором будет этот характер, эти схватки, где будет средствами большого художника и мыслителя сформирована ямальская мечта.

— Спасибо, Александр Андреевич, обязательно подумаю.

Земля священных рощ

Марийская мечта — это мечта о целостности и гармонии мира, о целостности, могуществе и красоте нашей многонациональной России, о мире между нашими народами.

У каждого народа есть своя заповедная, своя сокровенная мечта. Она, эта мечта, объединяет нравы, обычаи, культуру, язык, ведёт народ от поколения к поколению, из века в век, а иной раз — от тысячелетия к тысячелетию. Эта мечта живёт среди мечтаний других народов, и иногда может показаться, что эти мечтания соперничают, что среди них возникает распря. Но это лишь на первый взгляд. По мере того, как мечта одного народа становится всё возвышенней, всё небесней, она начинает соприкасаться с мечтами других народов на том же возвышенном, небесном уровне, и там эти мечтания сближаются, а иногда совпадают.

Русская, российская мечта состоит из мечтаний множества народов, населяющих нашу державу. И эти мечтания, как цветы, которые собираются в великолепный букет. Мудрый, просвещённый правитель собирает эти мечтания, эти божественные цветы, складывая их так, чтобы из них получился букет, а не сухой заскорузлый веник.

Жизнь водила меня по континентам, странам, я искал мечту среди разных народов, пытаясь найти её воплощение. Теперь я оказался среди марийцев, удивительного народа, который, работая на ультрасовременных заводах, участвуя в российской политической жизни, с дипломами профессоров и с погонами боевых генералов, этот народ несколько раз в году уходит в священные рощи и там, среди священных деревьев, возносит свои мольбы к солнцу, к воде, к матери-земле, поклоняется травам, цветам, птицам, обожествляя природу, обожествляя мироздание, обожествляя весь космос.

Марийский машиностроительный завод — не просто градообразующее предприятие в центре Йошкар-Олы. Это государствообразующий завод. Из таких заводов состоит государство Российское. Работа этого завода есть вклад марийцев в общероссийское оборонное дело. Завод выпускает могучие самоходные установки, прикрывающие с воздуха сухопутные войска. Ракеты этих комплексов сбивают небесного противника на расстоянии сотен километров.

Директор завода Борис Иванович Ефремов — человек народный, деревенский, весь в непрерывных великих хлопотах по сбережению и развитию предприятия. Отправляет на полигоны партии готовой тяжеловесной продукции, переводит управление грандиозного оборонного производства на цифровой лад, осваивая эту загадочную цифровую реальность. Компьютеры управляют заводом. Компьютеры следят за мировым рынком, где конкурируют боевые системы различных стран. Компьютеры вслед за изделиями завода отправляются в Сирию, и там, в боевых условиях отслеживают точность и надёжность систем. Директор — технократ, оборонщик. Вклад завода, вклад Марийской республики в обороноспособность России неоценим.

Марийцы — народ-государственник. Сюда в военные годы с запада перекочевали десятки предприятий. Здесь великий Вавилов в 1943 году ставил свои уникальные физические опыты. Отсюда на фронт уходили солдаты и возвращались с Золотыми звёздами героев на груди. И уже сегодня несколько марийцев носят звание Героев России. И так удивительно было слышать от генерального директора Бориса Ивановича Ефремова, когда он увлечённо рассказывал о своих директорских хлопотах, откровенные признания: если дело кажется безнадёжным, он просит высшие силы, просит духов, населяющих небо, просит солнце и радугу помочь заводу. И те, как утверждает директор, помогают.

Тысячеголовое козье стадо в России — редкость. Коза — скотина домашняя. А тут, в Марий Эл, огромные белоснежные козьи стада, бредущие среди бескрайних изумрудных полей. Пастух, как кудесник, что-то пропоёт, промурлычет, и козы идут за ним послушно и преданно всем своим белым рогатым скопищем. Агрохолдинг, занимающийся разведением коз, продающий козье молоко, творящий из козьего молока простокваши, йогурты, сыры, — явление уникальное и славное по всей России. Руководитель этого процветающего холдинга Владимир Тарасович Кожанов объясняет, почему занялся столь редким для России делом — разведением коз. Да потому, говорит он, что козье молоко целебно. Им отпаивают безнадёжно больных, оно возвращает старцам молодость, а немощным — силы. Козье молоко идёт на изготовление детского питания, потому что здесь, в этих лугах и полях, на этих козьих фермах, в козье молоко не попадает ни генетических добавок, ни химикатов.

Я дегустировал сыры. Вкус — великолепный и у лёгких, прозрачных сыров, и у сухих, тяжёлых, и у сыров с плесенью, на манер камамберов. Поля, среди которых стоят животноводческие фермы и раскинулись козьи пастбища, окружены рощами. Тёмно-зелёные, они похожи на острова, спустившиеся с неба в зелень полей. Конечно, основные заботы хозяина — в том, как бы успешней сбыть товар в Йошкар-Оле или в Москве, а то и за границей, как увеличить пастбища, как справиться с налогами и самодурством чиновников. Но, несмотря на все очевидные хозяйственные и экономические заботы, мне кажется, что в основании всех этих хлопот, в основании этого удивительного увлечения лежит всё та же марийская особенность: поклонение природе, её чистоте, её целительным силам, её волшебному могуществу, побеждающему хвори и смерть.

И я искал эту марийскую тайну, эту сокровенную марийскую мечту, посещая замечательные театры — украшение Йошкар-Олы. И в недавно возведённом Марийском государственном театре оперы и балета, сияющем ониксом и мраморами, беседуя с министром культуры, художественным руководителем театра Константином Анатольевичем Ивановым, я вдруг почувствовал

дыхание этой марийской тайны. Константин Иванов, солист балета, пятнадцать лет танцевал первые партии в Большом театре в Москве. Его усилиями возведён этот восхитительный, похожий на храм, театр. И он признался, что, создавая великолепные спектакли: такие, как «Юнона и Авось», «Иисус Христос — суперзвезда», «Маугли», — он мечтает поставить здесь «Весну священную» Стравинского, ибо эта священная весна, эта священная музыка, эти священные обряды — не где-то в прошлом, а здесь, рядом, в марийских священных рощах, в марийских песнопениях, в живых марийских мифах и сказках, в марийских танцах и в изумительных марийских костюмах: белоснежных, шитых алым шёлком, с бусами и монистами, в которых найдешь ещё серебряные деньги стародавних царских времён.

Эта марийская культура, не тронутая цивилизацией, устоявшая перед натиском городов и заводов, обитает здесь, рядом, и готова питать, поить из своих деревянных ковшей творчество художников, музыкантов, поэтов.

В художественной галерее, куда меня привёл Константин Анатольевич Иванов, среди добротных реалистических картин я вдруг увидел созданные совсем недавно картины, которые сами художники называют этнофутуризмом. На этих картинах, писанных яркими красками, создаются метафоры, магические символы, среди которых летают священные птицы, растут священные деревья, восходят и заходят солнца и луны, горят домашние очаги, благоухают караваи хлеба, сияют, как красные ягоды, вышивки на домотканых холстах. Это не наивное народное искусство, не стилизации под клеёнчатый коврик. Это работа современных философов, знакомых с мировым искусством и вносящих в это искусство неповторимое мировоззрение марийского народа, выраженное в удивительных символах и орнаментах.

И вот я увидел, наконец, священную марийскую рощу, этот заповедный лес. Сюда на моление из далёких городов и соседних сёл стекаются люди. Оставляют свои машины в стороне, в полях и идут пешком в белоснежных одеждах, подпоясанные алыми кушаками. Женщины — в платках и долгополых юбках. Мужчины — в рубахах, косоворотках. Серьёзные, вдохновенные вступают в рощу, как вступают в храм. И не узнаешь среди этих людей, кто простой крестьянин, кто боевой генерал, кто прокурор, а кто прославленный художник или писатель. Все равны. Все торжественны, все в белоснежных одеждах. В рощах горят костры, и над ними в огромных кипящих котлах варится жертвенное гусиное мясо. Гусь, утка — священные для марийцев птицы.

Под дивной высокой берёзой, сияющей, как серебро, уходящей своим чудесным стволом в поднебесье, установлен длиннющий деревянный стол, и на него все приходящие кладут свои дары. Кто караваи, кто пироги, кто блины. Горят тонкие церковные свечи. Жрецы, волхвы (их здесь называют, «карты») в белых войлочных колпаках выслушивают прихожан, вызнают об их просьбах, заботах, об их хворях, о дурных делах и поступках, которые им суждено было совершить. Подхожу и я. Не исповедоваться. Я из другой, православной, веры, у меня свой духовник. Но карт в белом колпаке смотрит на меня своими спокойными, глубокими глазами, и мне кажется, он угадывает мои чаяния.

Начинается молебен. Несколько картов, обратив лица к берёзе, собрав за своей спиной явившееся на молебен многолюдье, читают на марийском языке молитвы, просят мать-природу, просят солнце и небо послать людям благо, мир и здоровье, семьям — достаток, благоденствие. Просят избавить людей от злых помыслов, от недугов, соединить их в братское сообщество, живущее среди природы гармоничной возвышенной жизнью, нашедшее свой покой, свой смысл в гармонии со всем мирозданием — с каждым цветком и с каждой звездой, с каждым древесным стволом и с каждой поющей птицей.

Один карт сменяет другого, одно молитвенное песнопение, то глухое, рокочущее, то возвышенное, певучее, сменяет другое. И я чувствую, как меняется вокруг меня окрестный мир. И кажется, на это молитвенное песнопение слетелись птицы со всего леса и поют, щебечут — вторят молитвам.

На десятой — двадцатой минуте молебна я вдруг чувствую, как начинает благоухать окружающий меня лес, как пахнет горячей сосновой и еловой хвоей. Как благоухает берёза, словно её распарили и она превратилась в огромный щедрый веник поднебесной бани, где из людей вытапливаются и уходят прочь все их недуги, все их порчи, все их дурные мысли, и люди светлеют лицами. У некоторых на глазах — счастливые слёзы.

Я спрашивал у верующих, что они чувствовали. И все они на разные лады говорили, что они испытывали счастье. Счастье это было в полноте, в возвышенных чувствах, в любви, которой они соединялись друг с другом, со своими умершими предками, со своими пока не родившимися потомками, со священными лесами, с птичьими голосами. И мне казалось, что здесь, в священной роще, я понял сокровенный смысл марийской мечты. Она, мечта, — в гармонии, в соединении распавшегося, расчленённого мира в единый благоухающий лес.

И по сей день в глазах моих движутся эти белоснежные вереницы, похожие на праведников, что изображаются на русских иконах и фресках. До сих пор я вижу священную берёзу и марийских волхвов, славящих мироздание.

С главой республики Александром Александровичем Евстифеевым мы говорили о марийской мечте. И он, опытный политик, хозяйственник, укрощавший в своё

время безумные суверенитеты, готовые расслоить и распылить в прах молодое государство Российское, он, как и все главы регионов, мучительно переживающий экономический спад, хозяйственные неудачи и неурядицы, он полагает, что вклад этой небольшой приволжской республики с немногочисленным древним народом в общерусское дело, в общерусскую вековечную мечту, этот вклад — неповторимое марийское мировоззрение, это драгоценное состояние души, которое в эпоху агрессивной цифросферы, в эпоху рационализма и жестокосердия привносит в человеческую жизнь божественную, разлитую в природе благодать. И его мысль — посадить в Москве священную рощу. Ведь есть же в Москве множество православных храмов, есть и кирхи, и костёлы, и баптистские молельные дома, и мечети, и синагоги. Так почему бы этой уникальной, восхитительной марийской религии, являющейся религией официально признанной, не утесняемой, не иметь в Москве свой лесной молитвенный храм?

Марийская интеллигенция, как и всякая другая, со своими внутренними раздорами, присущим интеллигенции недовольством, эта интеллигенция, перед которой я явился со своими духовными поисками, была едина в одном: все они — хранители марийского языка, марийской неповторимости, марийского духовного чуда; оберегают это чудо — кто в книжном деле и писательстве, кто в живописной мастерской или на театральной сцене. И в общении с ними я понял и утвердился в том, что марийская мечта в своих высочайших проявлениях сливается с русской мечтой, с ненецкой мечтой, с татарской мечтой. Это мечта о целостности и гармонии мира, о целостности, могуществе и красоте нашей многонациональной России, о мире между нашими народами. О мире в городах и семьях. И эта марийская мечта не уносится марийцами в свои священные рощи, а стремится в мир, в многолюдье, в нашу грохочущую реальность, желая сделать её лучше, добрее, возвышенней.

Пишу это, а сам слышу, как поют в священной роще птицы, вижу, как солнце сверкает в листве священной берёзы, как горит свеча в руках у молящегося волхва.

Мечта – это символ веры

Беседуют Александр ПРОХАНОВ и художественный руководитель Марийского государственного театра оперы и балета имени Эрика Сапаева, министр культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл Константин ИВАНОВ

— Константин Анатольевич, я сейчас путешествую по России, по разным её землям, бываю в гостях у разных народов в поисках нашей общей российской мечты. Мечтал побывать и в вашем регионе, чтобы понять, выведать, что есть марийская мечта. И вот я здесь.

— Приятно, Александр Андреевич, что вы мечтали увидеть нашу республику, Марий Эл. Для меня мечта — это всё-таки какая-то цель. А вы — романтик.

— Да, ближе всего к мечте — цель. Но цель отличается от мечты. Отличается тем, что цель достижима, а мечта недостижима. Мечта прекрасна именно тем, что она — вечная путеводная звезда. И поиск мечты — это больше, чем романтизм. Это религиозность. Человек хочет понять смысл существования своего народа, людей в целом и себя самого как части всего этого. И не дай бог, заменить мечту целью. Потому что если эта цель будет достигнута, может возникнуть страшная растерянность. Или же эта цель потерпит крах. Мечта же не терпит краха никогда. Ты можешь сидеть в кандалах в тюрьме — и всё равно мечтать. Или народ может попасть под оккупацию, а всё равно мечтает.

Задача сформулировать мечту очень сложна. Но она необходима. И все крупные культурные народы должны её сложить, должны её высказать. Потому что это — символ веры.

Я, конечно, буду сам фантазировать и искать ответы на эти сакраментальные вопросы, но хочу посмотреть на волнующие меня проблемы вашими глазами.

Ведь мечта Марий Эл — это мечта не только марийцев, но это мечта русских, это мечта татар, башкир, которые здесь живут. Все эти народы имеют свою мечту, но они эту мечту вливают в единую реку. И это вообще почти неопределимо — что такое марийская мечта. Как её определить, не учитывая мечтания ненцев, татар, русских, башкир? А вы, Константин Анатольевич, как бы определили мечту всей земли Марий Эл и мечту марийского народа в частности?

— За весь марийский народ говорить невозможно, к тому же у каждого человека мечта своя. Но, общаясь с людьми, с моими родственниками, прежде всего, с друзьями марийцами, татарами, чувашами, русскими, всеми людьми, которые живут на нашей земле, думаю, могу сказать, что наша земля своей духовностью, своим светом ведёт нас к гармонии. Мечта марийского народа — в гармонии: с собой, с природой. Поэтому у нас настолько сильна любовь к природе, и отношение к ней проникновенное. Мы обожаем свои леса, озёра, реки, своё небо и любим свои поля. Потому мы, марийцы, много путешествуем по родному краю. И в своих поездках по республике, в священной роще, которую вы посетите, вы сами убедитесь, сколько людей, живущих в разных частях Марий Эл, соединяется в тех или иных значимых для всех нас местах. У нас есть общереспубликанский праздник «Пеледыш пайрем». Сначала «Пеледыш пайрем» прошёл по всем районам республики. И когда в Йошкар-Олу на общий праздник приехали все, так скажем, мечтатели, это потрясало: единение народа вокруг цели обретения гармонии попросту в воздухе витало.

— Сама по себе природа есть символ гармонии. И выпадение из природы очень часто рождает ужасную дисгармонию, губит и тех, кто выпал из природы, и саму природу. Конечно, слава богу, что к нам хотя и мучительно, но возвращается то, что мы называем «экологическое сознание». И обычно это сознание связано с рекультивацией. «Вот давайте будем беречь березняк, реку, давайте природу восстанавливать. Давайте, строя дорогу, думать, что мы строим её среди трав, среди ежей, среди муравейников». Но сказать, что марийцы — это экологический народ, сказать мало, я думаю.

— Мало, или ничего не сказать.

— Мне кажется, что марийцы, как вы сейчас правильно определили, находятся в состоянии обожания — то, что называется благоговение перед жизнью. Мы, русские в частности, утратили это состояние во время наших работ, перемещений, революций. А марийцы привносят в нашу общероссийскую жизнь это божественное качество. В этом, на мой взгляд, огромная задача марийцев.

— Наверное, это задача, прежде всего, сохранения этого чувства, этого отношения. И важно, что мы такую задачу ставим перед собой. А насколько она будет востребована в дальнейшем для всех, покажет время.

— Вы правы, нет такой определённой задачи, но, может, она появится — задача привнесения в нашу общую жизнь гармо-

нии. Кому её нести, как не тем, кто этой гармонии достигает?

— Сложно говорить за весь народ, потому что это зависит от каждого человека. Но относительно обожания нашим народом природы вы абсолютно правы.

Я родился здесь, в 9 лет уехал учиться в Московскую академию хореографии. Работал в Большом театре, потом вернулся из каменной Москвы, из этой полувоенизированной жизни, темпа совершенно безумного, движения. Куда и зачем? Понятно, куда, а вот зачем — всякий раз задавал себе этот вопрос.

И когда возвращаешься на свою землю, понимаешь, что в этой гармонии всё по-другому. И на жизнь смотришь по-другому. Темп жизненный здесь другой. Расстояния, перемещения другие. И это всё влияет на взаимоотношения между людьми. Ведь в каком темпе ты живёшь, так ты начинаешь и общаться с людьми. Здесь — более размеренно, несуетливо. И взаимопонимание между людьми лучше, чище. Хотя всякое бывает. Всё-таки люди — это характеры, прежде всего, и у каждого он свой.

— Вы связаны с культурой всей своей судьбой. Вы — министр культуры, солист Большого театра. В каких постановках вы участвовали?

— У меня было 14 лет счастливой жизни в Большом театре. Я перетанцевал практически все классические постановки репертуара Большого театра.

— А прекратилась она, потому что век танцовщика…

— Нет. Прекратилась, потому что я параллельно с работой в Большом театре начал работать здесь. В то время Владимир Васильев был художественным руководителем и генеральным директором Большого театра, и он мне позволил совмещать работу и в Большом, и здесь. И 20 лет назад я создал в Марий Эл балетную школу, балетное училище. Но далее руководство Большого театра сменилось, и мне пришлось выбирать: либо работать в Большом, либо в Марий Эл. Выбор для меня был очевиден, потому что в тот год Большой театр закрыли на реконструкцию, коллектив переехал в соседнее здание, и я понял, что для меня именно здесь, в Марий Эл, открывается большая перспектива созидания.

Зданию Марийского государственного театра оперы и балета всего 4 года. Мы его строили. И было волнующее ощущение, что ты возводишь что-то новое и великое. Для нас это не просто здание, не просто дом. Для нас это храм, где мы можем создавать те спектакли, которые хотим, которые желает видеть зритель. Это самое главное. Из Москвы меня увело желание созидать. Я понимал, что нужно, полезно быть у себя на родине.

— Этот храм, как вы сказали, это миссия жизненная, это духовный подвиг, который вам открылся. Может быть, это в какой-то части, в каком-то смысле есть воплощение тех мечтаний, о которых мы с вами говорили?

— Конечно.

— Вы правы, что само по себе такое явление, как театр, очень загадочно и таинственно. Это же не просто зрелищное учреждение. Там огромное количество тончайших энергий. В театре эти энергии собираются и потом транслируются в общество, в народ, в судьбы.

— И у театра, к тому же, очень большая ответственность. Зрители в Марий Эл знают чистоту спектаклей, которые мы делаем. Мы не допускаем пошлостей, ничего, что бы оторгло публику. Всё-таки театр должен нести эстетику. Потому что грубости, хамства, пошлости, увы и ах, хватает и в жизни.

И каждый зритель, пришедший на спектакль, должен в какой-то степени стать чище, что-то для себя унести, обогатиться чем-то. Поэтому мы никогда не берём постановки спектаклей, где есть насилие, грубость, пошлость.

— Что сейчас идёт на вашей сцене?

— Оперное искусство для нас очень важно. У нас идут практически все оперы Римского-Корсакова, Мусоргский идёт, Чайковский. Мы приверженцы русской классики.

Ставим и спектакли итальянских композиторов, Верди хорошо представлен.

Если говорить о балетах, то весь спектр классических спектаклей, весь Чайковский.

В нашем репертуаре есть уникальные спектакли, которые идут только у нас. Балет «Мастер и Маргарита» в постановке хореографа из Эстонии Май-Эстер Мурдмаа. Блестящий спектакль. Булгакова редко кто ставит. Этот спектакль когда-то шёл в Эстонии, сейчас идёт только у нас, в Марий Эл.

У нас единственных идёт триптих Карла Орфа «Триумф»: Carmina Burana, «Песни Катулла» и «Триумф Афродиты». Тоже в постановке

Май-Эстер Мурдмаа. С успехом прошла премьера рок-оперы «Иисус Христос — Суперзвезда» Уэббера. Это крайне тяжёлый спектакль в постановке. Мы к этой постановке абсолютно по-другому подошли, нежели в других странах. И показ доказал правильность нашего подхода.

Было непросто, возникали конфликтные истории, когда церковь говорила: нельзя! Я приглашал на репетиции и спектакль служителей церкви, чтобы понять их ощущение от спектакля. В итоге мы провели большую работу и доказали, что нашли правильный подход. У нас очень светлый финал, он зрителей заставляет сопереживать и плакать.

— Но чтобы ставить такие сложные спектакли, необходима школа. Нет ничего страшнее, когда великое произведение исполняется неумело, косно. Вы построили этот храм, значит, вы строили и весь клир этого храма.

— Мы сначала стали строить основу, фундамент. А фундамент — это школа. В 1999 году мы создали профессиональную балетную школу. Сегодня в провинциальных театрах в труппах практически 80%, а во многих вообще 100% — приглашённые артисты. Наш театр единственный, где 98% балетной труппы — это местные кадры: родились в Марий Эл, здесь окончили школу, затем окончили ГИТИС по специальной республиканской программе. (Есть программа, по которой после окончания нашей 8-летней балетной школы наши студенты оканчивают ГИТИС. То есть мы повышаем их уровень, кругозор, мы воспитываем совершенно других артистов, нежели просто провинциальных.)

Помимо музыкальных школ у нас есть замечательное музыкальное училище, но, к сожалению, нет консерватории. Есть уникальная, единственная в России школа-интернат с замечательными условиями для одарённых детей. Построен настоящий замок, дворец, где мы воспитываем детей. Собираем по всей республике лучших из лучших, самых перспективных, одарённых художественно, музыкально. Дети оканчивают школу, затем училище, затем консерваторию. И сейчас мы ведём политику, чтобы максимальное количество ребят, которые уехали из Марий Эл, вернулись и продолжали работать в театре. У нас, к счастью, это начинает получаться. В том числе потому, что есть прекрасное здание театра.

— Был золотой век русской оперы, композиторы, объединившиеся в «могучей кучке». Они писали, ставили оперы, которые теперь считаются эталонными, классическими. Но ведь в основе этих опер во многом лежал фольклор: саги, мифы, исторические притчи, русские притчи. То есть в основе этих опер лежит народная жизнь. Эта народная жизнь была вынесена на петербургскую и московскую сцены и превращена в классику — высокородную, высоколобую, аристократическую. Вы живёте в Марий Эл, где всё дышит фольклором, фольклор здесь продолжает жить. Так где, как не здесь, ставить «Весну священную»?

— Это моя мечта!

— А почему не создать оперу или, может быть, какой-нибудь новый жанр, где присутствовала бы энергия фольклорной марийской красоты и верований? Почему теперь, когда всё это так остро, больно и высоко, не найдётся композитор, хореограф, который создал бы это?

— Я уверен, что так будет. Уверен, потому что вижу молодых композиторов. Вижу поиски талантливейшего композитора, дирижёра нашего театра Григория Архипова. Даже порой слышу, как он на рояле музыку подбирает — ищет. И чувствуется, что он на правильном пути. Мы сейчас «Весну священную» упомянули. Материалы композиторы приносят, и я слышу там цитаты Стравинского. Но хочется, чтобы нашли своё, настоящее. И найдут, уверен, найдут.

— Я замечал, что если в чистом виде фольклор переносить на сцену, он может показаться слишком архаичным, может вдохновить ограниченное число людей. А фольклор, связанный с модерном, с современными представлениями о музыке, красоте, ритме, достигает потрясающего результата. По существу и «Весна священная» — это же соединение «мира искусств», Серебряного века с мистерией языческих тайн.

— Да. Потрясающий спектакль. Я видел много постановок. Наталия Касаткина и Владимир Васильев в Театре Классического балета в Москве делали постановку, по-моему, в начале 80-х годов, и для меня она практически эталонная.

В качестве хореографа я не готов к такой постановке прикоснуться, потому что до мозга костей — классик, а здесь совершенно другой подход нужен.

Абсолютно правильно вы сказали — фольклор. Но фольклор, если мы говорим о балете, должен быть положен на профессиональную музыкальную основу, с цитатами определёнными. Обещаю — этот спектакль появится.

— Зовите на премьеру.

— Обязательно. Мы к нему идём, мы его чувствуем. У нас витает дух, что спектакль должен состояться, потому что труппа прошла практически все стадии. Мы перетанцевали и всю классику, и модерн, и джаз. То есть тела артистов готовы к тому, чтобы качественно станцевать спектакль на нерве, на разрыве между фольклором, современной хореографией, пластикой и язычеством. Труппа готова.

— Вы смотрели фильмы Параджанова?

— Конечно.

— Там, мне кажется, пример соединения мистической реликтовой культуры с современным кинематографом, с ритмами, с модерном, с техносферой, которая пришла в искусство. «Цвет граната», «Тени забытых предков». Я думаю, что здесь, у вас, есть эта клумба восхитительных цветов. Кому, как не вам, собрать букет с этой клумбы.

— Уже сейчас активно идёт программа реализации проектов к 100-летию Марий Эл. И одна из программ, рассчитанная на 2018–2020 годы — это создание фильма. И мы хотим создать не просто кино ради кино, а чтобы это был глубокий документально-художественный или художественно-документальный фильм о марийской земле, о марийском народе. Исторически правдивый и при этом художественно наполненный. Наполненный тем, о чём мы с вами говорили: мощными, красивыми вставками художественными — языческими, из жизни народа, из глубины веков.

— Это задача очень сложная. Одна фальшивая нота губит всю ораторию.

— Мы задачу для себя поставили архисложную. Но я думаю, что решим её.

Не хочется, чтобы или не получилось, или получилось неправильно.

— Это восхитительная задача. Я считаю, что великое искусство во многом мифологично. И современное искусство — это тоже искусство, создающее мифы. Даже если это искусство связано с урбанистикой, с современной политикой, цивилизацией. Потому что в недрах мифа искусство чувствует себя свободнее. Оно ведь и имеет в своём происхождении миф. И возвращение к мифу как к художественному приёму позволило бы очень многое вместить в него. И архаику, и модерн, и привнести что-то абсолютно своё, откровение художественное. Интересно, что вы близки к этому.

Что на вас как министре лежит, кроме изнурительной заботы о библиотеках, финансировании, о музыкальных школах? В чём концепция вашей культуры?

— Спектр огромный: от СМИ, межнациональных отношений и культуры до архивов. Что касается архивов, то они живут очень правильно, по-научному, система там налажена. Если говорить о культуре, её надо разделять. Есть профессиональное искусство, и есть народное творчество. Народное творчество у нас, слава богу, очень активно, чётко выстроено, и есть люди, которые не просто работают, а живут фольклором, живут в национальной культуре. Причём Марий Эл — многонациональная республика, и сказать о том, что здесь все народы живут дружно, — ни о чём не сказать. Это не высокопарные слова, это действительность. Много смешанных браков.

Что касается профессионального искусства, может, поэтому глава республики меня и назначил министром культуры, что увидел достижения Театра оперы и балета. Я руковожу театром 17 лет. Возглавил театр, когда мне было 27, был самым молодым, наверное, художественным руководителем музыкального театра в мире в тот момент.

В музейном деле совершенно другие проблемы и вопросы, их много. Мы сегодня открываем новые музейные площадки. Но при этом не должны забывать, что у нас есть Национальный музей. И слава богу, что к 100-летию Марий Эл мы вновь получаем средства федерального бюджета, которые в сочетании с республиканскими ресурсами позволяют сделать его капитальную реконструкцию.

— У вас нет пока культурной доктрины?

— Доктрина сложилась. Но для меня самое главное и самое важное — не навредить. Очень многое выстроено грамотно, чётко. И опять же на первое место я для себя ставлю образование. У нас есть сегодня профессионалы, но их не много, скажем мягко. А образование — это будущее поколение. Мы думаем о завтрашнем дне, потому и затеяли привозить детей из нашей провинции в специализированную

школу-интернат, чтобы у нас было будущее. Ищем таланты повсюду! В фольклорных ансамблях, в профессиональном искусстве. Если мы будем вести нашу образовательную историю, то всё будет хорошо.

— Но ведь у этого направления, будь оно у вас или у ненцев, или у русских, есть мощные персонифицированные враги. Грубо говоря, в сознание и молодёжную субкультуру врывается рэп. Он ворвался и громит всё, что вокруг него: всю музыкальную, поэтическую культуру, всю этику, пластику. Он до вас добрался? Врывается в ваш хрупкий мир?

— Он очень сложно врывается. Приезжают группы данного направления, но развития своей такой культуры у нас нет. Может быть, интереса нет. Есть любопытство. Приезжают коллективы, собирают полные залы. Коллективы уехали, залы разошлись. И последствий бурного развития рэпа я, например, не вижу. Хотя в молодёжной среде, безусловно, это есть, но массово этого не ощущаешь.

— В центре Йошкар-Олы есть площадь с возведёнными на ней знаковыми зданиями — мировыми достопримечательностями. Это уменьшенная копия Спасской башни, Биг-Бен, Ласточкино гнездо, Домик Петра, готика, ратуша… И это порой вызывает улыбку. Но я думаю, что над этим не надо иронизировать, это нужно воспринимать очень глубоко и серьёзно. Марийцы — угро-финны, а угро-финнами населена планета. И марийцы, в отличие от других угро-финнов, сохранили свой орнамент, традицию, у них есть своя тайна, свои верования. Поэтому марийцы находятся в центре угро-финской цивилизации. И возведение этих зданий в центре своей столицы — может быть, это стремление марийцев вернуть себя в доминанту мировых культур.

— Интересный взгляд. Внутри здания — копии Спасской башни — мы открыли музей. И получилось очень оригинальное музейное пространство. У нас город памятников, фонтанов, музеев.

— А ваш Театр оперы и балета стал культурным центром?

— Да. Причём сразу, как только мы его открыли. Так и не закрываем: у нас, по сути, не заканчивается театральный сезон. Зрители любят театр. Продажа билетов составляет в среднем 95%. А 5% как пригласительные уходят. Свободных мест на спектаклях практически нет.

— Значит, театральное дело в России не исчезает, оно находится на подъёме? Как вам кажется?

— В разных городах по-разному. Я езжу очень много, посещаю города, республики, регионы, по провинции езжу. Иногда мне, к сожалению, приходится говорить коллегам: «Извините, это у вас не балет». Если девочка встала на пальцы, и мальчик её чуть приподнял — это ещё не балет. Балет — это сложнейший вид искусства, это наука, по сути, владеть собственным телом, использовать своё тело как художник — краски.

Так что везде по-разному дела обстоят.

— Меняется мышление, меняется система образов, и способен ли театр угнаться за изменениями, или он всё-таки уступает место другим формам?

— Мне кажется, наоборот, у нас театр набирает популярность. Я часто на эту тему задумываюсь, с коллегами разговариваю. Сейчас век интернета, телевидения, любое шоу можно посмотреть, любой спектакль великого театра, разные формы, постановки, можешь посмотреть воплощение того или иного произведения. Но наша задача — найти свой язык общения со зрителями. Повторюсь: мы никогда не будем показывать пошлость, насилие. Никогда в нашем театре не покажем грубость. Даже если в произведении что-то такое есть, мы уберём, оставим за кулисами. Пусть человек прочитает либретто, но на сцене этого не будет. Мы такой язык избрали. Кто-то избирает язык точного воплощения произведения, как говорится. Вот оно так, да мы тебе ещё покажем вот этак, как в «Бандитском Петербурге», чтоб было горячо…

— Русский театр всегда был отчасти театром прямого действия. Всегда был двигателем политических представлений, идеологии. Чеховский театр или Станиславского и Немировича-Данченко — это в каком-то смысле прелюдия нового общества, нового представления будущего России. «Вишнёвый сад» — это же, по существу, пророчество. Поэтому спектакль и был так востребован, что люди видели вымирание этого вишнёвого сада, его вырубание, предчувствие конца. Или театр Горького. Это же грандиозный социальный авангард. Или театр Маяковского — это просто мощнейшая

коммунистическая проповедь, ирония, скептицизм. Молодая Волчек, театр «Современник». Он тоже был театром прогрессивным, тоже толкал развитие общества. Был бравирующим театром. Не говоря уже о Таганке. Таганка всегда была фрондой. Туда ходило всё наше диссидентство, ходили все протестанты в той или иной степени…

Согласитесь, что и захаровский спектакль «Юнона» и «Авось», хотя казалось, это история давно минувших дней, содержал элемент протеста социального. Хотя бы потому, что там стихи Вознесенского. Вознесенский — протестант, его присутствие на сцене воспринималось тоже как форма протеста.

Хотя он не был явно протестующим. И кстати, это был русский спектакль. В ту пору не очень-то говорили о России. Советский Союз был страной интернациональной, страной социалистической. И вдруг возникла работа: ностальгическая, по существу, по царским временам, по истории той, царской России.

А теперь театр — это просто эстетика?

— Театр сегодня тоже можно рассматривать через призму того, что происходит в обществе. И возьмём спектакль «Юнона» и «Авось», который два года назад в нашем театре поставила Надежда Репьёва. Тогда как раз против России начались санкции, проблемы с Украиной продолжались, в обществе накопилось непонимание, были вопросы какие-то, возникающие здесь, потому что регион региону рознь. У нас, например, более обострены чувства.

И наш спектакль «Юнона» и «Авось» просто пропитан патриотизмом… Там, безусловно, тема любви, но очень сильна и тема служения Отечеству, отчизне. И слова «уповаю на Бога и Россию» особенно подчёркиваются, воспринимаются обострённо. Так что и сейчас театр — это не просто эстетика.

Божественная вертикаль

Осетинская мечта… Где её тайный чертог?

Беслан. В этом слове — взрыв. 200 растерзанных детских тел. Грохот пулемётов и танков. Офицеры спецназа, падающие от пуль террористов. Рыдание матерей. Стенание Осетии, слёзные вопли по всей России. 1 сентября 2004 года школу в Беслане захватили террористы, взорвали её, превратив этот день в чёрную, наполненную кровью дыру.

Я иду по огромному, печально величественному кладбищу на окраине Беслана, где погребено 380 погибших при теракте людей. Бью в гулкий, долго не смолкающий колокол, гляжу на ряды бесчисленных мраморных надгробий. У каждого лежат цветы, крохотные пластмассовые ангелы, горят светильники, склоняются женщины в чёрных одеждах. И люди один за другим входят в это святилище, именуемое Городом ангелов, ибо души детей, по вере осетин, превратились в ангелов и улетели на небо.

Тот страшный удар террористов был направлен в сердце России, в сердцевину государства Российского, хотел сломить, подавить, лишить его чести, замедлить или остановить рост молодого, ещё хрупкого, государства. Удар приняла на себя Северная Осетия. Этот удар страшной тьмы погрузился в плоть осетинского народа, вонзился в самое дорогое — в детей. И там, среди разорванных детских тел, иссяк и остановился. И это — горький мучительный вклад осетин в становление государства Российского.

Через четыре года грузинские танки напали на Цхинвал. В Южной Осетии началась кровопролитная, неравная по своим силам война. Грузины стирали с лица земли селения, убивали жителей, хотели очистить территорию Южной Осетии от непокорных жителей. Осетины отбивались от танков, взывали о помощи. И помощь пришла. Сквозь Рокский тоннель бронегруппы 58-й российской армии вошли в пределы Южной Осетии и разгромили карателей. Южноосетинский народ был спасён. Государство Российское всей своей мощью встало на защиту осетин. И это было грозным свидетельством того, что Осетия и осетинский народ невозможны без государства Российского, а государство Российское беззащитно и неполно без изумительной и прекрасной Осетии.

В Беслане повторилась библейская трагедия — избиение младенцев, когда злодеи искали Христа, чтобы Его убить, а вместе с ним погасить вселенский свет. Террористы, атаковавшие школу, тоже хотели убить вселенский свет, вселенскую красоту, но промахнулись. И свет обернулся против них возмездием. Все захватившие школу террористы были истреблены. Вслед за ними были истреблены и те, кто хотел превратить Кавказ в кровавую бойню. А позднее российские бомбардировщики полетели в Сирию, накрывая бомбёжками стойбища террористов. Это были удары возмездия, месть за Беслан.

У Города ангелов есть свой хранитель — немногословный, с печальным лицом, Касполат Рамонов. Он потерял во время теракта любимую дочь. Теперь он страж, охраняющий покой усопших детей, жрец, поставленный осетинским народом в этом святилище. Он сказал мне, что сразил из своего оружия одного из террористов, искал среди растерзанных тел свою дочь, испытывая нестерпимую, смертельную боль. Жил, желая отомстить, вырезать до девятого колена весь род террористов. Но с годами боль превратилась в постоянное тихое моление. Ненависть сменилась недоумением, непониманием того, как в этом волшебном мире может присутствовать абсолютное тёмное зло. И теперь его ничего не интересует, кроме этих надгробий, кроме ухода за могилами. А единственное наслаждение — это возможность делать людям добро.

От той трагической Первой бесланской школы остались только руины, к которым стекаются на поклонение люди, зажигая поминальные свечи. А по соседству построена новая великолепная школа, и туда перешли доучиваться те, кто уцелел во время страшного взрыва. Теперь в этой школе создан музей, который хранит учительница истории Надежда Гуриева. Она потеряла во время взрыва двоих детей. Снимок её убитой дочки, с маленьким крестиком в руке, обошёл весь мир. Сама Надежда была ранена в голову, чудом выжила и теперь создала музей, собирая в него свидетельства тех ужасных событий. Классы, где сегодня учатся дети, получили имена героев-спецназовцев, погибших при штурме. Школьники каждый год принимают у себя соратников, друзей и родных тех погибших героев. Многие закончившие школу ученики становятся офицерами, мечтают служить в спецназе.

В этой школе мне показали стену, на которой дети нарисовали огромную фреску. На этой чудесной, как и все детские рисунки, фреске изображён рай. Волшебные деревья, диковинные цветы, птицы, добродушные львы. Эта райская фреска, писанная детскими руками, закрывает чёрную дыру, из которой вырвался ад, запечатывает эту дыру. И дети-мученики, как и тот, кого искал царь Ирод во время избиения младенцев, совершают свою высокую мистическую жертву, одолевают ад.

Круглые осетинские пироги с картошкой, с мясом, с сыром, с мелко нарезанной свекольной ботвой подаются к любому застолью. Их всегда три. Они — не просто еда. Это космические символы, которым с древних времён поклоняется осетинский народ. Верхний пирог символизирует солнце, нижний — землю, а средний — воду. Три вселенские стихии, находящиеся в великой гармонии, из которой проистекли все остальные явления мира, в том числе человеческая жизнь. Осетины, собираясь на застолья, совершают молитвословие. Каждая трапеза становится для них поводом восславить великого всевышнего Бога, поблагодарить за добро и милость покровителя осетин Святого Георгия,

соединиться за этой трапезой в любящую, почитающую друг друга общность. Пока творится молитвословие и старший за столом с серьёзным, обожающим лицом воздает хвалу мирозданию, эти осетинские пироги являются образами космического благополучия и гармонии, которую осетины пытаются привнести в свои трапезы, в свои погребения, в свои рождения и свадьбы.

Осетинские пироги приготовляются в небольших пекарнях, где пылают огненные печи, и женщина в белом платке раскатывает белоснежное тесто, умащает его сыром или картофелем, кладёт на сковородку и помещает в зев раскалённой печи. Огонь проникает в тесто, совершается таинство, и это тесто становится тем, что в православии называется просфорой.

Пироги пекут, употребляя при этом множество неведомых миру приёмов, поверий. Так в России льют колокола. Каждый колокол хранит в себе расположение звёзд и светил, тайну земли, воды, огня, духовную красоту колокольных дел мастера. Пироги в Осетии имеют космическое происхождение. Каждый испечённый пирог — это космический корабль, на котором осетин отправляется в межпланетное странствие. Эти пироги, сияющие светом, ароматные и благоухающие, являются иконами, на которые молится верующий осетин, стараясь достичь Царствия Небесного.

Осетины протестуют, когда их называют язычниками. Они считают себя православными. Они ставят храмы, алтари, соблюдают православные праздники. Христианство пришло в Осетию без насилия, гармонично, оно всплыло из недр осетинской жизни, всплыло, увлекая за собой космический культ солнца, земли и воды. В Аланском Свято-Успенском монастыре настоятель отец Стефан угощал меня волшебными пирогами и чудесным осетинским сыром, который изготовляют в монастыре. Монастырь прекрасен, он сложен из смуглого горного камня — словно горы, двигаясь и сдавливая друг друга, выдавили этот монастырь из своих глубин. Монастырь пророс сквозь горы, устремлён своими главами и крестами в лучезарное пространство небес.

Мы беседовали об осетинской мечте. И отец Стефан объяснил мне, что Осетия не богата пригодной для земледелия пашней. Слишком много в ней неприступных отвесных гор и скал, слишком мало прочной земли под ногами. И поэтому осетинская мечта направлена ввысь — туда, где среди горных вершин есть простор, куда манит её бесконечность. Осетины думают, чувствуют, духовно живут в вертикали. Эта вертикаль божественна, ибо там, где она превращается в бесконечность, живут ангелы, растут райские цветы и деревья, нет насилия, нет смерти, а только жизнь бесконечная, в которой осетинская мечта обретает свою божественную природу.

Осетины — великолепные воины. Среди них множество героев Советского Союза. Есть сегодняшние герои — Герои России. Осетины гордятся своими генералами, своими прославленными борцами, своими чемпионами мира, гордятся футбольным тренером Станиславом Черчесовым. И гордятся строителями великих советских заводов и научных центров. Осетины, берегущие свои аланские древности, свои восхитительные таинства и традиции, не затворяют себя в архаических формах. Для них история — это не прошлое, а настоящее и будущее. Они восприимчивы к явлениям современной цивилизации, стремятся одухотворить её, найти в ней место своим волшебным преданиям.

Осетию не обошёл чудовищный разгром 1991 года, когда радениями реформаторов был уничтожен цвет осетинской электронной промышленности, цвет осетинской университетской науки и технологии. Быть может, эта пустыня, наполненная обломками оборонных заводов и закрытых КБ, оставалась бы и по сей день, если бы среди осетин не нашлись герои и подвижники, которые сберегают ценности цивилизации так же, как их коллеги сберегают ценности древности. Усилиями и нечеловеческими трудами осетинского учёного Сослана Кулова была сбережена малая «молекула» мощного технологического центра, занимавшегося оптическими технологиями. Эта «молекула» была защищена, подхвачена, из неё выросло молодое изысканное предприятие «Баспик», получившее оборонзаказ, создающее новые технологии, с помощью которых производятся прицелы ночного видения, ночные бинокли. Без этих технологий, без изделий предприятия невозможны современные вертолёты, самолёты, морские суда. Изделия этого предприятия воюют в Сирии, плавают на российских кораблях в Средиземном море.

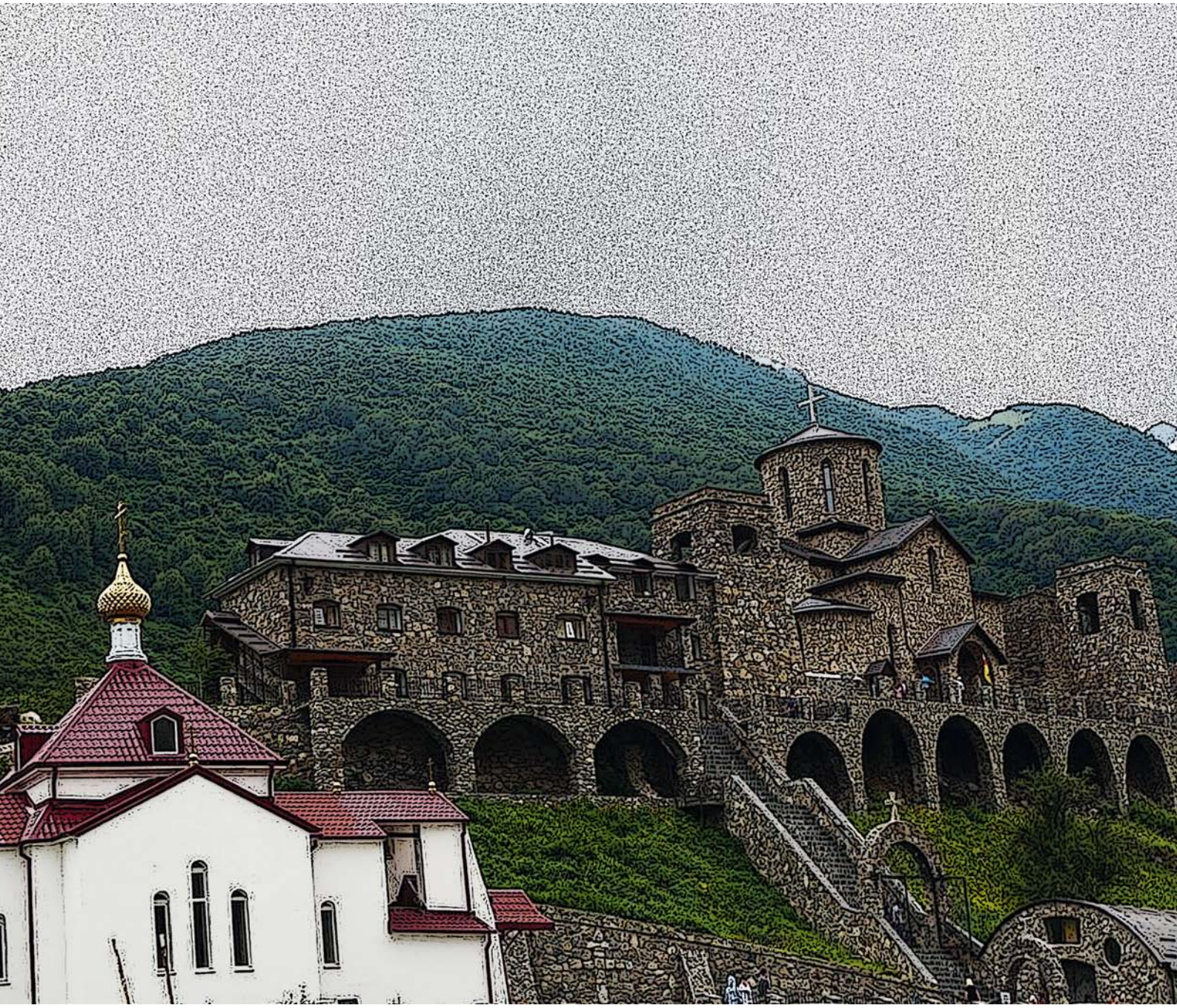
А вот другое предприятие — «ФАТ-АГРО», оно использует современные биотехнологические методы для выращивания семенного картофеля. Основная масса семенного картофеля в Россию завозится из-за границы. И на эти семена хозяйства и фермеры, производящие картофель, тратят немалые деньги. Здесь, в Осетии, семена картофеля не подвержены заболеваниям, они устойчивы к бактериальным заражениям.

Из стебля проросшего клубня под электронным микроскопом добывается одна или две живые клетки. Их помещают в пробирку, в живительный раствор. Из этих клеток выращивают хрупкое, тонкое растение. Всё лабораторное помещение наполнено бесчисленными пробирками, в которых зеленеют хрупкие побеги. Их высаживают в горшки с землёй, где они вырастают во взрослые картофельные кусты, плодоносят, давая до двух десятков клубней. Эти клубни увозятся высоко в горы, туда, где царит стерильная среда, где горное космическое излучение уничтожает зловредные микробы. Там этот картофель вы-

саживается, и снимается урожай. Клубни этого урожая вновь сажаются в землю, но уже ниже по склону, ближе к долинам. Урожай, прошедший несколько схождений с гор, собирается и, стойкий к заболеваниям, лишённый бактерий, отправляется фермерам в Россию и даже в Европу. Эту картофельную «одиссею» поведала мне очаровательная Ирина Карданова, заведующая биотехнологической лабораторией.

А в горном ущелье набирает силу строительство огромной Зарамагской ГЭС. Сквозь гранитные горы проложены тоннели, ставятся турбины, возводятся современные гидрологические комплексы с учётом сейсмических свойств кавказских гор, с учётом грунтов, которые, не дай бог, будут подвержены размыванию и обернутся оползнями или селями. Эта стройка является современным, авангардным объектом Осетии, переводящим её на новый цивилизационный уровень.

Одна из ветвей Прохановых берет своё начало во Владикавказе. На Кавказ из Тамбовской губернии пришли молокане и основали здесь русские молоканские поселения. Осетины приняли их в свою среду, побратались с ними. Молокане занимались здесь строительством домов, торговлей, промыслами. И мне во Владикавказе показали кирпичный дом, построенный моим прадедом Степаном Прохановым. Встреча с этим домом, вид его обветренных кирпичей, блеск его окон был для меня потрясением. Туманная тень моих предков выросла, овеществилась, наполнила меня волнением, слёзной любовью, благодарностью к тем людям, которые живут теперь в прадедовском доме. Три семьи, сберегающие этот дом, встретили меня во дворе, накрыли столы, угощали всё теми же ритуальными пирогами, ставили



огромное блюдо с варёным говяжьим мясом, из которого торчали три окутанных паром ребра. Дом стоит на берегу Терека. Степан Проханов запустил первую во Владикавказе водяную турбину, вырабатывающую ток. Этим током вращались жернова его мукомольни. Из муки, которая высыпалась из-под тех жерновов, испекался хлеб и всё те же осетинские священные пироги. Во дворе дома сохранилась стена, в которую вмурованы разноцветные валуны, взятые с берега Терека. Мои предки сложили эту стену. Я подошёл к ней, касался её лбом, целовал, прикладывался к ней, как к чудотворному образу.

Осетинская мечта… Где её тайный чертог? В белоснежном тесте мистического осетинского пирога, который лижет благословенный огонь печи? Или в хрупком растении, которое нежно зеленеет в стеклянной пробирке? В каменных розовых бусах, которым больше тысячи лет и которые извлечены археологами из древнего поселения? Осетинская мечта, она уловима, выразима? Маячит ли она в будущем, или посылает свой свет из прошлого?

Осетинская мечта, как и всякая другая мечта, трудно выразима, быть может, невыразима вовсе, ибо она касается возвышенных состояний души, является надеждой на высшее, божественное поведение людей, надеждой на богоподобное человечество. Бог присутствует среди нас,

но он невидим. Он везде и нигде. Он имеет имя и безымянен.

Музыка великого осетинского дирижера Гергиева выявляет сущность осетинской мечты в могучем взмахе его крылоподобных рук, хрупком сверкании его дирижёрской палочки, в огненных тёмных глазах под воздетыми грозно бровями. Его музыка — это эпос, это бескрайность океана, это великая буря мироздания, это сотворение мира, падение царств и народов в пропасть, воскрешение из мёртвых. Гергиев — великий вселенский музыкант. Его родила Осетия, взрастила своего ненаглядного сына. Осетия передала Гергиева великой российской культуре, где он занял величественное, неповторимое место. И отсюда, с русского пьедестала, он шагнул в мир, стал мировым явлением, стал глашатаем великих трясений, которые охватили сегодняшнее человечество, глашатаем великих надежд, которые зреют среди изнурённых народов.

Гергиев — это долгожданный «большой стиль», в котором так нуждается молодое государство Российское. Пока что этот стиль не выражен в граните и бронзе, к нему ещё не подступил скульптор и архитектор, но этот большой стиль уже возник в музыке Гергиева. В Сирии, в разгромленной Пальмире, в античном амфитеатре, окружённый победоносными суровыми русскими воинами, среди пылающих городов и ревущих штурмовиков, Гергиев дирижировал оркестром, славил победу, закрывал глаза усопшим и убитым на поле брани, молил Господа, чтобы тот снизошёл на землю, раздвинул своими божественными руками армии избивающих друг друга людей. Концерты Гергиева, которые он давал в обугленном Беслане, где ещё не просели могилы погибших в уличных боях осетин, и этот концерт в Сирии делает его провозвестником будущего. Слушайте концерты Гергиева, и вы угадаете осетинскую мечту, которая сливается с Русской мечтой, а та сливается с мечтой всего человечества.

Владикавказская филармония расположена в здании старинной кирхи со шпилем и крестом. Усилиями Гергиева она превращена в филиал петербургского Мариинского театра. Здесь ставятся оперы, даются концерты. Когда Гергиев приезжает во Владикавказ, на свою родину, он собирает полные залы обожающих его слушателей. Я слушал в этой филармонии народный хор, которым управляла хормейстер Ольга Джанаева. И как прекрасны были народные осетинские песни о косцах, которые на склоне крутых гор косят сено, о могучих доблестных воинах, о нарядных и радостных свадьбах. И в какой-то момент среди гудящих басов, под лёгкие взмахи хормейстера я вдруг почувствовал, как вибрации мира захватили меня, подняли ввысь, и я вместе с певцами, вместе с моим родовым домом, с горными водопадами, с разноцветными камнями полетел ввысь, сочетаясь любовью и восхищением с этим прекрасным народом.

С главой республики Вячеславом Зелимхановичем Битаровым мы говорили всё о том же — об осетинской мечте. А о чём ещё можно говорить с правителем, которого народ выбрал для того, чтобы тот умел собрать таящиеся в каждом сердце мечтания, соединить их в творческое, направленное на народное благо деяние? Вячеслав Битаров сказал, что осетинский народ давно, навсегда и необратимо связал свою судьбу с великим русским народом. Осетинская мечта о достойной, благородной, справедливой жизни включает в себя мысль о неразрывности связи с Россией. Эта связь двух народов проверила себя среди великих испытаний, среди побед, помогая осетинам выстоять и продлить своё существование в историческом времени.

Русский народ является государствообразующим народом России. Он самый многочисленный, его культура огромна, его подвиги безмерны. Но и все остальные народы нашей державы, включая осетинский, являются государствообразующими. Они держат над собой свой космический свод, поддерживают его своей божественной вертикалью, не давая этому своду осыпаться и упасть. Как невозможна Осетия без всей великой России, так и вся Россия будет неполной без Осетии. Об этом говорит и думает глава республики среди бесчисленных хлопот, в которые погружён сегодня осетинский народ. И глава республики в своих выступлениях, в общении с людьми стремится тронуть глубинные коды своих соплеменников, чтобы их оставили уныние и печаль, и они по-прежнему пребывали бы в мечтаниях, стремились к благому, справедливому обществу, направление которого указывает дирижёрская палочка великого Гергиева.

Я отправился в Южную Осетию через перевалы Кавказского хребта, туда, где десять лет назад гремела война, и Россия в кровавом бою отстояла свободу и независимость осетин, спасла их от истребления. По пути я заехал в Священную рощу, в рощу света, как называют её осетины. Среди величественных деревьев, где каждое излучало таинственный чистый свет, вместе с моими осетинскими друзьями мы посетили святилище, в котором вознесли хвалу великому Богу и просили Святого Георгия сопутствовать мне в странствии.

По дороге, среди водопадов и гор, я остановился у великолепного памятника изумительному осетинскому поэту, имя которому — Коста Хетагуров. Он стоял, закутавшись в каменную бурку, и взирал на дорогу, по которой столько веков двигались нашествия, брели караваны, пылили паломники, богомольцы, незримо из конца в конец переносились великие идеи и верования. Я вспомнил изумительные стихи поэта: «Весь мир — мой храм, любовь — моя святыня. Вселенная — отечество моё». Так думал поэт Хетагуров, великий осетинский мечтатель.

Всадник на волшебном коне

Беседуют Александр ПРОХАНОВ и глава Республики Северная Осетия — Алания Вячеслав БИТАРОВ

– Вячеслав Зелимханович, после прошлого визита в вашу прекрасную республику моё сердце постоянно влекло меня сюда. И на этот раз мой визит глубже и интенсивнее, потому что мне хотелось бы со своей русской лексикой, со своим представлением о мире угадать осетинскую, аланскую сущность. Это непросто, потому что каждый народ — тайна. Более того, мне кажется, что каждый народ — тайна для себя самого. И вся история народа — это разгадывание тайны о себе

самом. На это нацелены музыканты, поэты, художники, политики. И мне бы хотелось сегодня поговорить об осетинской тайне.

— Я вам очень благодарен, Александр Андреевич, что вы так по-доброму, возвышенно после посещения Осетии написали о нашей республике. Ваша статья у меня всегда на столе: приятно порой перечитать, как вы с особой теплотой сказали о республике.

Та ревизия истории, изменение фактов истории, что после развала Советского Союза совершается в мире, коснулось и нашей маленькой республики. Мы чтим своих героев. И тех, кто в прошлом совершил боевые и трудовые подвиги, и ныне живущих, они своими славными делами и подвигами прославляют нашу большую Родину и нашу малую родину. Но кое-кто пытается провести ревизию и опровергнуть эти славные дела. И очень важно, что такие известные всей стране и миру люди, как вы, приезжают и говорят правду о республике.

— Вы правы, историю переписывают. И надо понять всё свершившееся. Ведь даже события 2008 года ещё не до конца поняты и самими осетинами. И те трагические события с годами будут всё более и более раскрываться, как бутон цветка.

Меня на этот раз в Осетию привела какая-то тайная, может быть, даже не до конца мне ведомая сила. Вот уже несколько месяцев я двигаюсь по России, переезжая из одной её земли в другую, из одного региона в другой, от одного народа к другому. И хочу отгадать тайну, которая содержится в судьбе и истории всех народов, всех пространств, из которых состоит наша держава, наша великая империя. Эту тайну я условно назвал мечтой. Потому что каждый народ по-своему — мечтатель. У него впереди маячит волшебная цель, огромная задача, которую он, может быть, не всегда формулирует, но эта задача позволяет народу перескакивать через пропасти, преодолевать чудовищные препятствия, преграды, совершать величайшие открытия, создавать невероятные ценности. И мне хочется понять, в чем наша российская державная мечта и как она складывается из мечтаний отдельных, составляющих нашу Родину народов, земель, территорий.

Алания, Осетия — это огромная таинственная страна. Её начало теряется во временах сотворения мира. Каждый осетин — это всадник на волшебном коне. И, может быть, конь, который скачет на трех ногах по великим пространствам осетинской истории, он и есть выражение вечно незавершённой, несущейся истории. В чём она, осетинская мечта? Как вам, осетинам, она мерещится? Это я хотел бы услышать и от вас, и от всех дорогих моему сердцу осетин, с кем я встречаюсь.

— За несколько месяцев вы смогли объехать только несколько регионов, нашей огромной России. У нас — необъятная страна с разными народами, с разными культурами, языками. И если касаться осетинской мечты в рамках совместного проживания в нашем государстве, нашей общей Родины, то вы ещё в предыдущий приезд в республику говорили, что такое Русская мечта. Храм на холме! И осетинская мечта — быть частью этого храма на холме и так же достойно участвовать в духовном развитии всех российских народов, внося свой вклад.

Это глобальная мечта нашего народа. Она обусловлена тем, что мы прекрасно понимаем: благодаря русскому народу, благодаря российскому государству наш народ преодолел те критические события, одолел невзгоды и лишения, которые были в истории Алании, в истории нашего народа, в истории Осетии. Такие события случились и в современной истории: это бесланские события, события в Южной Осетии. Да и многое другое преодолевалось благодаря России, благодаря русскому народу. И наш народ всё это помнит, знает и ценит.

Мы попросту переплелись с русским народом, который здесь, на территории республики, исконно проживает. Есть много русских населённых пунктов, и там русские совместно проживают с разными народами. И сегодня вообще невозможно представить, что можно отделиться, быть не в составе российского государства или не быть настолько переплетёнными с русским народом. И это единство, сплочённость, общность позволяли не только уберечь наш народ в течение всей его истории, но и благодаря русской культуре наш народ получил развитие своей культуры. И наверно, поэтому много представителей нашего народа сегодня уже представляют огромную страну на просторах земного шара. Думаю, что это и есть наша мечта: чтобы так было и дальше, чтобы наша жизнь развивалась совместно с русским народом и со всеми народами, которые проживают в нашей огромной стране.

А если говорить о мечте сугубо нашей, осетинской, если рассуждать, чего внутренне же-

лает народ, то, конечно же, мы мечтаем о том, чтобы, будучи в составе России, обогащаясь её культурой, сохранить свою идентичность, чтобы мы не потеряли свою культуру, свой язык и все те признаки, которые отличают нас от других народов и национальностей. На территории республики проживает 99 национальностей. И сегодня мы не представляем себя без кого-то из тех народов, которые исконно на территории республики уже многие столетия проживают, взаимно дополняют друг друга и обогащают культуру нашего народа.

— Я убежден, Вячеслав Зелимханович, что хотя утверждают, что русские являются государствообразующим народом, (и это так, конечно), но и все народы России тоже являются государствообразующими. Не представляю, как существовало бы сегодняшнее государство Российское без Осетии. Потому что Осетия держит над собой свой участок звездного неба, и если она выпадет из восхитительной мозаики нашего государства, то начнётся цепная реакция разрушения не только на Кавказе. Это разрушение может дойти до Якутии, до северных пределов. Поэтому у Осетии, как и у всех народов, огромная государствообразующая миссия.

Я был в Городе ангелов, где покоятся погибшие в бесланской трагедии, и меня одолевали мучительные, горькие переживания, потому что это такая вселенская трагедия! Это как избиение младенцев в библейские времена. Ничего не может быть страшнее. Но я подумал: тот чёрный удар был направлен в сердце России, он должен был сокрушить государство Российское, сломать волю лидера, посеять панику и тоску в нашем народе, должен был сломать волю молодого государства Российского к созиданию. А Осетия приняла на себя этот удар. Причём этот удар пришёлся на самое драгоценное, что у неё есть, — по осетинским детям. И там удар иссяк. Во время этого злодеяния, во время этого взрыва удар, направленный в сердцевину государства, задохнулся и иссяк в крови, в слезах, стенаниях. И в этом смысле Осетия в те годы спасла государство Российское. Осетия встала на рубеже и спасла ещё немощное, ещё слабое государство.

А в 2008 году, когда над осетинским народом на юге нависла угроза тотального истребления, и Осетия взывала о помощи, то держава — российское, русское государство — откликнулась на этот зов, прошла своими танками 58-й армии сквозь Рокский тоннель и отбросила этот чудовищный удар, направленный на осетинский народ. То есть за короткий промежуток времени — 2004 и 2008 годы — мы ещё раз подтвердили свою неразлучность, свою незыблемость и скрепили этот договор слезами, кровью, тоской, а также мечтой о великом искуплении, о великом избавлении. Мне кажется, что вся современная история Осетии подтверждает наши связи, о которых мы говорили: Россия как держава и её элемент — Осетия, и Осетия как хранитель, как страж государства Российского.

— Да, Россия неоднократно спасала Осетию. Именно благодаря России наш народ продолжает жить и развиваться. И в то же время вы отметили, что и Осетия вносила и вносит свой вклад в развитие России, в сохранение целостности и государственности России. Всегда считалось, что Осетия является форпостом России на юге страны. Это действительно так даже и чисто географически, потому что через нас проходит дорога в Закавказье. И в самые тяжёлые времена для России, в 90-е годы, Осетия также брала на себя непростую роль форпоста России здесь. Многие офицеры, боевые генералы, вспоминая те страшные 90-е, говорят, что как только они пересекали границу Осетии, они чувствовали себя дома. А те боевые действия, противостояние бандитам, вёл наш простой народ, который прекрасно понимает, кому мы обязаны жизнью, понимает, что и на нас лежит общая ответственность за целостность и безопасность нашей Родины. Конечно, хотелось бы, чтобы не в таких делах, как бесланские события и события в Южной Осетии, приходилось нашим народам доказывать друг другу свою преданность, братство, проявлять взаимоуважение. Хотелось бы, чтобы мы подтверждали своё братство успехами достойных представителей нашего народа в спорте науке, культуре. Но, к сожалению, те силы, которым целостность России, её сила, её возрастающая роль не дают покоя, совершили те злодеяния. И сколько бы лет ни прошло, невозможно забыть ту трагедию, что произошла в Беслане. Это всегда будет оставаться болью для нашего народа и для всех народов России. И мы благодарны всей России, что разделила нашу боль. И мы помним, чтим не только память погибших детей, но и сотрудников отряда специального назначении, которые

сложили здесь свои головы, освобождая наших детей. А те, кто остался жив, они живут израненными и помнят эту боль. Конечно, Осетия — маленькая территория, маленький народ. Но я считаю, что как и без других народов, которые живут в нашей стране, Россия не может без Осетии существовать, не может быть сильной и целостной. Так что полностью разделяю ваше мнение.

— Конечно, было бы хорошо, если бы в иных ситуациях, на других примерах, без слёз и трагедий, мы доказывали свою нерасторжимость. Мне кажется, что таким примером является судьба и миссия Валерия Гергиева, великого осетина, который со своими музыкальными откровениями проделал мировой путь. Он, конечно, прежде всего, осетин, он плоть от плоти великой осетинской культуры. Но с какого-то момента он стал музыкантом всея Руси, вышел за пределы Осетии и стал общероссийской драгоценностью. А потом он перешагнул и эти пределы и стал мировым художником, мировым музыкантом. И его путь от осетина к державному русскому музыканту и всемирному, вселенскому дирижёру тоже рассказывает нам о вселенскости осетин. Осетин не может быть заключён только в своём ущелье. Ведь была пора, когда он владел гигантскими пространствами. И если сейчас эти пространства сократились до небольшой территории, то духовно эти пространства остаются. И осетинской дух расцвёл в Гергиеве, как, может быть, ни в ком. Мне кажется, что триумфом Гергиева является концерт, который он давал на развалинах Пальмиры.

Пальмира — это памятник эллинизма, это эллинский амфитеатр. Это арена страшной бойни, что происходит на Ближнем Востоке, это соединение древности и современности. Туда пришёл со сво-

ей музыкой Гергиев и покрыл куполом своей вселенской любви и благодати все страдания и беды мира. Гергиев является примером проникновения наших народов друг в друга на плацдарме культуры и веры.

— Конечно, сегодня нельзя отделить Валерия Абисаловича от российской культуры, и нельзя в то же время считать его только представителем российской культуры. И то, что он уже сделал и продолжает делать, будет оцениваться ещё долгие годы потомками не только в Осетии, в России, но и во всём мире, поскольку он стал вселенским музыкантом и получил высокую мировую оценку. Надо сказать, что его роль велика не только в культуре, она велика и тем, что он несёт в своей музыке: она объединяет народы. Его концерты были в Пальмире под звуки рвущихся снарядов, его концерт на площади в Южной Осетии, в Цхинвале после тех трагических дней пятидневной войны. Да и сейчас на площадях многих мировых центров в Париже, Лондоне своей музыкой он несёт мир и объединяющий народы дух. Наверное, этот дух сохранился у нашего народа ещё с тех пор, когда наши предки владели большими территориями и обладали ими благодаря своему развитию, мужественности, воинскому духу. И хотя территория сократилась, но дух остался.

Республика гордится достойными представителями во многих областях — в культуре, в спорте, науке. И они уже не только представители Осетии, а это наше общее российское достояние. Тренер Станислав Черчесов возглавил нашу футбольную команду, думаю, он ещё внесёт свой вклад в развитие российского футбола.

Недавно в республику приезжали представители Вагановской хореографической школы. Они обратили внимание на наших детей, которые поедут учиться в балетную школу. То есть через русскую культуру наши дети получают возможность приобщиться к мировой культуре, и Осетия своими та-

лантами пополняет сокровищницу нашей российской культуры.

— У русских есть поговорка «не красна изба углами, а красна пирогами». Осетия красна своими пирогами. Осетинские пироги — это такая же неповторимость, как народные песни, например. И мало того что они очень вкусные, в них ещё заложена огромная философия: земля, вода, солнце. И пироги с этой космогонией появляются в каждой осетинской семье чуть ли не в каждое обеденное время. То есть каждый осетин, съедая пироги, говоря во время трапезы о бытовом, о сиюминутном, он в то же время приобщается к космосу. И в этом смысле осетины — космический народ, космисты.

Ведь что символизируют эти пироги? Они символизируют космическую гармонию, символизируют идею мирового космического порядка. А мировой космический порядок, если это перевести на язык нашей социальности, это справедливость. Космос устроен справедливо. Господь Бог — это символ справедливости. Поэтому осетины в своём застолье, в разговорах, на проводах в тот мир, на рождении ребёнка всё время явно или неявно находятся в атмосфере философии справедливости. Вы, Вячеслав Зелимханович, абсолютно современный человек, политик, в недавнем прошлом бизнесмен. Вы связаны с управлением страны, народа в очень острый, драматический период нашей истории. Вы чувствуете себя едоком этих пирогов? Чувствуете лично божественную миссию установить на земле порядок, справедливость?

— Скажу откровенно: с этой целью я и вступил в должность. Я никогда не представлял, что займу такой пост. Я выстраивал свой путь как предприниматель, и это было не просто зарабатыванием средств. Я хотел честно вести бизнес. Старался создавать что-то интересное, хотел, чтобы это были производства с применением современных технологий, и чтобы были созданы достойные условия для сотрудников, которые вместе со мной выстраивают бизнес.

Я всегда стремился выстроить социально справедливый бизнес, чтобы те сотрудники, которые вместе со мной днём и ночью трудятся, имели достойные условия для работы и отдыха. Для этого строил дома, где предоставлял квартиры сотрудникам. На предприятиях есть своя бесплатная скорая помощь, врачебные кабинеты. Есть спортивные залы, бассейны, где наши сотрудники могут бесплатно заниматься. Я считаю, что это честный, социально справедливый бизнес.

И когда я оказался на столь высокой должности, то поставил для себя целью также выстраивать работу и на новой должности — честно и справедливо. И исходя из этой главной цели стараюсь выстраивать свою ежедневную работу. Соответствующие требования я предъявляю ко всей своей команде, которая сформировалась и продолжает формироваться, обновляться, как и должно быть. И конечно, хочется, чтобы в команде были люди, которые разделяют эту позицию и хотят работать, исповедуя принципы справедливости. Ведь от этого зависят судьбы сотен тысяч наших граждан, их возможности воспитывать своих детей в атмосфере социальной справедливости, равной доступности бюджетных благ. Они, к сожалению, пока невелики и исходят от возможностей бюджета, но они должны быть справедливо доступны всем. Чтобы независимо от социального положения и финансового статуса каждый гражданин мог пользоваться этими бюджетными благами, воспитывать своих детей, обучать их, получать услуги здравоохранения. В этом я вижу свою главную цель и главное предназначение как руководителя своего народа. И когда я вступал в должность, об этом мне говорил президент России Владимир Владимирович Путин, он добавил: будет очень тяжело, но вы не забывайте, что у вас есть самая главная цель и самая главная благодарность, если вы сможете этого добиться, — это благодарность вашего народа. Поэтому выстраивайте свою работу исходя из этого. Это были слова президента. Стараюсь руководствоваться ими. И на очередной встрече я об этом отчитался и получил дальнейшие напутственные слова, чтобы республика успешно развивалась.

— А какие конкретные планы, проекты перед вами стоят, чтобы эта осетинская мечта о божественной справедливости приблизилась, чтобы стала осязаемой? Мечта недостижима, потому что она божественна. А цель достижима. Какую конкретную цель вы ставите перед собой в республике?

— Основная цель — это улучшение жизни наших граждан. Для того чтобы этой цели добиться, надо решить массу организационных

вопросов, в частности, в бюджетно-финансовой сфере. И я считаю, что мы за два года добились этого — мы стабилизировали свой бюджет, практически на 40% увеличили доходы бюджета. Ведь для чего нужны финансы? Чтобы иметь возможность жизнь людей улучшать, увеличивая их доходы. И вот за 2 года мы этих целей добились: увеличили заработную плату в большинстве сфер бюджетной деятельности. Исходя опять-таки из возможностей бюджета мы создаём максимально комфортные условия в среде обитания наших граждан: это и дороги, и окружающая среда, в частности, городская инфраструктура. Мы приступаем к основательному ремонту наших улиц, в частности, главной улицы нашей столицы — проспекта Мира, с которой началась история крепости Владикавказ. Хотим сделать нашу столицу привлекательной и для жителей, и для гостей, туристов. Строим больницы. В ближайшее время откроется четыре детских сада. У нас, к сожалению, пока существует очередность в детские сады.

Немаловажную роль в создании комфортной среды играет сохранение идеологии народа. И для государства российского необходимо, чтобы была выработана идеология на основе той мечты, о которой вы, Александр Андреевич, говорите. Необходима общероссийская идеология. И исходя из общероссийской идеологии формируется наша идеология.

Идеология нашего народа была выстроена и выработана нашими предками, которые владели большими территориями. И на этой основе сложилась их психология, видение мира и себя в этом мире, что они передали нам генетически: это уважение младшего к старшему и старшего к младшему, уважение мужчины к женщине и женщины к мужчине, то есть принципы общественного жития, что нам необходимо. Эту идеологию нам надо сохранять и развивать, адаптируя к современным реальным условиям, но ни в коем случае не терять свою идентичность, конечно, в составе великого государства. Если нам удастся всё это объединить, воплотить, тогда, думаю, это будет успешной дорогой к достижению той цели, о которой вы сказали, — справедливости.

— Мы смертны, нас одолевают заботы. А вас как руководителя одолевают заботы, может быть, в большей степени, чем других граждан, потому что вы должны заботиться не только о своих близких, но и о народе в целом. Забот не счесть. А времена сейчас трудные. Нашу страну обложили со всех сторон. Народ беднеет, у некоторых людей опускаются руки, кое-кто начинает роптать, у тех, кто вчера проявлял энтузиазм, сегодня возникает уныние. И задача руководства страны в целом или республики, района — не допустить, чтобы у людей руки опустились. Нужно коснуться каких-то глубинных кодов внутри человека, чтобы разбудить ту мечту, о которой мы говорили, и чтобы мечта позволила людям перейти этот трудный перешеек, чтобы она убедила людей, что трудности временны, а впереди — лучезарная звезда. Вам, Вячеслав Зелимханович, приходится постоянно выступать в СМИ, на встречах, митингах, в дни торжеств. С чем вы обращаетесь к народу своему в период затруднений, огорчений? Какие слова находите?

— Прежде всего, хочется опираться на историю. В жизни нашего народа было много трудных отрезков времени, и всегда народ успешно их преодолевал. Преодоление этих трудностей объединяло и сплачивало народ. Исходя из нынешних трудных реалий жизни народу также необходимо сплачивается, чтобы вместе преодолевать трудности. Только сплотившись внутри республики, сплотившись в государстве воедино, независимо от национальности, вероисповедания, сплотившись вокруг нашего президента, мы сможем преодолеть трудности. И это должен каждый понимать, потому что, только осознав это, мы сможем с трудностями справиться. И я не только обращаюсь к людям с этими призывами, но стараюсь подкреплять слова своей собственной деятельностью, каждодневной работой. Считаю, что только это объединение и сплочённость позволят нам выстоять и двигаться вперёд. Но для этого народ должен быть уверен и ощущать, что это не просто призывы и не только слова, но и реальная деятельность руководителя региона и руководства республики в целом.

— Спасибо за беседу, Вячеслав Зелимханович. Она меня вдохновила и укрепила в моих исканиях, моих представлениях. Я после нашей с вами беседы продолжу странствия по Осетии. Хочу побывать в горах, посмотреть на ваш удивительный аскетический, каменный, смуглый первозданный монастырь. Такое ощущение, что в нём зарождалось христианство. Мои предки, молокане, которые были гонимы,

находили в Осетии приют. И я очень благодарен осетинам за это, благодарен вам за такое душевное приятие.

— Так получалось, Александр Андреевич, что, находя приют в Осетии, люди потом развивали республику, развивали народ, который оказал это гостеприимство. Ваши предки были здесь известными предпринимателями, обеспечивали людей мукой, хлебом. Это и есть пример взаимопомощи и взаимного развития наших народов. И те 99 национальностей, которые у нас живут, дополняют и обогащают друг друга. И без какого-то из этих народов уже не будет той республики, которая сегодня даёт миру достойных людей.

— Давайте договоримся, что следующая наша встреча будет проходить в Священной роще. Мы накроем столы и будем есть осетинские пироги, пить осетинское домашнее вино во славу Осетии и России. И подтвердим, что мы неразлучные братья.

— Я хочу пригласить вас к нам в очередную поездку, и предлагаю вместе посетить мою малую родину, где я вырос, где в своё время зарождалась промышленность нашей республики.

— Принимаю приглашение и в следующий раз хочу попросить предоставить мне для поездки не машину, а вашего волшебного осетинского трёхногого коня.

Люди Бога

Осетинская мечта совпадает с Русской мечтой

Продолжая странствие в поисках мечты, двигаюсь в Южную Осетию. Громадные, следующие одна за другой горы в косматых лесах, гремящие по ущельям зелёные студёные реки. А за ближними горами, за белыми облаками — сверкающие мистические пики. Там Грузия, Чёрное море, далёкие Турция и Иран — Ближний Восток, вечно кипящий и неспокойный.

В моём автомобиле я прокалываю Кавказский хребет, мчусь сквозь громадную гору по Рокскому тоннелю, по многокилометровой скважине, соединяющей Северный Кавказ с Закавказьем. Этот тоннель — элегантный, ухоженный, в лунном блеске уходящих вдаль светильников, под которыми сверкают и проскальзывают, как рыбы, дорогие автомобили. А тогда, в 2008-м, когда бронеколонны 58-й российской армии торопились на помощь в Цхинвал, и грузинские установки залпового огня жгли университеты, театры, церкви, истребляли российских миротворцев, тогда этот тоннель, забитый броневиками и танками, угрюмо гудел. И от запаха горелой солярки невозможно было дышать.

Эта стальная струя изливалась из тоннеля, машины строились в боевые порядки, мчались в Цхинвал, прорывая блокаду грузин, с ходу вступали в бой. Выход России в 2008 году сквозь Рокский тоннель в Закавказье — это громадный геостратегический рывок. Государство Российское, взрастая, одолевало свою слабость после страшного разгрома 1991 года. Эта крохотная война была переломной в судьбе государства Российского, которое впервые после стольких лет унижения, отступления, слабости, теряя территории, населённые соотечественниками, откатывалось всё дальше и дальше от своих традиционных имперских границ. Невозможно забыть дни тоски и унижения, когда на глазах у России американцы бомбили сербов. Те взывали к России, умоляли о помощи, но Россия молчала: Россия была подранком, у неё не было политической воли и военной силы. Она позволила разгромить Югославию.

Грузия в 2008 году полагала, что Россия осталась прежней, что она закроет глаза на гибель своих миротворцев, не придёт на помощь истребляемым осетинам. Это был роковой просчёт Саакашвили. Российские самолёты, взлетая из Моздока, били по грузинским танкам. Подразделения 58-й армии с тыла ударили по карателям, замкнули кольцо окружения и спасли Цхинвал. С этого момента начался перелом в сознании российского общества, в сознании российской элиты, в сознании российских военных. После выхода России сквозь Рокский тоннель в Закавказье, после помощи братским осетинам воссоединение с Крымом казалось естественным.

Я приближаюсь к Цхинвалу среди восхитительных гор и садов. И сердце моё ликует. В Цхинвале, солнечном, многолюдном, среди нарядных домов, магазинов и ресторанов есть небольшой офис. Перед его входом, пропуская мимо торопливых служащих, громоздится уродливая ржавая танковая башня. Она вонзилась хоботом пушки в бетон и застряла там. Эта башня отлетела от грузинского танка, который атаковал защитников города. Кумулятивный снаряд угодил в бортовину танка, боекомплект сдетонировал, уничтожив экипаж. А башню взрывом подбросило, она пролетела по широкой дуге и вонзилась в бетон. Теперь это памятник победы, одержанной осетинами, символ попрания бессовестных и безжалостных агрессоров. Это образ краткосрочной войны, в которой вершилась история не только Южной Осетии, но и России.

У этой башни, касаясь руками её стальных острых кромок, я слушал рассказ участника той обороны Алана Джуссоева о том, как грузинские танки вошли в город с трёх сторон, стреляли по университету, который не был военным объектом, а был символом осетинской культуры и науки. Агрессоры стремились вырвать с корнем истоки осетинского самосознания. Танки расстреливали покидавшие город легковые машины с женщинами и детьми. 200 защитников сами, безо всякой команды, выскакивали на улицу с гранатомётами, разбивались на группы и вставали на пути агрессоров. Погибали под крупнокалиберными пулемётами грузин, унося на тот свет экипажи подбитых грузинских танков. Почти два дня вели оборону. Уже сгорела база, где размещались российские миротворцы. Уже Саакашвили объявил о падении Цхинвала. И тогда полетели российские самолёты и ударили по грузинским колоннам. А потом пришли российские бронегруппы. И среди грузин началась паника: они бросали свою технику и бежали как зайцы. А их отлавливали и свозили в накопители.

За остатками убегающей грузинской армии мчались русские бронегруппы, отступающих преследовали ополченцы из Южной Осетии. На помощь им пришли осетины с севера и чеченские батальоны. Грузин гнали до окраин Тбилиси. И ни один из грузинских батальонов не развернул своё орудие, не стал защищать свою территорию. Южная Осетия была спасена. И здесь, у границ России, был возведён российский военный оплот, укомплектованный самой современной техникой: танками, БТРами, самоходными гаубицами, вертолётами. Сгусток военной энергии и воли, способный предотвратить любую агрессию со стороны неуёмно стремящейся в НАТО Грузии.

Вот бывшая база российских миротворцев. Обугленные и разрушенные казармы, развороченные пулемётные гнезда. Скромный военный памятник, в основании которого — дот и две башни с боевых машин пехоты, развернувшие свои пушки в сторону Грузии. А Грузия рядом, вон за теми кустарниками. Оттуда в 2008 году били грузинские «Грады», истребляя российских миротворцев.

После этого началась массированная модернизация российской армии. Со всей остротой россий-

ские военные оценили угрозы, витающие над нашими границами. Заработали во всю мощь оборонные заводы. В армию пошли новые танки и самоходки. В небо взлетели новые штурмовики и истребители. Новые, небывалые по своим размерам и мощности лодки были заложены на «Северной верфи». Новая российская армия может считать днём своего рождения ту кавказскую войну 2008 года.

Я помню разгромленный, обугленный Цхинвал. Мрачные, неосвещённые улицы, исхлёстанные осколками фасады. Снаряды попадали в дома и школы. В церковь влетел снаряд и застрял в сердце ангела. Не было электричества, газа, горячей воды. Я вошёл в дом знаменитого осетинского филолога Нафи Григорьевича Джусойты. Он сидел в громадной домашней библиотеке за рабочим столом, заваленным рукописями, в тёплом пальто, в тёплой войлочной шляпе, накрытый пледом. Его коричневое стариковское лицо было спокойно, сосредоточенно. Его негнущиеся, замёрзшие пальцы с трудом сжимали карандаш. Он переводил на осетинский язык стихи Пушкина. Мне казалось, что, соприкасаясь с духом великого русского поэта, он согревался этим духом: прозревали его невидящие глаза, наполнялось верой истерзанное страданиями сердце. С потолка капало. И Нафи Григорьевич накрыл целлофановой плёнкой драгоценные рукописи.

Сегодня Цхинвал — южный, радостный город. Всё те же маленькие домики с нарядными балконами, те же улочки, переулки, свисающие вниз виноградные лозы. О войне напоминают только ржавая танковая башня и мемориальное кладбище героев во дворе школы, где их хоронили, потому что городское было занято грузинскими танками.

Прекрасен драматический театр, принимающий первых зрителей. Замечателен построенный заново медицинский центр с его кристаллическими светлыми кабинетами, с уникальной техникой. Заведующий отделением молодой врач Георгий Шавлохов с гордостью показывал драгоценный томограф, которого здесь никогда не видывали. Чудесные рентгеновские аппараты, аппараты для диагностики. Всё это прислала Россия. Россия прислала и врачей, и медикаменты. Доктор сказал, что после войны наблюдалась вспышка сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний. Стресс войны, тяжёлые бомбардировки породили эти недуги. И теперь в больнице лечат последствия этой страшной войны.

В Национальном музее с великолепным античным фасадом собраны бесценные экспонаты, рассказывающие о культуре осетин, о древней культуре аланов. Директор музея Мераб Зассеев показывал мне сокровища бронзового века, изделия из драгоценных камней, извлечённые из старых гробниц. Он рассказывал о великой древней истории аланов, которые ведут родословную от пранародов, гнездившихся, как утверждают учёные, на Южном Урале, и оттуда несколькими реками истекавших в современные Индию и Иран. Аланы считают себя родственниками персов. Они двигались из этих древних священных мест на запад, прошли Кавказский хребет и влились в Европу, став родоначальниками современной европейской цивилизации. И только небольшой отряд этих аланских кочевников, попав на Кавказ, задержался среди ущелий и сложился в современный народ Осетии, сберегая свои бесценные предания и мифы.

Директор вёл меня вдоль замечательных картин, где художники изображали аланские традиции и нравы. Одна из этих картин поразила меня своим содержанием и аскетической манерой. На полу в сумрачной горнице стоят на коленях бородатые печальные мужи: они приползли сюда на коленях и понуро встали посреди комнаты. Это родичи одного из тех, кто совершил убийство. Теперь старейшины пришли в дом убитого, чтобы просить о прощении и избежать кровной мести. Тут же в рост стоят суровые, нахмуренные родственники убиенного. А мать убитого в платке, с завязанными глазами прижимает к своему сердцу убийцу сына. Она простила убийцу. Она отзывает от соседнего рода своё проклятие. Она сберегает жизни своих соотечественников. Согласно обычаю, она прижимает к себе голову прощённого убийцы. И с этого момента он становится её сыном. Это великое прощение, это божественное озарение есть драгоценное достояние аланского народа, способного отказаться от мести, преодолеть её злые искушения и помириться с врагом, трактуя это примирение как волю Божию.

С президентом Южной Осетии Анатолием Ильичом Бибиловым мы говорили об осетинской мечте. Южная Осетия — самостоятельное государство, признанное Россией, Никарагуа, Сирией, Венесуэлой, оно строит свою маленькую независимую общность, проходя в этом государственном строительстве этап за этапом. В основе государства лежит идеология одержанной недавно победы как венца многолетней борьбы за свободу и независимость, из которой возникает это новое государство. Государство чтит своих павших героев и мучеников. Только возвышенная жертва, самопожертвование позволяет народам выстоять перед натиском злых исторических сил. Память о героях, культ героев озаряет новое государство. Это государство собирает в своё лоно весь свет осетинской интеллигенции: историков, философов, поэтов, музыкантов. Они создают национальную философию, отыскивают корни этого государства в глубокой древности, направляют его волю в грядущее. Великий Гергиев, прибывший со своим оркестром в разгромленный, окровавленный Цхинвал, дал концерт, который явился эпическим образом — образом торжества, образом непокорённого победившего народа. Музыка Гергиева — это выраженная в звуках национальная идея, образ национальной мечты.

Президент Анатолий Бибилов — сторонник вхождения Южной Осетии в состав России. Этому он посвятил всё своё правление, всё своё служение. Он политик одной идеи — соединения южных и северных осетин и пребывания этой объединённой Осетии в составе России.

Маленькая Осетия вдруг стала шарниром, вокруг которого вращаются огромные пласты современной геостратегии. Защита Осетии входит в огромный геостратегический план России, в котором она восстанавливает своё присутствие на великих пространствах к югу от своих границ. Военное и политическое присутствие в Южной Осетии, сбережённый в Крыму Черноморский флот, возвращённый контроль над Чёрным морем, выход через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море, учреждение на побережье Сирии двух российских военных баз создают громадную дугу обороны, которая обеспечивает России стабильность на этом взрывоопасном направлении. Россия не может без Южной Осетии, как и Южная Осетия не мыслит себя без России. Это и лежит в основе мировоззрения президента Анатолия Бибилова, связывающего осетинскую мечту с вхождением в состав России.

Я забираюсь по трудным каменистым дорогам на вершину высоченной горы. Там расположено древнейшее святилище Джер. Осетинские учёные относят его происхождение к тысячелетней давности. В этом святилище осетины поклонялись солнцу, земле, воде, поклонялись мировым стихиям. Теперь здесь построена церковь святого Георгия. Она сложена из древних смуглых камней, увенчана крестом. Рядом с церковью — дерево. Всё оно увешано ленточками. Сюда стекаются осетины в дни религиозных торжеств. И каждый оставляет на дереве свою магическую ритуальную ленточку. В сумраке прохладного храма мы зажигали свечи, вкушали космические осетинские пироги, угощались мясом жертвенного агнца. И говорили об осетинской мечте. Философ Коста Дзугаев сказал, что осетины — люди Бога. Они живут, погружённые в земные заботы, пашут землю, куют железо, сражаются, пируют. Но никогда не забывают, что над ними сияет лазурь. И в этой лазури — лик Бога. Осетинская мечта — это сбережение достоинства, сбережение чести, борьба за справедливость. И всё это даётся осетинам среди божественной красоты и правды.

Мы стояли в храме, вершили молитвословие. И образ осетинской мечты предстал передо мной как храм на горе. Эту гору насыпали осетины за время своей тысячелетней истории. Эта гора состоит из великих трудов, несчастий, жертв, побед, откровений. Насыпав эту гору, осетины поставили на вершине храм, чтобы крест этого храма касался лазури, и эта божественная лазурь проливалась через святилище в земную жизнь осетин, в их семьи, гарнизоны, университеты. Эта осетинская мечта совпадает с Русской мечтой. Два народа-мечтателя сложили воедино свои великие чаяния.

Что есть мечта

Круглый стол Изборского клуба

В Южной Осетии, высоко в горах, в святилище Джер, к которому не одну тысячу лет аланы совершают паломничество, в XVII веке был построен храм во имя Святого Георгия. Там, высоко в горах, шёл разговор о смысле жизни.

Александр ПРОХАНОВ,
главный редактор журнала «Изборский клуб»:

— У каждого народа есть своя мечта. Она позволяет народу пройти через тысячелетия и не исчезнуть. Иногда эта мечта оформлена в эпосе, выражена в словах, в тех или иных формах. Но у большинства народов мечта не сформулирована в словесах.

Я долго искал определение Русской мечты: перечитал русских поэтов, русские народные сказки, труды русских космистов, философов, большевиков. *И как мне удалось выяснить путём исторических, поэтических изысканий, Русская мечта может быть определена формулой «храм на холме». На вершине холма сто-*

ит храм, который своими крестами касается небес, касается света Фаворского. И через эти кресты свет проливается в наши дома, семьи, в наш быт, в наши гарнизоны и университеты. А холм — это насыпанная нашей историей высота наших переживаний и помыслов. В этом холме очень много горького, много трагедий и потерь. И много величия, красоты и богооткровенных деяний.

В поисках мечты я отправился в странствие по России. И вот приехал к вам, мои осетинские друзья, чтобы допытаться у вас: что есть осетинская мечта? Что есть то начало, которое с древнейших времён помогает народу выстоять перед напастями, не потерять достоинство в минуты трагические и ужасные? Что позволяет осетинскому народу нести в себе это светоносное начало?

Мераб ЗАССЕЕВ,
директор Национального музея Южной Осетии:

— Осетинский народ генетически хранит то величие, которое можно исторически проследить у наших предков со скифских времён и до наших дней. Те ценности со временем, безусловно, были видоизменены, но в корне своём, в основе своей остались прежними. Ещё древними летописцами отмечено благородство наших предков. И это благородство в народе живёт. Хотя, к сожалению, не в том масштабе, не в том объёме, в котором должно бы быть и хотелось, чтобы было.

Мечта — это одна категория. Часто говорят о национальной идее, о её поисках. И я для себя сделал такое открытие: нам поиски национальной идеи не нужны. Национальная идея должна заключаться в том, чтобы остаться самими собой! Чтобы мы не растворились в мире, не потеряли свою суть в силу внешних тенденций и тех новых ценностей, которые я называю ложными — лжеценностями. Чтобы на основе прошлого выстроить то высокодуховное, что было характерно для наших предков и что отмечали все. Неслучайно в 1896 году Жозеф Артюр де Гобино сказал: «Зороастрийские народы занимали довольно большие территории, северо-восточные границы которых определить очень трудно. Возможно, они простирались до Муцтагха и нижних плоскогорий, откуда позже они пришли в Европу под именами сарматов, аланов и асов… Провидение уготовило им честь создания европейской цивилизации». Это очень важные для меня и для моей жизненной позиции слова. Но когда я вижу в жизни примеры, которые далеко не способствуют тому, чтобы мы и дальше несли в жизнь высокое, возвышенное, это меня очень удручает. И моя мечта — не заимствовать слепо у кого-то что-то, не подражать, а сохранять своё и остаться самими собой.

Коста ДЗУГАЕВ,
кандидат философских наук:

— Год назад нас покинул старейшина нашего народа, Нафи Григорьевич Джусойты. Ему было более 90 лет. Это человек, которого знала вся Осетия. Нафи — это уменьшительное от его полного имени Нафанаил, что означает «дарованный Богом». И Нафи, безусловно, был дарован свыше, и его гений будет ещё долго светить нам.

У него есть замечательная чеканная формула: национальная идея — это мечта народа о бессмертии. Наверное, именно об этом говорил и Мераб Максимович в своём выступлении, когда высказал чаяние быть самими собой.

Мечта народа о бессмертии! Но эта чеканная фраза нуждается в обрамлении, в развёртывании того смыслового сгустка, что оставил нам Нафи. И одним из ключевых концептов здесь, конечно, является категория свободы. Наше осетинское понимание свободы чрезвычайно многогранно, оно исключительно высоко. И это именно то, что столетиями не могли понять наши соседи с юга, для которых отношения господства и подчинения являются естественными отношениями. Но этого никогда не было в нашей национальной психологии! Они никак не могут понять, почему мы отказываемся быть рабами. Они не могут понять, что посягательство на нашу свободу для нас невыносимо. Мы готовы принести большие жертвы, чтобы сохранить это наше бесценное состояние.

Вторым концептом является, конечно, справедливость. Осетины — это люди, желающие справедливости и стремящиеся к ней, стремящиеся к построению общества, в котором каждый чувствовал бы себя человеком. Ведь наша борьба все эти годы — это борьба за человеческое достоинство, это отказ быть вторым сортом в той иерархии, которую наши соседи с юга нам навязывали.

Третье — это понятие чести, которое неотделимо от любого осетина. Ибо лучше смерть, чем бесчестие. И это отражено в нашем языке. Язык ведь сохраняет архаику. И бессовестный человек у нас называется термином, который означает «без лица». То есть с бессовестного, бесчестного человека как бы снимается то, что делает нас людьми, — лицо. И остаётся нечто безликое. Бесчестный перестаёт быть личностью, быть человеком. Вот что, по моему мнению, есть наша мечта.

Мурат ДЖИОЕВ,
кандидат исторических наук:

— Мои коллеги — поэты, философы — красиво сказали об осетинской мечте. Я скажу лаконично:

для нашего народа действительно и мечта, и цель — это сохранение своего традиционного «я», то есть той культуры, которую наши предки создавали с арийских времён. Мы — народ древнеарийский, и мы сумели сохранить свою культуру, пронеся её через тысячелетия. Произошёл симбиоз нашей традиционной культуры с христианством. Наш народ впитывал всё положительное, что на протяжении истории свершалось. Мечта каждого осетина — сохранение своего национального «я»: сохранить то, что мы унаследовали от предков, и передать это своим потомкам.

Александр ПРОХАНОВ:

— Я считаю, что народ, являясь носителем мечты, не всегда может свою мечту выразить. Но народ поручает эту мечту высказать своим поэтам и философам. И вы, дорогие друзья, достойно представили своё видение мечты.

А правителям, которых народ избирает из своей среды (ибо сказано: «Изберём царя из народа своего»), народ поручает эту мечту отстаивать и проносить её сквозь все невзгоды и печали жизни. Анатолий Ильич, а что такое для вас осетинская мечта?

Анатолий БИБИЛОВ,
президент Республики Южная Осетия:

— Высказался поэт, высказался философ, высказался историк. Попробую и я развить эту тему.

Думаю, те качества, которые сейчас были названы: стремление к справедливости, стремление к свободе, — они присущи всем народам. Не могу сказать, что в меньшей или большей степени они присущи какому-либо другому народу, другой национальности. Может быть, у нас в большей степени проявляется сопротивление попыткам заставить нас сделать то, чего мы не хотим.

Наша осетинская мечта не может быть югоосетинской или североосетинской. Мечта, или национальная идея, не может быть одной — в большой России, и совершенно другой — в Калининградской области, например, территориально от России отделённой. Мечта — она одна и в большой России, и в Калининградской области, потому что политически и территориально — это одна единица.

Я даже не имею права говорить об отдельной югоосетинской мечте. Мечта должна быть всеосетинской. А чтобы она была всеосетинской, политическая и территориальная единица должна быть одна, должна быть общность. Ведь если мы, Южная Осетия, независимое государство, тогда у нас априори должны быть абсолютно другие политические цели, чем у Северной Осетии, которая находится в составе Российской Федерации. Потому что не может независимое государство иметь такие же политические цели, какие имеет та же Северная Осетия в составе России!

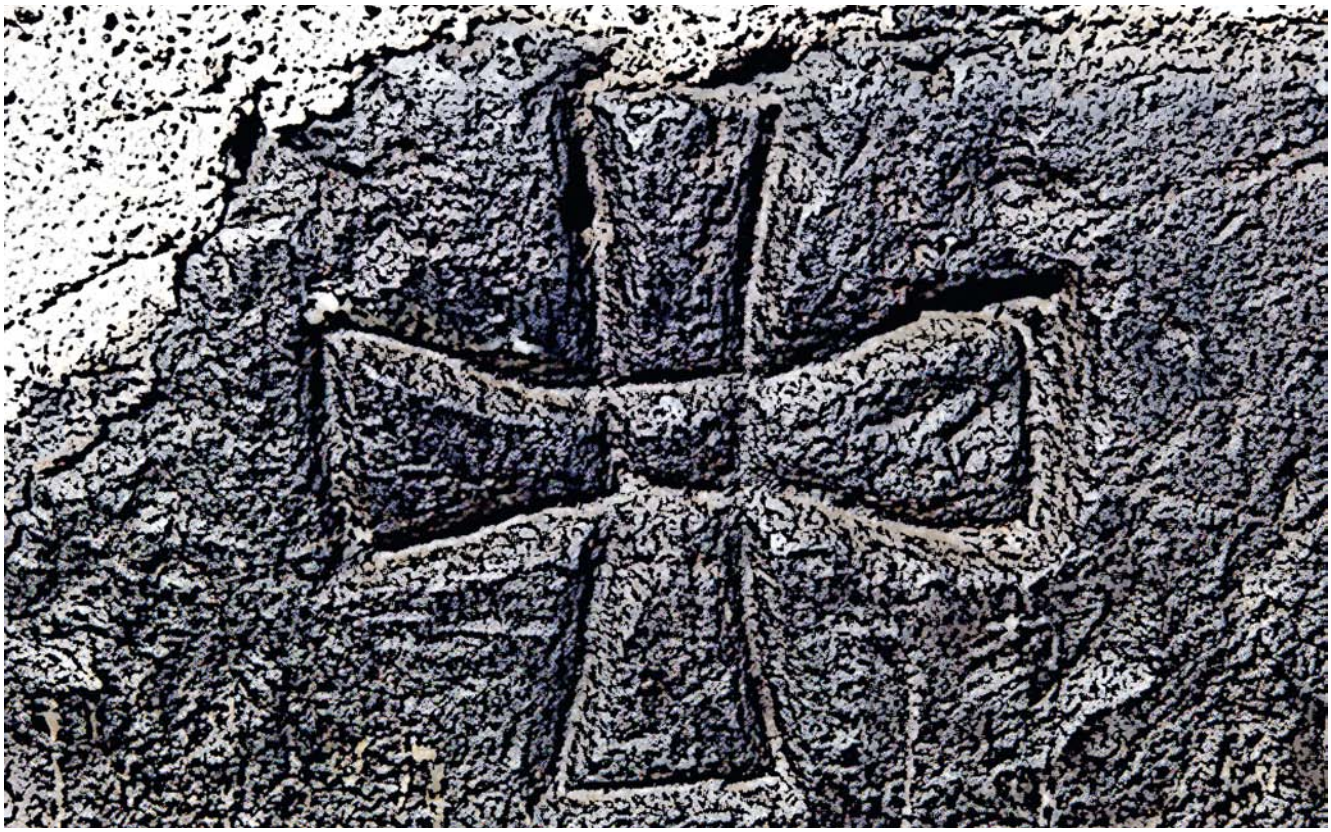
Я убеждён, что всеобщая осетинская мечта может быть сформулирована, если исходить из нашей истории. Ведь до определённого момента осетины были едины. И какая тогда была мечта? Если мы углубимся в историю, то увидим, что мечта была — сохраниться. И такая мечта опять-таки присуща каждому народу. Но каждый пошёл своим путём. Кабардинцы сохранялись, как они это видели, чеченцы сохранялись, как они видели, азербайджанцы сохранялись, как они видели.

Осетины видели своё сохранение в составе Российской империи. И много лет наши посланники ходили в Санкт-Петербург, тогдашнюю столицу, и просили, чтобы их приняли в состав российского государства. Это была мечта осетин. Мечта ради спасения самих себя. И они этим себя спасли.

И если мечта была такой, то она не может измениться потому, что нас сегодня считают независимым государством. Эта мечта не может измениться из-за того, что сегодня безопасность Южной Осетии обеспечивает российская армия, Россия. Она не может измениться из-за того, что сейчас мы спокойно живём.

Мечта осетин — жить в единой территориально-политической единице в составе Российской Федерации, потому что в этом — спасение самого осетинского народа, его сохранение. И это сохранение может быть только в виде единой республики в составе единого государства. Если мы эту мечту, которой уже более чем полтора века, не сохраним, и если мы это забудем, то боюсь, что завтра уже некому будет мечтать.

Что касается духовности, то на сегодняшний день это очень серьёзный вопрос. И он лихорадит не только Осетию, но и Россию. Лихорадит, потому что есть религиозные секты. Потому что мы возвращаемся к дохристовой эре. Лихорадит оттого, что люди перестали верить в Бога; языческие обычаи, верования набирают силу, становятся более, мягко говоря, авторитетными. И это, я думаю, в ближайшее время сильно скажется на обществе. Почему? Потому что если христианская религия призывает к всепрощению, то неоязыческие культы к прощению не призывают. Они призывают к навязыванию, к насаждению своих идей и установок — хочешь ты этого или нет. Если ты сегодня скажешь, например, что Уастырджи — это то же самое, что Святой Георгий, это могут встретить очень агрессивно. А когда этих оппонентов спрашиваешь: а откуда, по-вашему, у нас, осетин, появился Уастырджи, из чего он исходит? Говорят, что это небожитель, который нам ниспослан с неба и который помогает мужчинам — путникам, воинам.



Но как же по-дигорски (дигорский — наиболее приближенный к аланскому язык) называется Уастырджи? Он именуется Уасгерги. «Уас» — святой, «Герги» — Георгий. И перетасовывание букв привело к тому, что сегодня наш Уастырджи, оказывается, ничего общего с христианством не имеет!

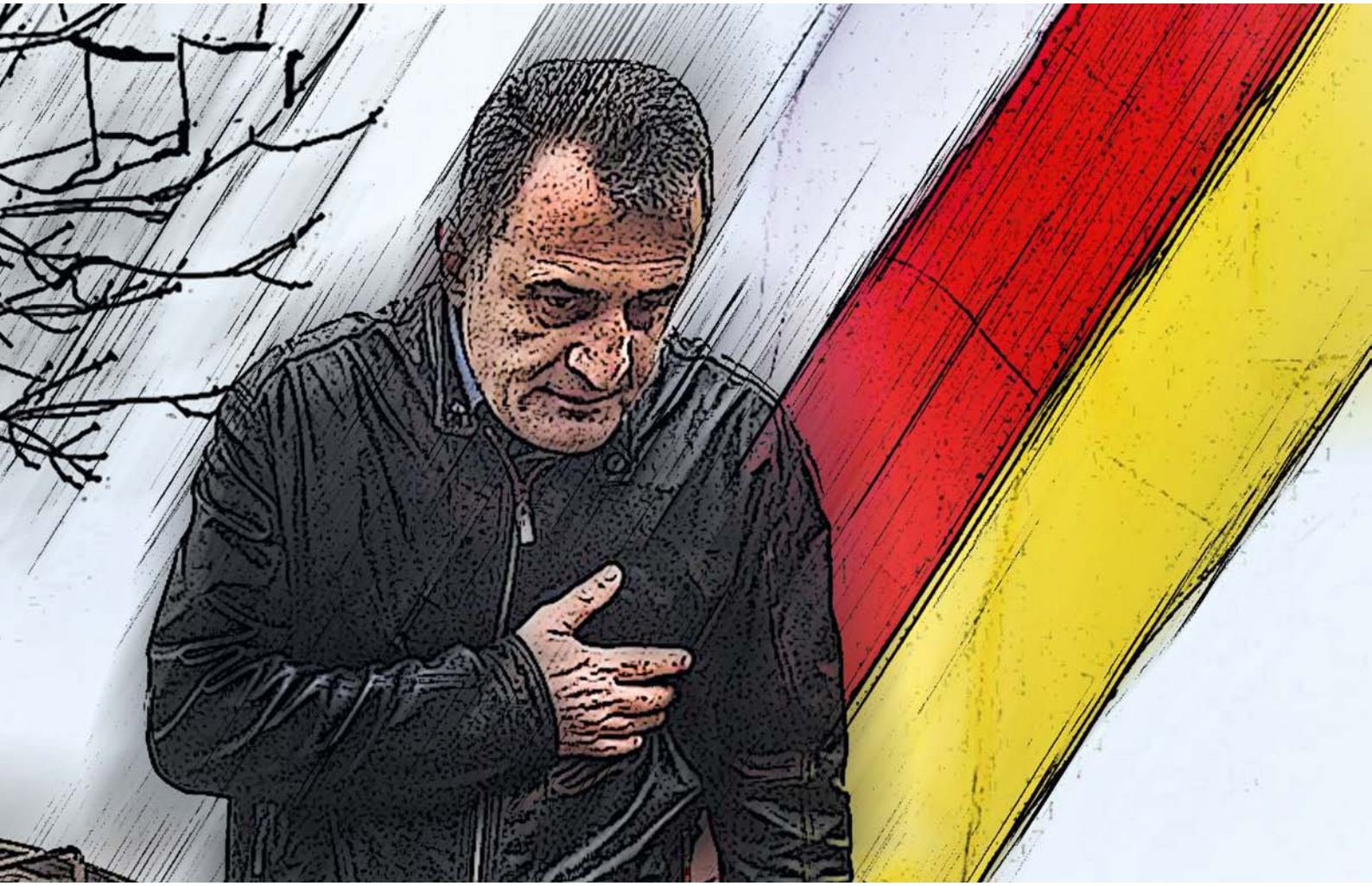
И это мнение, эта установка насаждается. Эта сегодняшняя проблема, которая является политической, завтра может перерасти в духовную. И тогда ни политической, ни духовной общности у осетин может не оказаться, что было бы трагично для народа.

Нельзя не обратить внимание на то, что сегодня количество людей, которые имеют документ о высшем образовании, велико как никогда. Но, несмотря на то что людей с документом о высшем образовании всё больше, образованных людей всё меньше. И проблемы, связанные с религией, с оценкой обстановки, с анализом, который каждый образованный человек должен делать, нарастают. Потому что анализа нет, нет трезвой оценки и исторических фактов, и ныне происходящего. И вот человеку вдалбливают в голову, что он украинец, и Иисус Христос был украинцем или грузином (в Грузии), или осетином. И молодые люди в это верят. Они внушаемы. А если молодой человек в это поверил, он готов действовать так, как ему подскажут, внушив что-то. И это — проблема. Надо её решать.

Александр ПРОХАНОВ:

— Действительно, народ преодолевает муки и делает всё, чтобы уцелеть, не только для того, чтобы попросту уцелеть, а для того, чтобы пронести сквозь века те восхитительные таинственные ценности, которые заложил в него Господь при сотворении народа. И конечно, народ хочет жить в божественно справедливом, бесконечно прекрасном обществе, в котором истреблена самая большая несправедливость в жизни — смерть. Преодоление смерти и взыскание бессмертия, мне кажется, является высшей мечтой всего человечества. А как люди, как народы приближаются к этой цели — это уже национальные пути и национальные цели. У каждого народа есть национальная цель — выжить и дождаться Царствия Небесного, куда он и войдёт.

Я прожил большую жизнь, в которой было множество событий, были и радости, и печали. И я понял, что Творец всегда прав и милостив, что бы он с нами ни сотворял. Как бы мы порой ни мучились и ни печалились — всё нам даётся во благо. И мой визит в Цхинвал, и моё пребывание во Владикавказе дают мне понять, что я прибыл к очень мужественному, стоическому, очень терпеливому народу. Я обогащаюсь, общаясь с вами, утешаюсь, общаясь с вами. И многие мои печали улетучиваются. И я хочу поклониться каждому в отдельности и всему осетинскому народу в целом за то, что поделились со мной своим теплом и своей мудростью.



«Одной лишь думы власть»

Беседуют главный редактор журнала «Изборский клуб» Александр ПРОХАНОВ и президент Республики Южная Осетия Анатолий БИБИЛОВ

– Анатолий Ильич, опять я в родной Осетии, очень раз вас видеть.

— Приветствую вас, Александр Андреевич. Действительно, Осетия для вас является родной, и уверен, что ваше доброе отношение к ней не поменяется, потому что вы своих взглядов никогда не меняли. Мы прекрасно помним вашу позицию во время трагических для нас событий. Следим за вашими выступлениями в отношении происходящего в стране и мире. И в глобальной политике или в региональной все сказанные вами слова, ваши прогнозы так или иначе сбылись. Вы давно предупреждали, что раз-

вал Советского Союза приведёт к кровавым событиям. И мы были участниками действий, которые совершала здесь Грузия, опираясь на поддержку Запада. События, к сожалению, плачевны. И не только для осетин. Для осетин это трагично, потому что на них оказывалось физическое воздействие, предпринимались попытки их уничтожения. Но те события произвели политическое, общечеловеческое воздействие практически на все страны. И это вызывает огромное сожаление.

Александр Андреевич, для народа Республики Южная Осетия вы — знаковая личность, и нам приятно, что вы у нас в гостях. Не сомневаюсь, что и этот ваш приезд будет для вас интересным, и к тому, что вы уже знаете о Южной Осетии, вы ещё больше добавите, пообщавшись с нашими видными историками, политическими деятелями, с простым народом.

— Я очень признателен, что приглашён в вашу замечательную страну, тем более что ваша страна, ваш народ в силу обстоятельств, может быть, горьких, а может быть, высоких, но тайных для нас, превратились в центр мировой политики. Вокруг вашей маленькой страны вращаются огромные массивы: массивы континентов, пласты мировых представлений. И, став этаким шарниром, вокруг которого идет вращение, вы должны испытывать огромную ответственность.

После 2008 года в истории и Осетии, и России начался абсолютно новый период. Думаю, что переломная, победная ситуация 2008 года положила начало процессу возвращения России в эти геополитические пространства, из которых её вышвырнули глупцы или предатели. Уход России из этих пространств трагически сказался и на этих пространствах, и на самой России. Россия оказалась обрубком, подранком. А в этом состоянии она не может существовать вечно, и она бьется, трагически сопротивляется этому.

Наконец, после 1991 года, после первых лет создания нового государства, Россия нашла в себе силу, волю приступить к очень чуткому и осторожному реваншу. И когда мы сквозь Рокский тоннель вновь пришли в Закавказье, мы пришли сюда не в пустыню — здесь живут дорогие, любимые нами народы. И сегодня Осетия, как Южная, так и Северная, является мощным плацдармом, который позволяет России вернуться в геостратегию. У России не было геостратегии до 2008 года. Россия оборонялась, у России были рефлексы: мы лишь отвечали на вызовы, напасти, это словно была игра в пинг-понг: оттуда мячик летит, оттуда летит, мы отбиваемся…

А после нашего прохода сквозь Рокский тоннель начался очень мощный процесс, о котором, к сожалению, мало говорят, он не должным образом осознан в российской общественности — процесс восстановления южного геостратегического фланга, который через Южную Осетию, после возвращения Крыма и Севастополя, позволил вернуть нам контроль над Чёрным морем. Через Босфор и Дарданеллы мы вышли в Средиземное море и через две наши сирийские базы и победную войну в Сирии опять стали ключевой страной на Большом Ближнем Востоке. А Ближний Восток — это матка мира.

И с этого момента Россия как бы очнулась. Удивительно, что мы и после чеченских войн словно продолжали спать, дремать, не занимались укреплением обороноспособности, армией. А события здесь, в Южной Осетии, всколыхнули всю военную машину России. Мы стали модернизировать армию. Я помню, как в ходе осетинских событий мы переживали гибель наших штурмовиков и бомбардировщиков. Это было так неожиданно, такая нелепость. А ведь именно после этого сюда прислали самолёты, оснащённые современными системами, которые подавили грузин, разбомбили аэродром. И после этого началась модернизация армии.

И ваша победа, и строительство государства, которым вы занимаетесь, — это не только ваше дело. Это общероссийское, державное, имперское дело. И я приехал сюда в этом убедиться.

— Думаю, вы в этом убедитесь. Я с вами абсолютно согласен: получилось так, что Россия с 1991 года, с момента развала Советского Союза, и до 2008 года наводила порядок внутри государства. А уже с 2008 года, как раз через Рокский тоннель, Россия вышла в геополитическую мировую политику, где многие этого уже и не ожидали, а некоторые вообще не видели будущего России как мирового игрока. И конечно, если бы не было у нас воли народной, то Южная Осетия могла бы стать второй Аджарией, которую просто-напросто раздавили. Именно сила воли народа, те

стойкость и мужество, которые были у народа, помогли выстоять и продержаться. Даже не с 1991 года, с развала с Советского Союза, а гораздо раньше: с 1989 года Южная Осетия терпела, стояла, плакала, конечно…

— Кровавыми слезами.

— Да, кровавыми слезами. Но выдержала. Выдержала вплоть до того, когда Россия уже громко сказала и заявила о себе: мы здесь, и не может быть того однополярного мира, о котором некоторые мечтали. И это хорошо.

— Я до мозга костей — советский человек. Всю сознательную жизнь был вместе со своей страной, вместе с её войсками, когда мы воевали в Афганистане, в Африке, в Латинской Америке, ездил по стройкам великим. И для меня крушение Советского Союза было равно моей личной смерти. Я лишился сна, у меня возникли кошмары. И я понимаю тех советских офицеров, молодых мужиков, майоров, подполковников, которые стрелялись. Они не могли пережить той космической катастрофы.

— Да, это было катастрофа.

— Но потом волею обстоятельств я стал наблюдать медленное и очень тонкое рождение нашего нового государства российского. И по мере того, как я замечал признаки рождения нового государства в разных областях, ко мне возвращался интерес к жизни. У меня менялось отношение к новым российским властям. Постепенно через прозрение, через сомнения я встал на курс поддержки нового русского путинского ренессанса.

И сейчас в Южной Осетии вы строите новое государство. Я приехал на краткий миг, и мне не удастся подсмотреть эти тонкие элементы, как вы его строите. Но всё-таки, как вы его создаёте, из каких этапов его складываете, какой этап сейчас проходите?

— Я думаю, что главный этап — это выдержать тот натиск, который был на Южную Осетию, а через Южную Осетию проецировался на Российскую Федерацию, и не только со стороны Южной Осетии. Южная Осетия — одно из направлений. Это проецирование политического давления, давление политической силы было и через Абхазию, через бывшие республики Советского Союза. Я считаю, что Советский Союз был развален не из-за Узбекистана, Украины, Белоруссии, Южной Осетии или какой-то другой союзной республики. Советский Союз был развален из-за Российской Федерации. Потому что ядром, или точкой, силой притяжения для всех республик была Россия. И чтобы добраться до России, надо было разрушить оболочку вокруг нее. Где-то оболочка эта была прочная, где-то более слабая. Где эта оболочка была прочная, там народ сохранил силу духа: то, что вы называете Русским миром, сохранился там, где была надёжная оболочка русского народа. Где она была слабенькая, даже в период могущества Советского Союза, там развалилась.

И на Украине, между прочим, была прочная, мощная оболочка Русского мира. Но уже действовали, влияли внутренние процессы, которые сравнимы с химическими процессами, запущенными искусственно. Эти искусственно созданные химические процессы, причем процессы на уничтожение, сработали на Украине. Они могли сработать и в Южной Осетии, если бы тогда политические деятели, депутаты Верховного совета, депутаты 1-го созыва парламента Республики Южная Осетия повелись на предлагаемые тогда пряники. Посмотрите, как действовали: с 1989-го до 1991–1992 годов на нас было грубое силовое воздействие. Народ Осетии не испугался и не стал вопить «нас бьют и надо бежать!», а выдержал. И тогда стали предлагать пряники, но осетинской народ от этого отказался. Я считаю, что Русский мир отсюда никуда не уходил, сохранился здесь, живёт. И куда бы мы сегодня ни заходили, каждый человек говорит: «Спасибо России».

Хотя в 1991 году, когда ещё был Советский Союз, войска, что стояли здесь, за одну ночь вышли из Южной Осетии, и в эту же ночь зашли бандформирования Республики Грузия. Но это мы «проглотили», потому что понимали, что это далеко не Россия сделала: когда эти решения принимались, одним из политических деятелей, принимавших их, был Эдуард Шеварднадзе. Потом он пришёл к власти в Грузии, и тогда война началась ещё сильнее. Хотя в Южной Осетии надеялись, что возглавил Грузию тот, кто приехал из Центра, и потому должны последовать серьёзные политические шаги, которые приведут к определённой стабильности. Но этого не произошло.

Так вот, мы прекрасно понимали, что в 1991 году было лобби, которое требовало немедленного решения вопроса Южной Осетии. Причём не диалогом, не политическим путём, а именно физически решить. И под давлением этого лобби войска вышли.

Но и это нас не сломило. Мы ждали. И только 14 июля 1992 года Россия, прекрасно осознавая, что происходит вокруг, ввела в Южную Осетию миротворческие силы.

Но и на этом этап не закончился. Этап этого противостояния, войны для Южной Осетии был слишком длинным: фактически он длился последние два года бытия Советского Союза и до 2008 года. Первый этап — долгий, тяжёлый, кровоточащий — осетинский народ прошёл с верой, что Россия с нами, Россия нас не бросит, и завтра всё будет хорошо. В принципе, так и случилось.

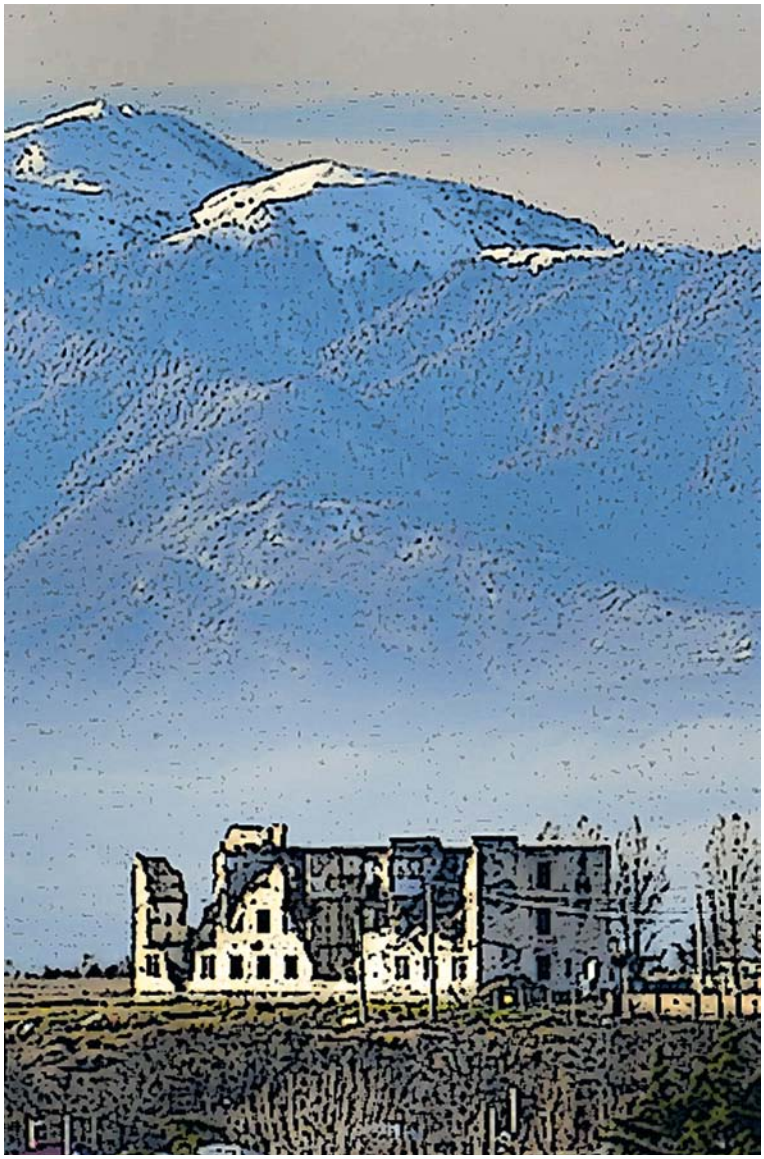
Второй этап — это 2008 год. Я считаю, что его надо делить на несколько этапов. Этап становления как государства, и этап становления как политического сообщества, самого общества. Экономическое развитие понятно: есть средства, которые выделяет Российская Федерация. Есть конкретные объекты, инфраструктура, которую надо выстраивать, социальные объекты.

И есть становление общества. И с 2008 до 2017 года, да и до сего времени это становление общества всё ещё идёт. Нельзя сказать, что общество сформировалось и нам как гражданскому обществу стремиться больше ни к чему не надо, мы можем выборы проводить спокойно и анализировать наши политические шаги, реализовать задуманное. Процесс ещё идёт.

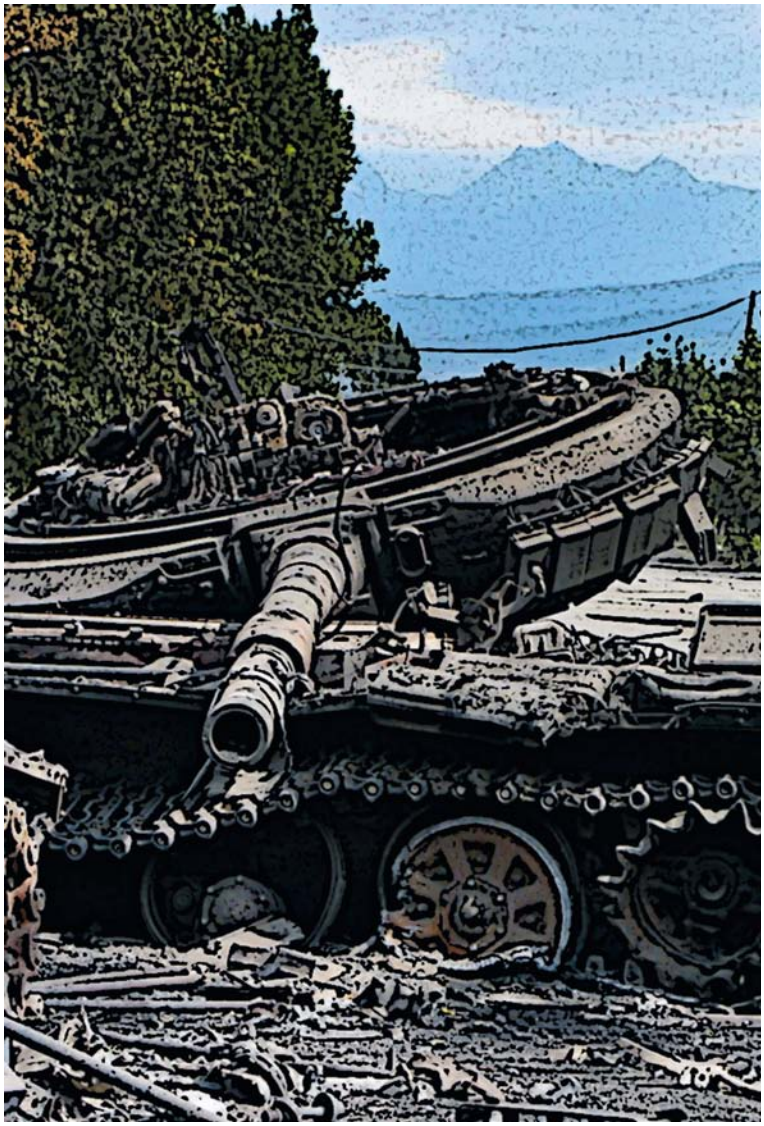
Но в любом случае путь, который общество Южной Осетии прошло во время выборов 2011 года, когда у нас был максимальный накал страстей, он пройден. В последующих выборах страсти уже немного улеглись. Однако выборы 2017 года говорят о том, что становление общества ещё идёт, хотя и уже не так болезненно, как в 2011 году. Я думаю, что два этапа развития, о которых я сказал, они основные не только для Южной Осетии, но и для осетинского народа в целом. Нельзя делить Северную и Южную Осетию, как нельзя делить, например, Ростовскую область и Краснодар. Это один народ. И поэтому этап, на который сейчас должен выходить народ Осетии, это этап к объединению!

— С Россией?

— Объединению с Россией и объединению самой Осетии. Этот этап в политическом смысле — самый сложный. И мы его будем проходить не так гладко, как могли бы пройти в 1992-м, в 1993-м годах. Тогда был проведён референдум, и почти 99% населения высказались за вхождение в состав Российской Федерации. Народу Южной Осетии было не важно, в каком качестве войти в состав Российской Федерации! Сегодня, когда многие почувствовали и свободу, и безопасность, а многие из-за того, может быть, что получают гранты, кто-то, возможно, потому, что сотрудничает с Западом, подобные лица вносят в общественное мнение сомнение. Ведь на Западе говорят: вы — народ свободный и должны делать то, что хотите. И предлагают: «Создайте свою Осетию, Северную Осетию отделите от России, объединитесь, и вот вам Осетия. Вы же великий народ, потомки скифов, сарматов!»



И на этих националистических нотках пытаются делать шаги, которые позволяли бы внутри осетинской общности развивать тему западно ориентированной независимости. Абсолютно не осознавая и не видя границы



этой независимости и не видя, что происходит за границами этой независимости и к каким результатам приводит такая форма независимости. И люди малообразованные, не знающие историю своего народа, многие, не понимая абсолютно того, что здесь происходит и какие силы сходятся в этих центробежных процессах, на это реагируют.

В то же время есть силы и в Российской Федерации, которые говорят: нам нельзя Южную Осетию присоединять, будут ещё большие санкции.

Но присоединится Южная Осетия или не присоединится, те санкции, которые вводит Запад против России, и сохранятся, и будут вводиться.

Вот Крым уже в составе России, все санкции по этому поводу введены. Так какой смысл было вводить новые санкции? Из-за Крыма? Из-за Южной Осетии? Из-за чего? Точно так же — будет Южная Осетия в составе России или не будет — санкции всё равно последуют. Так если мы понимаем, что эти санкции будут, почему бы тогда Южной Осетии не быть в составе России?

— Такая дискуссия идёт?

— Конечно, идёт. Это вопрос не южноосетинского народа, а вопрос осетинского народа вообще. Не может 60 тысяч осетин Южной Осетии развиваться отдельно от 750 тысяч своих собратьев, сокровников в Северной Осетии. Ну не может этого быть!

— Наверняка эту дискуссию вы ведёте не только среди своего народа, но и с политической и экономической элитой России. Как она проявляется, что вам говорят «за» и «против»?

— Самый главный аргумент, что это для Российской Федерации будет плохо.

— Подразумеваются санкции?

— Да. Но кто обещал, что будет легко? В данном случае бы понимаем, конечно, что да, в какой-то степени Осетии будет тяжело. Но осетины — народ терпеливый, подождём. Но уверенность — она же не вечная. Она потихонечку может гаснуть — уверенность в том, что мы войдём в состав Российской Федерации.

— Уверенность может погаснуть, а вера нет.

— Согласен с вами. Но если появятся силы, которые будут раскачивать ситуацию, говорить: «Вы — великий народ, вы должны развивать свою экономику, свою армию», я им отвечу: и армию, и экономику мы развиваем, но в одном экономическом пространстве с РФ и в одном военно-политическом пространстве с РФ, что делается согласно российско-югоосетинскому договору о сотрудничестве и интеграции от 2015 года. А самое главное — эту интеграцию поддерживает всё население Южной Осетии.

Но когда-то эти разговоры могут сработать. Так и сейчас, кстати, говорят. Когда спрашиваешь: а за счёт чего развиваться? Говорят: Южная Осетия — стратегический район, стратегическая территория.

Но с учётом того, какое высокоточное оружие сейчас есть в мире, уже и стратегические территории, что были раньше, не так рассматриваются.

Я считаю, что самым главным богатством, стратегическим элементом для Российской Федерации является народ, который живёт на территории Южной Осетии. Это самое главное.

А если говорить о территории… Потенциальным противником Российской Федерации на данном этапе не является даже Турция, несмотря на то, что она — член НАТО. То есть Ближний Восток, регион, от которого мы недалеко — Иран, Сирия, Ирак, — эти страны не является потенциальными противниками Российской Федерации. Что будет завтра — мы не знаем. Но сегодня вот так дело обстоит.

Напомню, что Осетия вошла в состав Российской империи в 1774 году. И для нас очень важно, чтобы мы были в составе Российской Федерации, чтобы осетинский этнос объединился. Нам важно быть частью большого Русского мира. А если мы по крупицам раздадим территорию: Южную Осетию, ещё что-то отделим, то здесь не будет оболочки для Русского мира и России в целом.

— Я читал ваши работы, сейчас слушаю вас и понимаю, что вы видите свою историческую миссию, ваш вход в президентство, вашу борьбу, которую вы вели и продолжаете вести, именно в этом — добиться, чтобы Южная Осетия вошла в состав России. В этом вы видите смысл своей политической жизни?

— По-другому я не представляю будущее Осетии. В 1750 году послы Осетии пошли в Санкт-Петербург просить царицу, чтобы она приняла Осетию в Российскую империю. Если бы это было не выгодно Южной Осетии, то южные осетины сказали бы: нет, мы не хотим, вы там за хребтом, идите и присоединяйтесь куда хотите. Не было деления. Осетия единой вошла в состав Российской империи. А если мы гордимся своими предками, то почему подвергаем сомнению правильность сделанных ими шагов? Тем более эти шаги были не случайны, а были связаны с тем, что Осетию уничтожала эпидемия, шло давление со стороны Османской империи, которая уже весь Кавказ захватила. Единственным островком, опять-таки, остались осетины, которые до конца сопротивлялись. И внешние факторы, и внутренние были абсолютно очевидны: была угроза уничтожения осетин как национальности. И наши предки правильно сделали: они думали о будущем, вошли в состав Российской империи. В итоге народ осетинский был спасён.

И после 20-х годов прошлого века, когда произошло разделение Северной и Южной Осетии, и Южную Осетию отдали в состав Грузии, фактически каждые 15 лет были народные волнения и требования, чтобы Южная Осетия вошла в состав Российской Федерации. В Цхинвале в 50-е годы образовался кружок студентов, которые начали борьбу за отсоединение от Грузии, за вхождение в состав Российской Федерации. Возглавлял группу студентов Владимир Ванеев, который умер буквально несколько лет назад. Их раскрыли и осудили: от 15 лет и выше получили, ему дали 25 лет.

Такие репрессии были действиями по уничтожению осетинской интеллигенции: её уничтожил не Сталин, не Берия, а уничтожило руководство Грузии. Потому что главное для них было, чтобы в Южной Осетии не было грамотных людей, потому весь цвет интеллигенции был уничтожен. Для них главное было — лишить южных осетин лидеров, обезглавить народ, чтобы были бессловесные люди, и они будут подчиняться тому, кого пришлёт Грузия. Ещё в 60-е годы в республику прислали алфавит, где было указано, что мы должны отказаться от кириллицы и перейти на грузинскую письменность.

Апогеем стали девяностые годы прошлого века, когда президент Грузии Гамсахурдиа сказал, что всех негрузин надо вымести из Грузии железной метлой, что осетины не должны иметь более 2 детей.

Это всё накапливалось, и когда Грузия почувствовала, что сила Центра, сила Москвы ослабла и позиция не такая твёрдая, то стала наводить «порядок», как и пыталась в 2008 году.

А вспомним Зарскую трагедию, где расстреляли убегающих детей, женщин, стариков. Или Эредская трагедия, когда вывели из автобуса людей и заживо закопали. И до сих пор на территории Грузии считаются без вести пропавшими 300 осетин. Тогда же был массовый исход осетинского народа из Грузии.

Разве это не геноцид? Осетин по всему миру не насчитывается миллиона человек: в 20-х годах XX века 60 тысяч было в Южной Осетии и 550 тысяч в Северной Осетии. Если из этих 600 тысяч было 50 тысяч погибших, так разве это не геноцид? Есть чёткие определения геноцида, и осетины под это определение попадают.

Но, слава богу, 8 августа 2008 года заработал русский реактор.

— Согласен абсолютно.

Анатолий Ильич, я совершенно уверен, что государства без идеологии не существует: если есть идеология, то есть государство, если нет идеологии, то нет государства. Иногда идеология не сформулирована, но она есть, и тогда государство, которое

исповедует эту несформулированную идеологию, может существовать и развиваться. Я ставил перед собой задачу понять, а может, даже и создать идеологию нового государства Российского. После крушения великой красной идеологии мы остались в идеологической пустыне. И возникла насущность создать идеологическое поле, в котором бы формировался кристалл нового государства. У меня были амбициозные желания. Я решил посмотреть на две тенденции. Первая — по каким законам развивалось русское государство на протяжении тысячи лет? И выяснилось, что история русской государственности — это история нескольких империй, которые возникали, исчезали, разрушались до нуля, возрождались, опять достигали цветения, падали в пропасть. И эта синусоида привела нас к сегодняшнему дню. То есть Россия может существовать только в виде имперского субстрата, или державного, если угодно. Это значит, Россия не может быть только русской, Россия всегда является сложнейшей мозаикой народов, культур, верований, языков, потенциалов развития. В этом её мировая уникальность. Значит, имперский многонациональный характер России обусловлен историей её существования. Когда этот принцип нарушается — мы исчезаем.

И второй принцип — это чертог, храм имперской государственности. Очень важно, что в него будет внесено, какая лампада будет зажжена в этом храме. Лампада, которая горела в русской государственности, — это идея божественной справедливости. Итак, два постулата этой идеологии — имперский характер истории и идея божественной справедливости.

Я сейчас двигаюсь по всем пространствам России и думаю: а в чём идея марийцев, в чём идея людей, живущих в Воронеже, в чём идея ледяного Ямала? И я убеждаюсь, что каждая из отдельных земель формулирует ту же самую идеологию — многонациональность, обожание соседа, обожание мира, в котором ты живёшь, обожествление его и идея божественной гармонии. И в Осетии всё это абсолютно налицо. Тема осетинских пирогов — это же абсолютная симфония. Это выжженная в тесте, в сыре идея божественной симфонии. Или идея священной рощи. Это опять-таки идея света, солнца, божества. Город ангелов! Такое злодеяние, такая страшная беда, а служитель, который потерял во время бесланской трагедии дочь, а во время столкновения сразил из винтовки одного из террористов, признался: сейчас единственное, что доставляет мне наслаждение — делать добро. Из этой крови, слёз он вынес философию добра, блага. В чём, по-вашему, может быть идеология Южной Осетии?

— Фактически вы уже сказали об идеологии, которую несут малые народы. Невозможно говорить об отдельной идеологии Южной Осетии. Её не может быть, и если даже она есть, она, я думаю, будет нежизнеспособна. Потому что мы не можем вырабатывать идеологию чисто югоосетинскую. Если мы не будем вырабатывать идеологию общую осетинскую, идеологию осетинского народа или идеологию народов, проживающих на территории Осетии, тогда говорить отдельно о какой-то идеологии как части чего-то общего тяжело, да и невозможно.

Можно сказать словами поэта: «Я знал одной лишь думы власть, одну, но пламенная страсть». Единственная идеология, которая может быть, — это идеология объединения осетинского народа. Это самое главное. Если глубже — идеология объединения осетинского народа в составе Российской Федерации, потому что осетины считают Россию своей исторической родиной. И если мы эту идеологию, которой не один год, а почти век, ещё не реализовали, другой идеологии быть не может. Вот когда мы эту идеологию, объединение Осетии, объединение с Россией на одном территориально-политическом пространстве, реализуем, тогда можно думать: а что дальше? Абсолютно убеждён, что стратегическая цель (а это фактически идеология), которая у народа Осетии была и есть с момента разъединения осетинского народа, она ни в коем случае не должна меняться оттого, что сегодня Южную Осетию признали Российская Федерация, Сирия, Венесуэла, Никарагуа, Науру, Тувалу. Идеология должна быть твёрдой, понятной, видимой, и что самое главное — досягаемой. Народ Осетии должен быть в этом уверен.

Мне говорят иногда: воевали за независимость. Нет, воевали за то, чтобы Южная Осетия была независимой от Грузии! В те годы самые тяжёлые все — и кто воевал, и учил, кто работал, кто не работал, старики, пенсионеры — все мечтали, чтобы Южная Осетия была в составе России. Для многих эта мечта так мечтой и осталась, их уже нет, а мы всё продолжаем мечтать.

— Я уверен, что она сбудется обязательно. Конечно, русский народ — это государствообразующий народ, державообразующий. На него ложатся все тяготы освоения, на поле брани русских больше гибнет — их больше всех, они несут это бремя. Но в многонациональном российском мире и каждый народ является государствообразующим. Южные осетины должны кровно ощутить, что они не просто под защитой России, что без Южной Осетии и Северной и Россия невозможна, что и Южная Осетия является государствообразующей, и она держит над собой купол звёздного неба, и она в 2008 году выдержала этот чудовищный удар истории. Вы правы — этот удар был направлен в самую сердцевину государства Российского. И осетины подставили себя под этот удар. Многие из них сгорели. И удар в Беслане — тоже был в сердцевину государства Российского. Вы правы: идеологию южных осетин нельзя формулировать саму по себе, эта идеология связана с объединением осетинского народа в русле российской государственности. При этом нужно, чтобы южные осетины считали себя одним из центров российской государственности и несли за это ответственность, и несли жертвы, как вы несли, и ещё бог знает какой у нас всех впереди исторический период, и как нам предстоит сражаться за нашу целостность и независимость.

— Абсолютно согласен. Причём вы прекрасно знаете, что фактически во всех исторических периодах, были они связаны с трагическими событиями или с развитием, осетины всегда занимали видное место. Если говорить о Российской империи, то осетины занимают первое место по количеству генералов, немало кавалеров георгиевских крестов. Если взять Великую Отечественную войну, то по числу генералов, Героев Советского Союза осетины занимают лидирующие позиции. Когда я в своё время поступал в военное училище, а до этого в кадетское училище, я очень хотел попасть в Афганистан. Но в училище поступил в 1988 году, а через год, в 1989 году, уже войска вывели из Афганистана.

И что касается также науки, осетины себя хорошо проявили, можно долго перечислять. А Вероника Дударова — первая женщина-дирижёр.

Так что в большом общежитии, где есть комната по названию «Южная Осетия», мы

себя неплохо показали. И прекрасно, дружно жили в этом общежитии, будь это Советский Союз или Российская Федерация. Осетины всегда могли дружить и не чувствовать себя на вторых ролях.

Александр Андреевич, вы — председатель Изборского клуба. И было бы хорошо у нас открыть отделение. У нас много мыслителей, и нам помощь Изборского клуба очень нужна.

— Обязательно создадим здесь отделение, Анатолий Ильич. И вы обогатите идеями российскую интеллектуальную мысль. Тема, на которую мы говорили, это и есть изборская тема. Ещё повоюем.

Брянск неопалимый

Коды, которые живут в глубинных представлениях русского человека, если их разбудить, позволяют народу совершать чудеса

И вот я на Брянщине, среди бескрайних синих лесов, мерцающих озер, речных излучин, среди белых церквей и розовых на заре монастырей. Какая прекрасная русская земля! И сколько же ей досталось! Сколько бед и пожаров, сколько тьмы носилось над этой землёй, пытаясь ее испепелить, уничтожить! Тут проносилась огнедышащая конница крымских татар, двигалась, как туча, Орда, мучили эту землю литовские завоеватели, польские рейтары. Шёл на Брянск своенравный француз. Как страшные демоны, надвинулись на Брянск фашистские полчища. Каждый раз всё сгорало дотла и вновь возрождалась, неподвластное огню.

Не об этой ли земле сказал наш великий Гоголь: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая пересилила бы русскую силу?» Брянск неопалимый. Неопалима брянская мечта о благе, красоте, величии русской земли. Сам город, в Великую Отечественную войну превращённый в черные черепки, вновь вознесся в своей очаровательной провинциальной русской красоте. Просторные зеленые острова среди города. Милая, обрамлённая нарядной набережной Десна. Театры, концертные залы с колоннадами и фронтонами сталинского ампира, стеклянные кристаллические формы современного конструктивизма.

Брянская мечта, какая она? В чём её таинственная восхитительная сила? В чем природа её неопалимости? Какова она, брянская неопалимая купина?

В центре Брянска на высокой зеленой горе стоит памятник Пересвету — святому русскому витязю. Этот памятник драгоценен брянскому сознанию. Пересвет родился на Брянщине в неведомом месте, но именно здесь — среди брянских цветов, брянских ручьев, брянских снегов, брянского звёздного неба. Словно пролетела над Брянщиной какая-то таинственная падающая звезда, и родился этот удивительный русский витязь. Его послал на Куликовскую битву преподобный Сергий из Троице-Сергиевой лавры. Он наказал этому витязю биться насмерть и спасти русскую землю от ордынского воинства. Пересвет знал, что его копьё короче копья его соперника Челубея. Он знал, что ему обычным способом не достать Челубея, и тот сразит его, вышибет из седла и убьёт. И тогда Пересвет снял с себя доспехи, снял монашескую рясу и, обнажённый по пояс, вскочил в седло, взял своё короткое копьё и помчался навстречу врагу. Могучий татарский богатырь Челубей пронзил Пересвета и приблизился к нему. И Пересвет уже, быть может, мёртвый ударил своим коротким копьём и вышиб богатыря из седла. Куликовская битва, от которой повелось священное государство Российское, принесло победу русским. И Пересвет показал русским людям эту удивительную способность нашу, отстаивая землю, уничтожая врага, дотягиваться до него любой ценой, даже ценой своей собственной жизни. Поэтому душа Пересвета, мечта Пересвета, смысл Пересвета переходит из века в век, из одного русского поколения в другое. Во время сражения под Москвой в 1941 году лётчик Талалихин, израсходовав все свои боекомплекты, ринулся на своем «ястребке» на немецкий «Хенкель», летевший бомбить Москву, и срезал его хвост винтами самолёта. А Александр Матросов, который закрыл своей грудью амбразуру немецкого дота, принял этот удар на себя и умертвил этот дот, позволил Красной Армии наступать. А 6-я воздушно-десантная рота, которая отправилась в чеченские горы и легла там костьми, не допустив врага. Это тоже русский Пересвет.

Брянщина — страна великого партизанского движения. Партизанские силы, партизанские армии били фашистов в то время, когда те прокатились по брянской земле и наступали на Москву.

Это здесь, в Брянске, родилась изумительная песня «Шумел сурово брянский лес». Отсюда повелась другая удивительная партизанская песня «Ой, туманы мои, растуманы». В Брянске оставались целые районы, куда не ступала нога фашистов. Там оставалась советская власть, там оставались русские школы, оставался русский уклад. На Брянщине существует удивительный мемориал — «Партизанская поляна».

Среди сосновых лесов и дубрав открылось пустое пространство. В этом пространстве высится множество памятников, каждый из которых — памятник одному из отрядов, воевавших на Брянщине. Здесь же — мраморные плиты, на которых золотом высечены имена тысяч погибших партизан. Эта брянская «Партизанская поляна» напоминает о партизанских подвигах, о карательных отрядах, о виселицах, на которых вешали пленных партизан. О поездах и составах с немецкими танками, пущенных под откос партизанами. Эта поляна уставлена рядами боевой советской и российской техники. Танки, БТРы, дальнобойные гаубицы, вертолеты. Этот ряд боевых машин напоминает о нашей мощи, о нашей способности защищаться и сражаться. На этой поляне всегда людно. Сюда приходят ветераны, здесь устраиваются военные праздники, звучат оркестры, поют песни. Сюда приходят матери с детьми, даже с грудными. И в партизанской штабной землянке в три наката директор музея Леонид Васильевич Филин налил мне горькую стопку, и я выпил ее, поминая партизанских мучеников и героев, запивая эту горькую стопку ключевой водой из алюминиевой кружки.

На брянской земле множество памятников войне. Есть памятник танкистам, памятник артиллеристам, памятник авиаторам. Но среди них есть один удивительный памятник — памятник военному шофёру. Он стоит в придорожье. В огромной гранитной плите иссечена фигура водителя, который за рулём своей утлой полуторки мчится по военным дорогам. «Мы вели машины, объезжая мины, по путям-дорогам фронтовым». Этот водитель в те годы, небритый, согбенный, в закопчённой

фуфайке, здесь, на памятнике, выглядит величественно, как русский великан. И все машины, проезжающие мимо этого памятника: и дорогие иномарки, и фуры, везущие электронику или другие товары, — все они издают сигналы, отдавая честь этому неведомому шоферу и этой изнурённой военной полуторке.

В советское время Брянск был сгустком оборонной промышленности. В Брянск даже не пускали иностранцев — так много было в нем секретных предприятий. После 1991 года разрушительная буря снесла с лица земли множество заводов и лабораторий, погубила драгоценные технологии. По недомыслию или злой воле «молодых реформаторов» страна теряла оборонный потенциал. Но вечный мир с Западом не состоялся. Снова на Россию задули тяжёлые свинцовые ветры.

Брянская оборонка в великих трудах стала возрождаться. Неопалимый Брянск вновь демонстрировал свои неопалимые русские силы. Брянский автомобильный завод, казалось, погиб. Как в мёртвом улье, в нём продолжала шевелиться горстка рабочих. Но продукции больше не выпускалось. Однако оставшемуся живому угольку не дали погаснуть. Пришли деньги оборонзаказа. Нашлись энтузиасты. Собрался костяк мастеров, инженеров, и завод задышал, заработал. Сейчас он производит громадные тяжеловесные тягачи. На этих тягачах возят зенитные ракеты С-200, С-300, С-400, а завтра повезут С-500. Эту многоосную громаду испытывают во льдах Арктики. На своих толстых резиновых колёсах тягач не продавливает хрупкий грунт тундры, способен перевозить громадные арктические грузы. Тягач испытывают в горячей астраханской степи, ибо русские зенитные комплексы покупают страны Ближнего Востока, Индия. Эти брянские подвижные платформы кочуют по Сирии, где разбросаны батареи С-200 и начались поставки российских С-300. Отсюда, с этого брянского завода, ты попадаешь в самый центр клокочущих мировых конфликтов. Эти громадные, похожие на динозавров машины прошли 9 мая по Брянску, где состоялся военный парад. Они появляются на праздниках труда, где их украшают цветами и нарядными гирляндами. Творцы этих уникальных машин сказали мне, что брянская мечта для них — в семейном достатке, в достойной жизни. Но она также и в процветании родного завода, в укреплении безопасности и могуществе Родины, в укреплении мира во всём мире.

Другой брянский завод — БЭМЗ — занимается сложнейшей электроникой. Он делает радары для истребителей, которые рассекают небо Сирии, участвуя в разгроме террористов. Эти изысканные небольшие антенны со множеством сложнейших деталей создаются здесь, на заводе, и вся элементная база, ещё вчера добываемая заводом на мировых рынках, сегодня — отечественная, российская, её делают здесь же, на Брянщине. А ещё этот завод создаёт могучие системы радиоэлектронной борьбы. Тяжеловесные фургоны с антеннами развешивают на небе помехи, которые забивают электронику атакующих вражеских самолётов, ослепляют корабли, глушат наземные средства разведки. Этими тихоходами окружаются военные объекты. Центр управления войсками движется вслед за соединениями во время их наступления. Они создают невидимую электронную завесу, непроницаемую для вражеских радаров и прицелов, ослепляют врага, делают Россию страной-невидимкой.

Брянская краса — Свенский Свято-Успенский монастырь. От его белых стен открываются такие дали, такие необъятные просторы с озёрами, реками, пролетающими птичьими стаями! И ты начинаешь молиться не монастырским крестам, а этой божественной русской красоте, среди которой ты рождён, которая наделила тебя чудесным свойством любить и лелеять драгоценную русскую землю. Чудо — вот о чём говорят русские монастыри и о чём говорит Свенский монастырь. Его основал в XIII веке брянский князь Роман, увидев на берегу реки Свень дивную икону. Сегодня она так и зовётся — Свенская Божья Матерь, почитается здесь как чудотворная. Всяк, посещающий монастырь, к ней прикладывается. В 1812 году к Брянску подходили французские отряды, собирались штурмовать монастырь. Но монахи вышли из стен монастыря с образами, обошли монастырь крестным ходом, и французская конница отвернула. Её прогнали не ядрами, а таинственным светом русских чудотворных икон. Настоятель монастыря отец Алексий, чьими непрерывными радениями восстанавливается переживший разорение и погром монастырь, сказал, что православный человек видит чудо в каждом мгновении. Поистине чудесно появление здесь великолепного громадного Свято-Успенского собора. Он был взорван в 1930 году, а теперь явился, как во сне, сияя золотыми главами, сверкая нарядным иконостасом. Рабочие, которые восстанавливают этот собор, сказали мне, что испытывают благоговение, прикасаясь к его камням, видя, как голубые лучи солнца падают сквозь оконные проёмы на чудотворную икону.

Беседуя с отцом Алексием, я размышлял об удивительной программе, которая осуществляется в современной России, — восстановление алтарей и оборонных заводов. Алтари соборов, престолы монастырей, откуда возносятся в небо молитвы, накрывают Россию невидимым покровом Богородицы, сквозь который не проникают злые умыслы, злые каверзы врага. А оборонные заводы создают российское оружие, которое защищает земные пределы России. Могучие установки, создающие радиоэлектронные помехи, ослепляют самолёты и ракеты противника. Они подобны молитвенным алтарям и иконам, которые отгоняют от России духовное зло. Отец Алексий, говоря о брянском чуде, увидел это брянское чудо, эту пасхальную мечту в непрерывном пасхальном воскрешении русской земли, воскрешении

русской души, если она вдруг затмилась и исполнилась пагубой.

У стен Свенского монастыря на широком Андреевском лугу каждый год в августе проходит свенская ярмарка. Сюда со всей Брянщины, из районов, из городков, с фермерских хозяйств люди свозят плоды земных трудов. Чего только не встретишь на этой ярмарке! Всевозможная снедь, забавные игрушки. Ты наешься вкуснейших сыров, напьёшься сладчайшего деревенского кваса, примеришь просторные, катанные из белой шерсти валенки. Печники тут же, размахивая мастерками, сложат тебе русскую печь — одну, другую, третью. И в каждой горит огонь, пекут блины. Тебя здесь начнут уверять, что символом России является не космический корабль, не грозная подводная лодка, а русская печь, которая улетит на орбиту, станет носиться вокруг Земли, раздавая народам мира блины. Сюда брянский народ съезжается не только поторговать, посудить-порядить, а разгуляться, развеселиться, сойтись вместе, поглядеть друг на друга. Русский человек не может жить в одиночку. Он ищет соседа, брата, сотоварища, хочет потолкаться, выпить чарку, обняться, постучать башмаками по земле, отплясывая лихую кадриль. И ты, вытанцовывая вместе с ними, поднося к губам горькую чарку, испытываешь блаженство, радость, благодаришь небо за то, что ты — русский и живёшь среди русских.

Брянщина ещё недавно считалась землёй разорённого сельского хозяйства, обезлюдевших деревень, незапаханных полей. Таинственная сила, каждый раз воскрешающая Русь из мёртвых, коснулась и брянских деревень. Появилось на Брянщине удивительное фермерское хозяйство. Оно стало разрастаться, богатеть землями, тракторами и комбайнами, превратилось в процветающий холдинг «Добронравов Агро». Дмитрий Константинович Добронравов, хозяин предприятия, взял в аренду, а потом и купил сотню гектаров пашни и стал возделывать картофель. Он понял смысл передовых аграрных технологий, которые в Европе позволяют собирать невиданные урожаи картофеля и зерна — до ста центнеров с гектара. Стал перенимать эти технологии, ездить в Европу, встречаться с фермерами, выведывать, высматривать, переносить на русские земли голландские и немецкие ухищрения. Его денные и нощные труды, его увлечённость, смекалка создали почти на пустом месте мощное развивающееся хозяйство. Он вовлёк в своё дело детей — сына и двух дочерей. И вот она, русская семья, показывает на земле чудеса. Сын хозяина, Дионис Дмитриевич Добронравов, молодой,

цельный, приветливый, рассказывал мне о семейных трудах. Фуры, груженные отменным картофелем, разъезжаются по всей России. Огромные, как авиационные ангары, картофелехранилища, где работают компьютеры, воздуховоды, непрерывные конвейеры. Цифровая экономика и картофельное поле — как они далеки друг от друга! Какое отношение к картофелю имеет цифра?

Вот обширное, почти до горизонта, картофельное поле. Его вспахивает десяток тракторов. Движутся мерно, спокойно, тянут за собой безукоризненно ровные, как по линейке проведённые борозды. Эти трактора управляются не трактористами, а компьютерами. Тракторы-роботы. Они проводят безукоризненную борозду, и этой точной геометрии подчинена последующая посадка картофеля, обработка всходов, уборка. Эта безукоризненная прямота борозд исключает сбои и позволяет увеличить урожай на 10%. Молодой Добронравов, как и его отец, ездит в Европу, в Америку. Знает языки, общается с известными европейскими и американскими фермерами. Этот интеллигентный, владеющий множеством знаний предприниматель, кто он? Русский крестьянин или представитель новой профессии, еще не имеющей своего названия, превращающий упадочные деревни в деятельные, процветающие хозяйства?

И не таким ли новатором является объявившийся в маленьком городке Севск Алексей Анатольевич Мартыненко — создатель замечательного предприятия по производству сыров? Его завод «Умалат» чем-то напоминает современное нефтеперерабатывающее предприятие. Серебряные цистерны, реакторы, металлические башни. Там происходят биотехнологические процессы превращения молока в сыр. Их множество, этих сырных сортов, которыми потчевал меня Алексей Анатольевич. Казалось бы, санкции опустошили магазинные прилавки, убрали с них целые серии итальянских сыров, повергая в тоску и негодование гурманов. Но их заменили брянские сыры, изготовленные по тем же итальянским рецептам. И когда на завод приезжают итальянцы из Сицилии и пробуют сыры, то только качают головами. Эти сыры не отличаются от их, итальянских. Брянская мечта, о которой мы говорили с Алексеем Анатольевичем, она для него в том, чтобы явиться в унылое, бедное, опалённое невзгодами захолустье и создать здесь производство лучших в России сыров.

В картофельном хозяйстве я спросил у молодого Добронравова: есть ли

у картофельного клубня душа? Он подумал и сказал: души у клубня нет. Но человек вкладывает в него свою душу. Мартыненко на свой лад повторил эти слова. Сыр, чтобы он был вкусным и добрым, должен твориться с любовью. Твоя любовь — в сыре и в этих удивительных людях, которые пришли на завод из своих печальных запущенных жилищ, а теперь, работая в стерильных цехах, они напоминают своими белыми костюмами операторов атомных станций. Брянская мечта — в неопалимости, в творчестве, в любви.

Брянские земли опалил Чернобыль. Люди покидали родные места. Но все годы со времени страшной трагедии эти земли восстанавливались. Каждый клочок земли, каждая деревня освобождались от ядов. И теперь сюда возвращаются прежние обитатели. Поля колосятся, а в лесах появились зубры и медведи.

Губернатор Брянской губернии Александр Васильевич Богомаз сам из этого аграрного мира. Он обожает землю, верит в её плодоносящую неограниченную мощь. Ещё до губернаторства он собрал небольшой кружок фермеров, где каждый хозяин, еще не умея хозяйствовать, поклонялся земле. Собралась негласная община этих землепоклонников. Богомаз обучил их технологиям: осмысленное внесение в почву удобрений, борьба с вредителями, время и способы пахоты, своевременность уборки. Эти технологии, которые долгое время были неведомы русскому крестьянину, баснословно повышали урожай. Технологии себя оправдали. Фермеры разбогатели, в несколько раз увеличили свои хозяйства, создали картофельное и зерновое братство, освоили и продолжают осваивать рынки. Брянский картофель уходит аж до Магадана. А сам Богомаз, став губернатором, лелеет любимое им сельское хозяйство, которое сегодня, после долгих лет упадка, переживает подъём. Мы говорили с губернатором о том, что помимо традиционных способов управления предприятием, областью или человеческим обществом, помимо политических технологий существует арсенал нигде не записанных, но живущих в народном сознании ценностей. Коды, которые живут в глубинных представлениях русского человека, если их разбудить, позволяют народу совершать чудеса, претерпеть великие трудности, одолеть уныние, спасти отечество от напастей, порой не жалея живота своего.

К этим ценностям и таинственным кодам относятся представления о Русской мечте, о русском реакторе, который зажигает свои топки в сердце каждого русского патриота. О святости русской истории, о пасхальном смысле русской истории, где государство Российское всегда после великих потрясений и упадков вновь возрождается и продолжает цветение. Брянская мечта, считает губернатор, и есть эта способность воскресать, возрождаться из пепла, превозмогать все пожары и все потрясения. Это таинственное свойство русской истории, русской души связано с русским чудом. Эта категория непонятна неверующему человеку, неведома рационалисту. Но понятна тому, кто видит в мироздании промысл Господа, кто верит в то, что Россия нужна Господу, что Бог её не покинет, что Россия — божья страна. Россия — чертог Богородицы.

Тайные знания о России как о стране небесного чуда открывались во все века русским писателям и поэтам. Брянщина — Родина вещего русского слова. На Брянщине, по преданию, родился вещий Боян. Его гусли играли песни, под которые вставали города и посады, сражались русские витязи, спускались с печи русские богатыри и хватали за бороду Соловья-разбойника. Боян — то ли человек, то ли дух, то ли священная музыка, родился здесь, на Брянщине. Луч божественного света упал на какую-нибудь деревеньку или седой курган.

На Брянщине родился Алексей Константинович Толстой: «Колокольчики мои, цветики степные, что глядите на меня тёмно-голубые». Это изумительный прозаик. Русские люди зачитываются его «Князем Серебряным». Он удивительный драматург. Мы смотрим в театрах его пьесы о Борисе Годунове и Грозном царе, и царе Фёдоре Иоанновиче. Он мечтал о славянском единстве в пору освободительных балканских войн. Это единство казалось близким и необратимым. Увы, и по сей день оно не сложилось. И Брянщина, где сходятся три славянских земли — Белоруссия, Украина и Россия — мучительно переживает этот сегодняшний распад. «Конь мой, конь, славянский конь, бурный, непокорный».

Здесь же, на Брянщине, среди голубых дубрав и студёных озер родился Тютчев. В городке Овстуг стоит его чудесная усадьба. Янтарно-жёлтый дом с белоснежными колоннами, пруды, где плавают лебеди. Удивительный памятник. Поэт сидит с закрытыми глазами, как будто он погружён в себя. Пророчески видит русские судьбы, русские грядущие страдания и великие победы. Это он сказал, что «умом Россию не понять», «в Россию можно только верить». Он чувствовал Россию как великую божественную тайну, как страну, принимающую на себя все тёмные стихии мира и превращающую их в свет. В этих схватках с тьмой Россия несёт огромные траты, исчезает, почти гибнет. Но потом вновь воскресает, раскрывает миру дивные лепестки своего неопалимого цветка. В Россию можно верить как в чудо — оттого русский человек так любит свою землю, украшает её волшебными храмами, слагает о ней такие дивные песни и стихи.

Я двигаюсь по Брянщине то пешком, то по «чугунке», то в вертолёте, на котором отец Алексий вместе с моими друзьями-брянцами возносит в небо чудотворную икону и облетает вместе с ней Брянк. Я чувствую брянскую мечту как способность постоянно воскресать в своей неопалимой красоте. Я иду, и во мне звучит стих русского поэта: «Передо мною куст терновый в огне горел и не сгорал».

Волшебные технологии

Беседуют Александр ПРОХАНОВ и губернатор Брянской области Александр БОГОМАЗ

– Александр Васильевич, во время наших встреч вашим ключевым словом в беседах было слово «технологии». Когда вы рассказывали об агровзлёте — урожаях картофеля, зерновых, — то говорили, что вопрос решили технологии: поиск этих технологий и их реализация. Но ведь кроме агротехнологий есть и политические технологии. Эти политические технологии используются при выборных кампаниях, при создании общественных инициатив. По существу, с помощью этих технологий ведётся управление политическим процессом, то есть управление народом. Народ управляется с помощью сложного набора политических технологий. И чем сложнее ситуация, тем сложнее эти политические технологии, которые запускаются лидером в зависимости от его намерений, способностей, одарённости. Какие политические технологии вы используете в этот довольно непростой для нашего общественного сознания момент?

— Александр Андреевич, я считаю, что технологии — они хороши, но лучше, когда мы с людьми разговариваем на простом русском языке. Мы

сегодня людям рассказываем о том, что делаем, что сделали и что будем делать в дальнейшем. И когда люди видят, что мы не просто говорим, но и реализуем намеченное, то они поддерживают нас. Ведь можно пообещать и ничего не сделать. А когда твоё обещание носит выверенный характер, оно выполняется, это находит отклик у людей. Например, жизненно важен вопрос состояния дорог. У нас в области более 10 тысяч километров дорог — муниципальных и региональных. И понятно, что мы не можем привести их в должный вид за один год. А мы говорим: вот мы это сделали, вот это будем делать. И люди видят, что после обещаний дороги прокладываются, ремонтируются, и в разы больше, чем раньше.

И так во всех направлениях. Рассказываем людям и о наших намерениях в области медицины: что собираемся делать, каковы планы. Конкретный пример: мы предпринимаем шаги по оснащению больниц и сразу же принимаем программу по покупке квартир для молодых специалистов, которые придут работать в нашу медицину в ближайшее время. Принята программа на следующие три года: 2018-й, 2019-й, 2020-й. На покупку квартир молодым врачам выделен миллиард рублей — порядка 700 квартир будет куплено. Учитывая, что у нас сегодня в медицине работает 5200 врачей, мы, по сути, на 20% пополним и обновим кадровый состав, то есть привлечём молодёжь в нашу медицину.

А возьмите спортивные сооружения. Мы обсчитываем, выверяем свои возможности, смотрим, что в состоянии сделать, и начинаем достраивать или строить новые спортивные сооружения. И вводить их в строй не на протяжении 10–15 лет, как это было, а на протяжении 1–2 лет.

И жители нашего региона, видя такую работу власти, всё больше доверяют ей и понимают, что власть сегодня работает на людей, которые живут на территории Брянской области. Самое главное — не давать пустых, ничем не подкреплённых обещаний.

— Я много двигаюсь по России. Проект «Русская мечта», который я затеял, который привёл меня к вам в Брянск, позволяет мне встречаться с большим количеством людей: с рабочими, сельскими жителями, интеллигенцией, с управленцами, иногда с довольно крупными политиками. Мы все понимаем, что ещё совсем недавно народ пережил такой всплеск ликования, связанного с Крымом! Возвращение Крыма породило поразительное единство в нашем народе, и в наших сердцах зажглись небывалые, давно забытые огни. А спустя несколько лет солнце Крыма стало как бы тускнеть, на него надвинулась какая-то дымка — дымка печалей, неурядиц, экономических трудностей, дымка дороговизны. К тому же мы находимся в состоянии огромного давления извне. В бюджете нет денег, возможности ограничены, чтобы заткнуть все дыры, а народ требует улучшения своей жизненной инфраструктуры. Народ устал от обещаний, ведь не все обещания, даже данные очень высокими лицами, выполняются. И эта человеческая печаль труднопреодолима.

Конечно, на народ можно воздействовать понуканием, иногда даже силовыми приёмами всевозможного принуждения, но этого недостаточно. Я думаю, что, по-видимому, в эти тяжёлые периоды, когда Россия проходит историческую узкость, этакое игольное ушко, необходимо задействовать присутствующие в народе глубинные коды, которые всегда позволяли нашему человеку выстаивать, переходить через сложные моменты или организовываться для огромных коллективных деяний. Эти коды, если их правильно нащупать, если их тронуть, как клавиши, начнут работать, звучать и действовать помимо всего того, о чём вы сейчас сказали. Этими кодами пользовались все наши великие правители начиная с Петра, может быть даже и раньше, начиная с Грозного, и вели державу через нашествия к победам, к одолениям. Что это за таинственные коды русского человека, которые делают нас неодолимыми? И как задействовать эти коды?

— После 1991 года мы все пережили трагедию, когда начала дробиться страна и от России откалывались все, пытались отойти и республики, которые входили в состав России. И когда Крым вернулся в Россию, мы поняли, что Россия — великая страна. Раз к нам хотят вернуться, значит, мы великие.

А дальше все зависит от нас. Зависит от вас, от публицистов, от журналистов, от телевидения. Очень важно, что мы будем говорить и внушать нашему народу. Мы будем оптимистами или пессимистами?

Давайте посмотрим, как нам подают, к примеру, западные ценности. Говорят о том, как человек хорошо там живёт, может себе позволить не покупать жильё, а брать внаём. Выдают это как преимущество. Но никто не говорит или очень мало и редко говорят, что на Западе, в той же богатой Германии, человек не может себе позволить купить жильё. Что только 20%

жилья там в собственности, а 80% — это жильё внаём. А у нас в России 90% — это собственное жильё граждан. То есть мы видим не те стороны, которые должны видеть. И создаётся неправильное представление. Зарплата на Западе по нашим меркам высокая: рабочий получает 1,5–2 тысячи евро, это около 120–150 тысяч рублей. А по их меркам это немного, там жизнь дорогая. Нам надо видеть свои преимущества.

И нам нужно внедрять технологии во все сферы нашей жизни: в сельское хозяйство, промышленность, ЖКХ, политику, образование. Мы должны брать лучшее. Страны Запада сама жизнь вынуждала технологиями заниматься, потому что у них страны небольших размеров, у них всё в уменьшенном виде по сравнению с нами. У них природные ресурсы невелики: мало земли, воды, полезных ископаемых, поэтому, чтобы выжить, жизнь заставляла их заниматься прогрессивными технологиями.

У нас всего этого было много. Да и сегодня 1/7 часть суши принадлежит нам. 52% земли мира — тоже наше. Это значит, можно выращивать продукцию сельского хозяйства. А мы это не используем. А если мы будем это использовать, если будем правильно показывать свои преимущества, то, чего можно достичь, что можно сделать, то всё будет хорошо. Но если свои преимущества не будем демонстрировать, а только показывать красивую жизнь на Западе, то будем пессимистами. А должны быть оптимистами. Мы должны понимать, что мы лучшие, мы великие. У нас великий народ, великая страна, великие богатства. Но мы всё это должны реализовать. Понимать, в чём сегодня наши недоработки и их устранять.

— Россия, в отличие от западных благополучных стран, всю жизнь находилась под чудовищным давлением внешних и внутренних обстоятельств. Эти обстоятельства очень часто бывали трагическими. И в этих трагических обстоятельствах другие народы, другие страны, может быть, просто исчезли. А Россия, русский народ в этих обстоятельствах включал свои таинственные глубинные ресурсы, волшебные технологии, которые помогали ему переплывать чёрные озёра истории. Каковы эти ресурсы у Брянщины, например? Пересвет — это же грандиозный ресурс! Подвиг Пересвета с его копьём был повторен Талалихиным во время тарана немецкого «Хейнкеля», был повторён Матросовым, который закрыл грудью немецкий пулемёт, был повторён 6-й воздушно-десантной ротой, которая легла костьми. Этот ресурс — «я врага достану ценой собственной жизни. И поэтому я, как Пересвет, раздеваюсь почти донага и позволяю противнику пронзить меня копьём, и в результате этого я достаю до него и убиваю. Или я обматываюсь гранатами и ложусь под танк, но танк не проходит к Москве». Это один из ресурсов. Или, например, как Красная Армия голодная, на полуживых конях сумела одолеть Антанту, выиграть Гражданскую войну? И эти уцелевшие конники смогли построить предвоенную цивилизацию заводов! Конечно, там были принуждения, были всевозможные формы насилия, но там была огромная сверхзадача, огромная мечта, ради которой люди иногда откладывали на потом всё насущное, жертвовали последнюю копейку на облигации, чтобы поддержать армию, промышленность. А сейчас какая мечта? Я охочусь за этой мечтой. Я — охотник за мечтой.

— В характере русского человека — не быть покорённым. Вспомним Гражданскую войну — тогда наше общество разделилось. Потом была Великая Отечественная война, и дети белых офицеров встали на защиту не советской власти даже, а своей Родины. «Не может быть плохой страна» — был девиз. Для них был плохой Сталин, но страна плохой не может быть. И это тоже сущность русского человека — мы не можем быть покорёнными. Благодаря этим нашим качествам на протяжении многих веков наши предки собирали земли и создали великую страну.

А вот когда у нас становится хорошо, мы перестаём всё это ценить. И сегодня мало кто вспоминает, как мы жили в 90-х, в нулевых годах. Когда не было работы, не было перспективы, когда у нас была слабая армия, когда просто не знали, чем будут заниматься наши дети, где они будут работать. У нас сегодня, когда появилась определённость и перспектива, кое-кто говорит: что-то не то, как-то не так, должно быть больше и лучше.

Я считаю, что мы должны обратиться сами к себе, и детей своих воспитывать по такому принципу: не тебе обязаны дать, а что ты лично дал? С детства необходимо прививать эти ценности, чтобы ребёнок понимал, что сегодня его воспитывают, обучают. Но в дальнейшем он должен дать что-то для общества, для страны. Вот бойцы 6-й роты понимали, что не им должны дать, а они должны дать. Поэтому 84 человека устояли против 1,5 тысячи. И отдали жизни. Вот те качества, те принципы, при которых Русская мечта будет воплощена.

А не будем этого делать, будем учить ребёнка тому, что тебе все обязаны, что получится? И кто тебе чем обязан? Принцип коммунизма «от каждого по способностям, каждому по потребностям» не проходит. То есть по способности ты можешь забить гвоздь, и в день забиваешь один гвоздь. По потребностям — тебе нужно целого быка съесть. И вот тебе будет бык, будет машина, будет квартира, будут другие ценности. А кто их будет создавать? Тогда мы должны были бы поработить полмира, чтобы они на нас работали. Но мы никого не порабощали, это не в нашем характере. А если мы будем учить детей, что ты должен работать, должен приносить пользу своей стране, своему народу, ты часть этой страны, часть великой нации, тогда у нас всё будет хорошо.

На Западе не всё так хорошо, как говорят. У нас великие ресурсы, полезные ископаемые, у нас водные ресурсы — у нас всё есть, только нужно работать. Работать на своей земле, в своей стране, со своим народом. Тогда и мечта будет воплощена в жизнь.

— Были же на земле народы, от которых и памяти не осталось, только одни черепки, могильники. Значит, их что-то смело с лица земли. Но все сегодня живущие народы, самые маленькие, и у нас на родине, и в мире — это народы-мечтатели. Потому что в каждом народе живёт безымянная, может быть, неназванная, мечта, которая позволяет этому народу заглядывать в завтрашний день, за горизонт, преодолевать беду, полагая, что она временна: солнце взойдёт, Крым вернётся. Мы знали, что он вернётся. Некоторые народы эту мечту сформулировали. Есть американская мечта — град на холме. Китайцы сейчас внесли категорию китайской мечты в партийные документы, связав её с Великим шёлковым путём. А Русская мечта? Ведь русский народ — один из самых мечтательных. Русские сказки — это сплошная мечта. Тютчев — великий мистик и мечтатель. Весь Серебряный век, ранние большевики, Толстой и Достоевский… Мы — мечтатели. И сегодня мы мечтаем. Мне кажется, что большая наша российская мечта складывается из мечтаний отдельных земель, отдельных народов. Я был на Ямале, там, где ледокол, скованный льдами, с трудом пробирается к Сабетте, почувствовал, что такое ямальская мечта. Я побывал в Марий Эл, в священных рощах, где молятся солнцу, птицам о благополучии. Побывал в Северной Осетии и в Южной Осетии. Чтобы понять большую нашу Русскую, российскую мечту, надо понять мечтания отдельных земель и сложить букет из этих цветов. А что такое брянская мечта?

— Александр Андреевич, мечта у всех — это улучшение жизни. Наш край — патриотический, потому что какая бы война ни была, она проходила через Брянск. Наше население было и под игом татаромонгол, и фашистских захватчиков, и польских. И потом народ же и сбрасывал эти оковы! И это не может не влиять на характер и устремления людей. Недавно была 75-я годовщина освобождения Брянщины. Отметить этот великий наш день собралось более 100 тысяч населения. Это говорит о чём? Что мы не только мечтатели, но мы ещё и продолжатели тех славных традиций, которые были заложены нашими предками.

Я считаю, что мечта каждого человека — в способности его самореализоваться. У меня есть много знакомых, которые выросли в простой семье: один с матерью без отца, второй с бабушкой… И один стал народным артистом России, второй — Героем России. Я им говорю: чаще бывайте в школах, общайтесь с детьми, рассказывайте о том, что какой бы ни был строй — социалистический, капиталистический, — у каждого есть возможность добиться успехов. Это тоже мечта нашего человека. Когда мы говорим об американской мечте, там убеждают, что каждый может стать президентом. Но это не так. А у нас есть примеры, когда простой деревенский парнишка или девчонка занимают высокие посты, становятся выдающимися людьми в отдельных отраслях нашей жизни.

— Это же и ваш личный жизненный опыт…

— Да. Я вырос в деревне, сегодня в этой деревне живут мои сыновья. У меня двое внуков. Я не ходил в элитные школы — обычная деревенская школа. И эта школа воспитала двух губернаторов, трёх депутатов Госдумы, народного артиста России и Героя России. Это тоже мечта. Мечта, когда можно вырасти в глубинке и добиться в жизни многого, если об этом мечтать и к этому идти, то есть много-много трудиться. Мечта русского человека — это труд, через который можно исполнить свою мечту.

— По Брянщине действительно проходили нашествия. И крымские татары, и большая Орда, и француз подходил под стены Свенского монастыря, и фашисты. И каждое нашествие испепеляло, разрушало почти дотла. Чернобыль опалил, Чернобыль дохнул. И всё восстанавливалось. А Успенский собор в Свенском монастыре на моих глазах был возведён от корки фундамента до сверкающих куполов. И мне кажется, что сущность брянского человека и брянского народа — в его неопалимости. Как купина неопалимая. Цветок горит, а не сгорает, каждый раз вновь расцветает своей красотой. Уж, казалось бы, какие страшные были 90-е годы! Они смели на Брянщине по существу все заводы, всю техносферу, разрушили село. А сейчас — прекрасные ракетовозы, на которых, может быть, уже стоят те ракеты, о которых Путин говорил на своей пресс-конференции и которые уже в Сирии С-400 таскают. Или, например, агроцентры, которые вы мне показали, когда простые мужики создали хозяйство, которое выращивает до тысячи центнеров с гектара. Или чернобыльские земли. Люди не убежали оттуда. Производят культивацию, нуклиды побеждают. Мне кажется, что сущность Брянщины, через которую идут с Запада все мировые беды, в том, чтобы постоянно воскресать, вечно возрождаться, быть неопалимой. И в этом, думаю, брянская мечта: быть несгораемым, быть постоянно возносимым к самым вершинам человеческого и русского существования.

— Да, промышленность, сельское хозяйство были полностью разрушены. Но если мы сегодня возьмём тех же машиностроителей, то у нас есть крановый завод, который до 2000 года выпускал краны «Ока-75». Это была гордость тех времен. Если сейчас кому-то дать этот кран, то никто бы не смог на нём работать. А сегодня крановый завод выпускает краны и 50-тонные, и 40-тонные. Сделали 120-тонный кран. Это краны, которые строили и Крымский мост. Они сегодня 37% рынка России занимают. Это говорит о тех людях, которые там работают, которые могли в сложных условиях не упасть духом, выстоять, пойти вперёд. Наш автомобильный завод. Там сегодня выпускают большегрузное шасси для наших комплексов С-400, им сегодня нет равных в нашей стране. Они тоже тогда встали, завод был полностью банкрот. Но потом не просто поднялись, а сумели собрать коллектив, и сегодня выпускают машины, с каждым годом увеличивают выпуск, улучшают их технические характеристики. Или наш БМЗ, великий завод БМЗ. В советские времена работало 24 тысячи человек. Выпускал судовые двигатели. Был полностью обанкрочен. Но вот 3 года назад они за год построили, можно сказать, новый завод. Это завод, который сегодня выпускает линейные тепловозы для всей страны — 80% всех тепловозов выпускает один этот завод. Коллектив, который был собран, знал, что нужно делать и как делать. И у них не просто получилось, а там сегодня создано современное производство XXI века. В советское время там работало 24 тысячи, а сегодня работает 4 тысячи. Но продукции, которую они выпускают, в долларовом исчислении если взять, выпускается больше,

чем в советские годы. Это говорит о технологиях, об эффективности производства…

— И мечта.

— И мечта. Это производство сегодня позволяет туда привлекать молодые кадры — выпускников наших областных высших технических учреждений, университетов, платить им высокую заработную плату. И у них есть мечта, есть перспектива на ближайшие будущее, они понимают, что завод будет развиваться, и они могут работать, получать достойную заработную плату, создавать семьи, воспитывать детей. Это тоже мечта, неопалимая наша купина.

— Каждый край, каждая земля, где я бываю, имеют сейчас какой-то свой пилотный проект, какую-то жемчужину хотят создать, чтобы аккумулировать все имеющиеся ресурсы, выполнить свою чудесную задачу и на примере этой задачи вдохновить людей, перевести хотя бы часть своего бытия на другой цивилизационный уровень. На Ямале губернатор грезит гигантским арктическим проектом, когда он хочет провести две железнодорожные ветки, соединить через мост, через Обь, вывести ветку к берегу океана, где строится завод, создать громадную транспортную инфраструктуру. Они все на этом живут, дышат этим. А какая сверхзадача у Брянщины?

— У нас нет ни нефти, ни газа. Нет больших рек, нет выхода к морю. У нас есть наша область, где 33% — это леса, остальное — поля. У нас есть сегодня разноплановая промышленность — от тяжелого машиностроения до пищевой, перерабатывающей промышленности. Есть сельское хозяйство. И мы сегодня работаем по всем направлениям. Потому что у каждого региона — свои задачи. Есть задачи более крупные, есть более узкие. У нас они более масштабные. Можно даже нашу область сравнить с Европой, где нет природных ресурсов, но нужно жить, развиваться и идти вперед. И мы работаем по всем направлениям — и в промышленности, и сельском хозяйстве, и в жилищно-коммунальном комплексе, занимаемся развитием спорта, дошкольных учреждений, школ.

Мы в прошлом году обустроили в Брянске набережную, о чём мечтали жители, и лестницу по бульвару Гагарина. Это стало любимым местом отдыха жителей. Парк культуры и отдыха «Соловьи» начинаем благоустраивать. В прошлом году провели ремонт концертного зала «Дружба». В этом году выделили деньги на ремонт старейшего нашего здания — это ДК БМЗ, которое является центром культуры в самом большом районе города Брянска, Бежицком, где проживает 160 тысяч населения из 438 тысяч. Я считаю, что задача правительства Брянской области, наших муниципальных руководителей — развитие всей экономики региона, всех тех отраслей, которые есть в области. У нас глобального ничего нет: нет мощных нефтеперерабатывающих заводов… Но что есть, мы это развиваем.

— Что вас в последнее время огорчило, а что обрадовало как губернатора?

— Я не готов сказать, что огорчило. Всегда есть то, что расстраивает по мелочам, без этого невозможно. Радует — то, что мы в этом году прирастаем по всем направлениям. А если взять сельское хозяйство, то в России в этом году недобор зерна, а у нас будет даже немножко с плюсом. Год тяжёлый по климатическим условиям, я даже не помню такого тяжёлого года. Но если у нас технологии с весны работают, мы их внедряем, то это позволяет в тяжёлый год не упасть, а остаться на прежнем уровне. Мы в период с 2014 года по прошлый год увеличили производство зерна почти в 3 раза. Не на 20, не на 30%, а в 3 раза почти! И в этом году на таком уровне останемся, даже немножко подрастём.

У нас есть хозяйство «Добронравов Агро». Это буквально воплощение той мечты, которую сегодня можно реализовать на территории Российской Федерации. Руководитель предприятия, человек, который только в 2011 году занялся сельским хозяйством, не зная, что это такое, сегодня является одним из крупнейших производителей сельхозпродукции на территории Брянской области. И не только стал производителем крупнейшим, он, не имея высшего образования, работает как народный академик, с Терентием Мальцевым может посоревноваться по достижениям.

— Таких хозяйственников я трактую как брянское чудо. И Свенский монастырь образовался как чудо, чудотворная икона была явлена. Монахи крестными ходами ходили и иконами отогнали французов. Не пушками, а иконами, крестными ходами. Появление этого собора в одночасье, как будто какой-то сказочный Иван-дурак его построил за ночь, это чудо. Брянщина на чудесах стоит. Спасибо, Александр Васильевич, за приём и беседу.

— И вам спасибо, Александр Андреевич, за такое тёплое отношение к нашему краю.

Югорская мечта

Я — молодой художник, жадный до новых впечатлений, желающий описать грохочущую, устремлённую в будущее жизнь могучей страны, двигался вниз по Оби на танкерах, сухогрузах, баржах. И вместе со мной на север плыли в разобранном виде целые города, причаливали к диким берегам, покосившимся пристаням. И на берег катилось железо, стальные буровые, турбобуры, алмазные фрезы, панели домов. В этой кромешной работе, среди ливней и красных зорь, возникала русская нефтяная цивилизация, вставали из топи и мерзлоты города.

Теперь, через полвека, я восхищаюсь Сургутом, чудесным городом на берегах великой Оби, Нефтеюганском, Нижневартовском — созвездием восхитительных городов, сверкающих стёклами, разноцветным бетоном, нержавеющей сталью, золотом храмов. И среди них — Ханты-Мансийск в ослепительной красоте своих школ, университетов, супермаркетов, ночных бриллиантовых огней. Изумительный город, воздвигнутый на месте древних языческих капищ, на перекрестье сухопутных и водных дорог, по которым Русь, перевалив Урал, двигалась на восток всё дальше и дальше к Тихому океану в сокровенном желании узреть бесконечное, заглянуть за окоём, за тридевять земель, в поисках земли обетованной. Это великое пространство, куда восточными склонами скатывается Уральский хребет, гранитные отроги, березняки, сосновые чащи, брусничники, откуда взлетают стаи тетеревов, сочные мхи, по которым бродят тысячные стада оленей, всё это — родина малых северных народов, каждый из которых несёт свою тайну, свою небесную звезду, свою божественную истину. Это место зовётся Югрой.

Среди нефтяных полей и зимников, по которым дни и ночи мчатся грузовики, бензовозы, выступая в университетах, окружённый молодыми, с чудесными лицами людьми, вопрошающими меня о том, о чём я с высоты своих лет уже не ведаю, а только догадываюсь, только стремлюсь догнать убегающий век, я хотел понять, куда уже тысячу лет движется этот вал народов, поток энергий, это влечение сильных, непобедимых духом людей? О чём их югорская мечта, в чём их потаённая вера? Что движет их по бескрайним просторам Евразии среди великих рек, хребтов и океанов?

Одна из площадок Приобского нефтяного месторождения, где стальные трубы днём и ночью сосут сокровенную нефть. В глубину земли уходит сталь, работают насосы, гудят трансформаторы. Ревёт, утекая под землю, вода под огромным давлением. Геологи слушают жизнь подземных пластов, откуда силой машин, энергией насосов выкачивается нефть. Каждая скважина — это мини-завод, где вечная земная материя встречается с рукотворной машиной, где в сложном подвижном взаимодействии сочетаются законы геологии с законами физики и химии, электроника улавливает тончайшие изменения в работе скважин, компьютеры следят за балансом множества параметров нефти, пульсирующей на огромной глубине. Здесь, на этой площадке, сводится воедино вечное и сегодняшнее, человеческое, машинное и земное, возникает сложнейший синтез природы и техносферы, здесь дышит уче-

ние Вернадского о ноосфере, которая творит новую землю, новую геологию. Югра — это место, где природа сливается с машиной, человек одухотворяет природу, драгоценно мерцают приборы, отражающие небесные радуги.

Русская нефтяная цивилизация, возникшая среди льдов и снегов, есть часть вековечного русского дела, преображающего льды и пустыни в места цветения и творчества.

Здесь, в Югре, среди древних капищ, рыбных ловов и оленьих угодий живут ханты, манси, лесные ненцы, селькупы — изумительные в своей неповторимой красоте народы, каждый из которых драгоценен для России, привносит в неё свой дивный мазок, свой прекрасный звук, своё отражение небесного свода. Душа человеческая среди ревущих бетонных трасс, стальных буровых, грохочущих в небе вертолётов, дивная природа, отношение к которой благоговейно. И это не просто экологическое мышление и этика, это благоговение перед жизнью, это обожествление природы, которая прощает человеку его огрехи, сберегает его под своим покровом, соединяет человека с добрым, светоносным, бессмертным.

Югорская мечта — это не просто мечта о благополучии, об одухотворённой человеком машине, о сбережённой природе, о соединении современной цифровой цивилизации с реликтовой берестяной красотой. Югорская мечта — это обожествление жизни во всей её полноте, преклонение перед жизнью, это внесение в труд человека, проходящего среди природы, молитвенной бережливости, божественного поклонения.

Югорские интеллектуалы объясняют нам родной край как соединение народов, извечное перемещение их, обогащение друг другом. Это то народное многоцветие, которое свойственно России и сотворяет её из неповторимых культур, языков и космических устремлений. Югра — то место, где шаманы встречались с первыми христианскими проповедниками, и деревянные храмы стояли рядом с языческими капищами.

Сюда в советские времена пришла первая волна народов Кавказа — волна, которая не иссякает и поныне. Та волна, где возник могучий пассионарный взрыв нефтяных открытий. Волна, среди которой азербайджанец Фарман Салманов стал богатырём Самотлора, гением советской нефтяной цивилизации.

Теперь, как поведал нам местный владыка Павел, христианская литургия в отдалённом посёлке, где только что возведён православный алтарь, соседствует с традиционными плясками и песнопениями хантов и манси. Прихожане — ханты и манси, являясь в православный храм, поклоняясь Христу, в глубине своих чувств несут обожание к природе, обожание к солнцу, для них Христос и есть солнце. И батюшки, которые ставят в пустынных местах алтари, бережно относятся к культурным поверьям, не топчут, не бранят, а влекут к себе сердца недавних язычников своей любовью, добротой и терпимостью.

Местные интеллектуалы — это не провинциальные последователи новомодных столичных витий, не те, что робко повторяют постулаты столичных философов. Это блестящие молодые мыслители, управляющие категориями геополитики, носители евразийского сознания, открывающие в своей чудесной земле её сакральные центры, те благодатные точки, где на протяжении тысячелетий возникали потоки пассионарных энергий, в том числе и недавняя советская нефтяная страда.

Сегодня Югра — драгоценное место, где зарождается новый русский порыв. Место, где трудятся могучие нефтяные корпорации, уходящие всё дальше на север, окунающие трубы своих буровых в Ледовитый океан. Югра — то место, что питает новое государство Российское не только нефтью и газом, но и энергией нового исторического творчества. Нефтяники, дорожники, университетские профессора — это люди упорного порыва, бесконечного трудолюбия и поиска. Их увлечённость выше всяких заработков и достатка, она зовёт людей всё дальше и дальше на север в голубые полярные льды, там чудится им благословенная земля — Беловодье, где нет болезней, печалей, нет лжи и насилия, стяжательства и эгоизма, где люди живут — как цветы цветут, где все сливаются в братских объятиях. Откуда это царство добра и божественного откровения распространится по всей России, и дальше — по всему белому свету, ибо русское счастье невозможно среди людского горя, и Русская мечта о божественной справедливости включает в себя благо и счастье для всех земных народов.

Югорская мечта невыразима простыми словами. Это не цель, не конкретный план. Она невыразима, как божественная тайна. Возможно лишь приближение к ней в рисунке, в стихе, в молитве, в человеческом подвиге. Эта мечта о звезде пленительного счастья, о Полярной звезде движет русского человека на край земли, где он непременно найдёт тридесятое царство, потому что там, где кончается Россия, где проходит её прочерченная по небу граница, там сразу начинается Царствие Небесное.

Сегодняшнее поколение арктических странников, югорских землепроходцев, северных философов и художников, спуская на воду ледоколы, создавая богатства нефти и газа, строя по ледовой кромке военные радары дальнего обнаружения, занимаясь кромешной земной работой, никогда не забывало о небесах.

Арктика намолена. Арктика — это храм русской красоты и обожания. Поезжайте в Югру, отведайте душистой строганины, подержите в руках бутыль с горячей нефтью, восхититесь искусством изумительного художника из народа хантов. Побеседуйте с губернатором Натальей Владимировной Комаровой, которая своей женской дланью правит этими огромными пространствами. Побывайте на ночных буровых, где сталь звенит от непомерных морозов. Прокатитесь по зимнику, где усталый водитель гонит свой бензовоз под полярными радугами. И вы почувствуете, что такое югорская мечта, и вы станете югорским мечтателем.

Цель и мечта

Указы, с которых Путин начал свой новый президентский срок, — это обращение к строителям, инженерам, губернаторам, депутатам, обращение к людям дела, точного расчёта, к рациональным политикам и творцам. Исполнение этих указов потребует огромных энергий, будет сопровождаться взлётами и падениями, черновой, иногда кромешной работой. Эти указы должны улучшить нашу земную жизнь, обустроить наше земное общежитие, сделать возвышенней и гармоничней наше русское общество.

Среди этих жёстких программ, обеспечивающих долгожданный рывок, нет обращения к художникам, писателям, к монахам и духовидцам. Но это только кажется. Такое обращение есть. Оно негласное, оно подразумевается. Ибо эти указы, рождённые в конкретное время, на сегодняшнем этапе русской истории, продлевают вековечное русское время, связаны с предшествующими великими русскими трудами по созданию и сбережению государства Российского. Куликовская битва или создание русского флота, написание великих русских опер или строительство советских промышленных гигантов, беспощадные схватки с врагом, увенчанные великой победой сорок пятого года, — всё это укладывается в линию русской жизни. Историк, философ, поэт способны усмотреть в этих указах их возвышенную сущность, уловить среди тяжёлых земных работ лучезарное русское чувство, которое дышит в пушкинских стихах, в операх Мусоргского, на страницах «Тихого Дона».

Эти президентские указы появились в нелёгкое для России время, когда недруги сжимают вокруг России кольцо, когда страну хотят опрокинуть в бездну, лишить её надежды, выкинуть из истории. Сегодня мы в очередной уже раз проходим сквозь игольное ушко русской истории. И это требует от нас огромного напряжения и огромного терпения, преодоления уныния и духовных немощей, упования на неизбежность русской победы.

Эти указы есть очередная ступень в строительстве нового государства российского, которое возникло из бездны девяностых годов. Как хрупкое дерево, оно покрывалось листвой, кроной, тянуло свой ствол ввысь, проходя сквозь пожары и наводнения, уклоняясь от вражеских топоров, желающих его срубить. В этом взрастании были кавказские войны, Норд-Ост и Беслан. Но был и Крым, была новая победоносная армия, было преображение Москвы и Петербурга, ставших самыми красивыми городами мира, было чудотворное возведение Грозного, возведение дивных монастырей и могучих оборонных заводов.

Мы преодолели безвременье, наступившее после распада великого Союза. Мы переплыли это ядовитое кислотное море, вышли на берег по шатким мосткам, выбрали дорогу, мостили гать, клали булыжную мостовую, постепенно превращая её в автостраду, по которой двинулось молодое государство Российское.

Президентские указы — ещё одна метка, которую мы оставляем в бесконечном русском времени. Ещё один час, который мы проживаем в бесконечной русской истории. И все наши взлёты, потери, ужасные поражения и восхитительные победы, обретение великих героев и мучеников — это следование за нашей мистической путеводной звездой, звездой пленительного русского счастья. Эта звезда светит в каждую душу — самую опечаленную и гиблую, и не даёт ей погибнуть. Этот путеводный светоч и есть Русская мечта.

Указы президента в их экономической и политической форме, обращённые к технократам, к хозяйственникам, управленцам заводов и корпораций, эти указы одухотворяются Русской мечтой, наполняют её рациональным содержанием, опускают мечту на землю, чтобы она взмыла потом ещё выше и сияла ещё восхитительней.

О чём мечтает русский народ, на что уповает во все тысячелетия своей истории, начиная с языческих сказочных времён и кончая сегодняшней цифровой реальностью? Волшебные сказки, которые мы читали, перелистывая чудные книги с иллюстрациями Билибина. Молодильные яблоки, волшебное одоление старости, немощи, дряхлости, преодоление хвори, преодоление самой огромной несправедливости на свете — смерти — с этими древними сказочными мечтаниями связан указ президента о продлении земной человеческой жизни, о создании новых больниц, сверхсовременных медицинских центров, которые должны победить болезни и продлить человеческую жизнь, сделать многолюдными наши сёла и города. Русские космисты, такие как великий мечтатель Николай Фёдоров, создали сказочную небывалую утопию, согласно которой возможно воскрешение мёртвых. Современные люди должны соединиться в едином духовном стремлении, чтобы своим братством, своими трудами и радениями воскресить безвременно ушедших отцов. Разве не дышит это учение в указах, побуждающих нас стремительно развивать науки и цифровую реальность? Совершенствовать нашу общественную жизнь, душу отдельного человека и всего нашего общества, ибо по Фёдорову сказочное воскрешение возможно, когда сольются воедино великая наука и великая нравственность. И эта сказка о бессмертии, как и фёдоровская утопическая мечта, начинает брезжить в закрытых лабораториях, где строят искусственный интеллект, где озарённый человек благоговеет перед всякой жизнью — жизнью цветка и звезды, продлевая эту жизнь не только себе и ближним, но и мирозданию, сберегая вселенную от тепловой смерти.

Русский народ мечтал и продолжает мечтать о божественной справедливости, о благом устройстве земной жизни, о гармонии в отношениях между людьми, где сильный протягивает руку слабому. Где гордец или кичливый богач всегда проигрывает народному простаку, несущему людям добро. Именно на это стремление к гармонии, к преодолению мучительного неравенства, терзающего наше общество, направлен президентский указ

о преодолении бедности. Но только гармоничное общество, объединённое высшей целью, осенённое русской мечтой, способно осуществить прорыв, долгожданный рывок, к которому ведут президентские указы.

А скатерть-самобранка? Расстели её, и появятся на ней все яства, все царские блюда. А волшебный горшочек, в котором варится каша, и её так много, что она может напитать весь люд, насытить все города и селения? И всякий будет сыт и доволен. А удачливые молодцы, которые в одну ночь могут построить небывалой красоты дворцы, чудесные города? Ведь это всё та же Русская мечта о семейном благе, о достатке, о крепкой крыше над головой, о красоте и порядке в наших сёлах, где больше не будет хрущоб и свалок. И там, где сегодня унылые, закопчённые посёлки, с мёртвыми остановившимися заводами и печальными жителями, там возникнет город-сад. Тот самый, о котором мечтал Маяковский. Тот самый, о котором мечтали раненные войной, в линялых гимнастёрках садовники, разбивая сады на разорённой войной земле. Об этом говорят указы президента, изложенные сухим языком государственных уложений, но таящие в себе вековечную Русскую мечту о райских садах.

А ковёр-самолёт, а русский Икар, что карабкается на колокольню, и оттуда летит на крыльях из бересты и воловьей кожи, ликует и славит Господа перед тем как упасть и разбиться? А страна, которая пахала землю деревянной сохой, а потом, благодаря великой мечте, стала страной космических станций и ядерных установок? Об этом говорит указ о цифровой экономике, о народившейся цифросфере, потрясающей в своей сложности, красоте и опасности, цифросфере, которая вдруг явилась в наших семьях, в наших учебных классах, на поле боя, на огромных заводах и в громадных корпорациях. Сегодня цифра помогает взращивать пшеницу, проектировать сверхсложную машину, создавать сверхскоростные дороги. Всё это невозможно без вездесущей цифры, которую уже нельзя отвергнуть, а нужно понять, принять и одухотворить, сделать её помощником в наших духовных и трудовых победах.

Указы — это поставленные цели, так как они ставились в прежние века, будь то уложения царей или директивы партийных съездов. Эти поставленные цели были достижимы, иногда целиком, иногда не в полной мере. Достижение этих целей передвигало страну с одной цивилизационной ступени на другую.

Но цели отличаются от мечты. Мечта недостижима. Недостижима Полярная звезда. Мечта — это то, что существовало всегда, изначально, от зарождения народа в его непрерывном пути и странствии. Мечта соединяет людей с абсолютным благом, с абсолютным совершенством, с абсолютной красотой и любовью. Мечта — это путь. Не из Петербурга в Москву. Не с Земли на Марс. А в то незапятнанное, неосквернённое, прекрасное в своей недостижимости будущее, которое, едва мы его коснёмся рукой, вновь удаляется в бесконечность.

Цель — это только ступень к великой мечте. Этих ступней бесчисленное множество. По мере того как мы поднимаемся по этим ступеням, соскальзывая и падая, мечта остаётся недостижимой и путеводной. Она спасает нас в самые страшные периоды нашей истории, она ведёт нас, и мы плывём за ней на обломках разбившегося в бурю корабля через пучину исторических вод, доплываем до нового берега, выходим на сушу и вновь строим наше великое государство.

По образованию я — инженер. Чувствую красоту математики, физики, самолётного крыла или отточенной лопатки турбины. Я занимаюсь политикой, принадлежа к тем, кто зовётся государственниками. Я вижу в государстве оплот и опору народной жизни. Есть государство — и есть народ. Исчезло государство — и народ превращается в пыль, в рассыпанное зерно, которое жадно расклёвывают слетевшиеся на обочину вороны. И сегодня, как и в прежние русские времена, мы живём мечтой. Вокруг нас столько неурядиц, много безжалостной несправедливости, много унывающих, казалось, погибших душой людей. Но эти временные напасти преодолимы. Мы живём с упованием на неизбежность нашего русского торжества. С этим упованием и мечтой мы идём в Бессмертном полку. С этой мечтой мы строим на Дальнем Востоке порты, трубопроводы и космодромы. С этой мечтой мы стремимся преодолеть терзающие нас распри, ненависть, внутренние неурядицы. С этой мечтой мы обращаемся к богачам и толстосумам, хотим достучаться до их совести, до их оглохших сердец. Пусть поймут: всё, чем они владеют, всем этим они обязаны русскому народу, русским лесам, русским недрам. Всем они обязаны русскому государству, которое не отдаёт их на растерзание более сильным заморским стяжателям. И пусть докажут своему народу, что они — не слепые стяжатели, не ненасытные поедатели благ, рассматривающие Россию как добычу, пусть станут достойной частью нашего общества и народа. А на баснословные прибыли, которые они получают, пусть строят не заморские кабаре, не содержат заморские футбольные клубы, не питают заводы и лаборатории чужих цивилизаций, которые зачастую действуют против России, против их Родины. Пусть не забывают, что построенные на эти деньги американские огнемёты нацелены на Россию.

Не боюсь показаться наивным, веря в преображение этих жестоковыйных людей. Ибо у них нет выхода: либо снискать доверие народа и государства, либо опрометью бежать из страны, туда, где их ждёт неизбежное разорение.

В нашей истории есть иные примеры. Демидовы и Строгановы, жестокосердные купцы и промышленники, они не просто набивали мошну — они служили царю и России. Демидовские пушки громили шведов под Полтавой и Нарвой. А строгановские иконы с их божественными цветами и волшебными листьями, строгановские белые церкви — это чудо нашего русского искусства.

Указы Путина говорят об экономических и научных свершениях

огромного масштаба. Они требуют специалистов, строителей новых мостов и дорог, врачей и ядерщиков, электронщиков и управленцев. Но я ожидаю, что эти указы в самом начале их воплощения вдохновят художников и писателей, и их творения тронут глубинные народные коды, и эти коды, разбуженные великолепными словами и образами, образами Русской мечты, поднимут из донных глубин фантастические русские энергии, которые помогали нам одолеть все разрухи и неурядицы, все смутные времена и нашествия.

Есть указы великих князей, царей и вождей. Есть указы президента России. Но все они и есть заветы, ведущие наш народ к незатмеваемой Русской мечте.

Божественная справедливость, соединяющая власть и народ, соединяющая все сословия, соединяющая машину и природу, полевой цветок и звезду небесную, — это и есть главная русская цель. Это и есть главное русское слово жизни, которое уже трепещет на русских устах и которого ждёт сегодняшний пребывающий в заблуждениях мир. Пусть партия власти станет партией Русской мечты. Пусть президент России станет президентом Русской мечты.

Ты – Роза Мира

Народу всё трудней. Жизнь всё беднее и несправедливее. Всё мутнее, а порой непригляднее божественное солнце Крыма. Пенсионная реформа, которой власть, как кипятком, ошпарила народ. Цены растут стремительно, как бамбук, пронзая своими остриями семейные кошельки. Миллиардеры ненасытно богатеют, презирая и издеваясь над беднеющими врачами и учителями. Политические комментаторы, изнурённые ложью. Их глаза, исполненные неправдой, бегают всё быстрее, как ртутные шарики. В народе взбухает угрюмое недовольство, как загадочный гриб, выдавливающий из асфальта чёрный пузырь.

Как реагируют на эту тяжёлую, назревающую напасть различные слои нашего расколотого, разношёрстного общества? Огромная часть угнетённых людей уже больше не ропщет, а живёт, опустив глаза в землю. Покорные, впадающие в спячку, готовые в этой спячке пережить бесконечную русскую зиму, как это не раз бывало в русской истории. Другие, исполненные гнева и раздражения, клянут власть и банкиров, которые сосут денно и нощно русскую кровь, сливая её в бездонную цистерну мировой экономики. Третьи пытаются бороться с напастью, протестуют, ходят на демонстрации вокруг помоек и мэрий, пишут петиции, уповают на президента. Четвёртые пытаются прильнуть к власти, оставляют недавних товарищей, свои прежние убеждения, хвалят тех,

кто называет пенсионную реформу великим пенсионным прорывом.

Богачи-миллиардеры, получив из рук Ельцина и Гайдара русские нефть и газ, русские алмазы и древесину, не боятся народа. Хохочут и глумятся над ним, считают его безответным быдлом, который стерпит любое над собой надругательство, продолжают свой длящийся с девяносто первого года пир, расставляя свои столы на костях великого красного государства.

Что мне делать среди уныния и безнадёжности, среди глумливого хохота и едкого нигилизма? Я продолжу говорить о Русской мечте. Говорить своему народу, что он самый прекрасный, великий и непобедимый. Что он во все века своей священной истории принимал на себя всю мировую тьму, преображая её в свет. И в этой извечной русской работе он терял миллионы лучших своих сыновей. И теперь народ превозможет эту тьму, не потеряет свою мечту о великом государстве, о праведном бытии, о справедливой жизни, мечту, которая вела русских людей от пожара в пожар, от победы к победе.

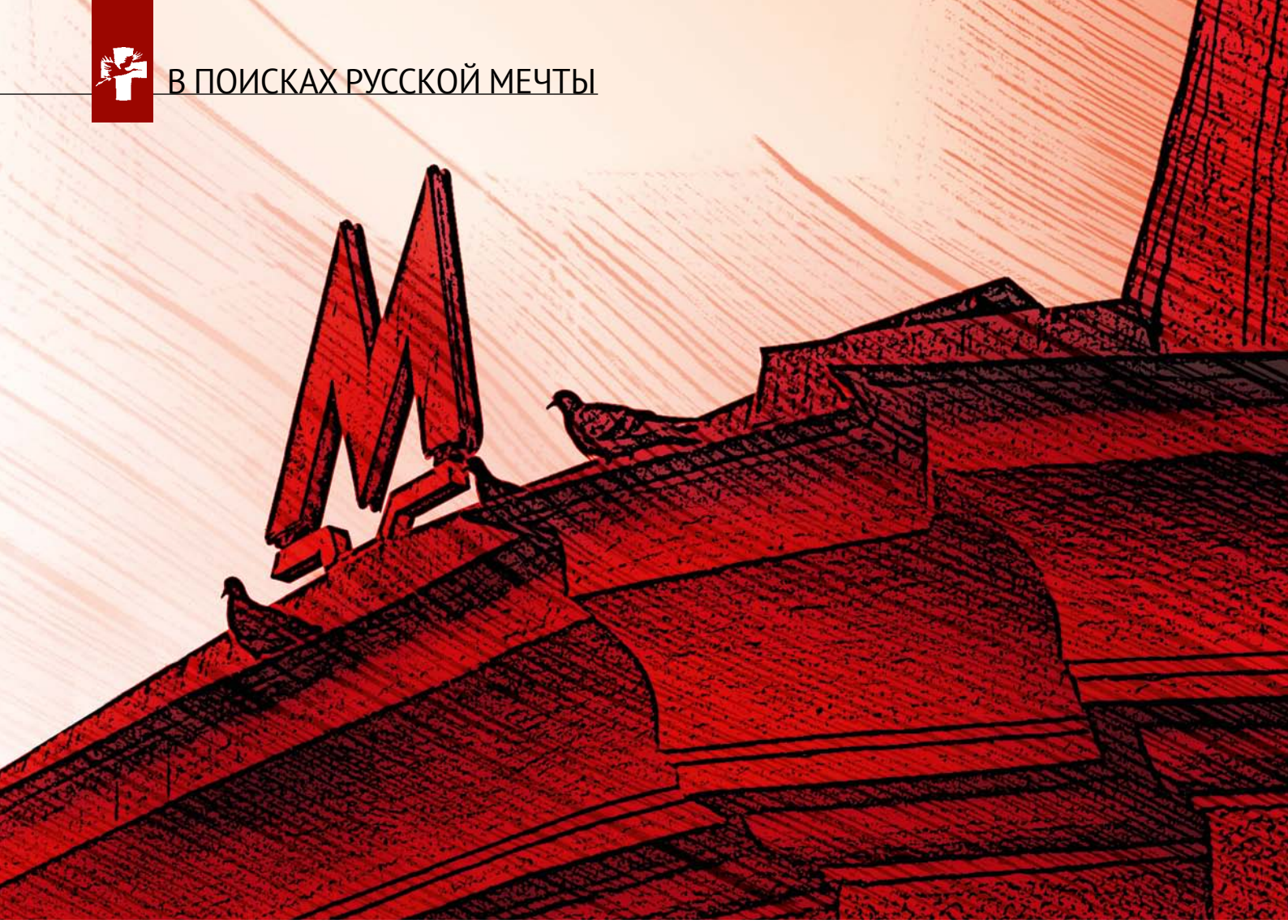
Злые колдуны, которые своими речами множат в народе уныние, опустошённость и безнадёжность, эти чародеи тьмы хотят, чтобы русские потеряли свою мечту, больше не отрывали глаз от земли, не видели над собой звезду пленительного счастья.

Сегодня русские праведники, художники, духовидцы встают на пути адского ветра. Не дают погаснуть свече государства Российского, соскребают копоть с русского солнца, поют и проповедуют Русскую мечту. Даже в самые страшные дни войны и невзгод, в окопах и в карцерах Русская мечта вдохновляла божественную русскую душу.

На космодроме Плесецк, где в небо уходят тяжеловесные «Тополя» и «Ясени», ракета «Ангара» — угрюмое русское оружие, в Доме офицеров, когда я рассказывал испытателям, утомлённым тяжкой и опасной работой мужчинам о Русской мечте, я был поражён множеством глубоких суждений о Русской мечте, которая никуда не исчезла среди ракетных пусков.

А один офицер спросил меня, что я думаю о книге Даниила Андреева «Роза Мира». Его вопрос восхитил меня. В этих лесных архангелогородских местах, среди секретного космодрома, где по дорогам к стартам движутся тяжеловесные ракеты и летят над лесами их пылающие свечи, среди этих испытателей, учёных, конструкторов есть люди, которые читают Даниила Андреева с его «Розой Мира». Значит, они исповедают религию Русской мечты, потому что «Роза Мира» и есть Русская мечта. Даниил Андреев писал свою книгу в одиночной камере Владимирского централа. И мечтал не о своём избавлении, не о мгновении долгожданной свободы, а о том, чтобы над миром расцвела Роза Мира.

Русский человек чувствует свою бесконечность, своё божественное происхождение, своё небесное служение. Взращивает эту Розу среди огненных ливней и студёных морозов. Каждый русский — это Роза Мира. Каждое наше сердце — это вместилище Русской мечты. Прислушайся к тайным биениям своего сердца, и поймёшь, что Роза Мира — это ты.



От партии власти к партии Русской мечты

Состоявшиеся во многих регионах выборы губернаторов были неудачей для «Единой России». В прежние годы «Единая Россия» побеждала повсеместно с ошеломляющими результатами, оставляя остальные политические партии на обочине, где они, задыхаясь, глотали пыль, поднятую промчавшимися победителями.

«Единая Россия» накрывала страну рифлёным железом, имеющим прочную металлическую основу и лёгкую рябь, которая была поднята не политическими ветрами, гуляющими

над Россией, а являлась конструктивной особенностью кровли. На этот раз в некоторых местах кровля просела. В Приморском крае, в Хабаровске, в Хакасии, во Владимирской губернии «Единую Россию» постигла неудача. Она просела в первом туре, а кое-где попросту ушла из предвыборной борьбы. Это говорит об ослаблении партии власти, росте к ней народного недоверия. Иначе и быть не могло. Народ стремительно беднеет. Экономика свёртывается в свиток. Пенсионная реформа воспринята с открытым негодованием. Бесчинства властных чиновников становятся нетерпимыми. Народ откликается на это не тяжёлыми булыжниками мостовой, а бумажными бюллетенями.

Но, с другой стороны, этот проигрыш «Единой России» свидетельствует о том, что избирательная практика стремится очиститься от чудовищных проявлений административного ресурса. Вбросы бюллетеней, фальсификация выборов, давление на избирателей, тотальная пропаганда в СМИ, безответность политических конкурентов — всё это приводило к тому, что «Единая Россия» безусловно побеждала во всех регионах. Но теперь власть решила смягчить, а в некоторых регионах уменьшить своё присутствие в выборном процессе. Это явление говорит о переменах, хотя ещё и слишком робких, во всём российском политическом процессе.

Народное недовольство, закупоренное в жёсткие оболочки, достигает такого давления, что эти оболочки начинают вибрировать на пределе своих возможностей и уже почти не в состоянии сдерживать народное негодование. Проигрыш «Единой России» в нескольких важных российских регионах — это не только горькое для партии власти явление, но и положительный опыт осторожных перемен в избирательном процессе.

В любом случае уроки губернаторских выборов станут предметом изучения и дискуссии, пусть и закрытой, в недрах «Единой России». В партии назрели перемены. Партия тяготится своей неподвижностью, своей одномерной функциональностью, когда её роль ограничивается единственной задачей — воспроизводить власть из года в год, придавая ей легитимность и парламентское обоснование. «Единая Россия» не является партией в общепринятом смысле. Она — упрощённая функция исполнительной власти. Состоящая из сильных, активных, иногда очень ярких и талантливых людей, она обрекает их на усечённое политическое существование, что вызывает внутренний глухой ропот.

Попытки реформировать партию предпринимались и в прежние времена. Её хотели разделить на две фракции — консервативную и либеральную, намеревались возобновить практику внутрипартийных дискуссий. Однако от этого отказались. Теперь же, после выборов, разговоры об изменении в партии идут с новой силой. Классическая партия — это не только фаланги пальцев, с помощью которых бюллетень засовывается в щель урны. Партия — это интеллект, интеллектуальный и идеологический штаб, где формируется стратегия, образ будущего. Происходит управление историей, чуткое реагирование на любые перемены, на любые угрозы и вызовы. Это не однообразная рябь на рифлёном железе, это мерные всплески электронного луча на экранах мониторов.

Какой быть партии власти в этот сложный период русской истории, когда кажутся исчерпанными методы традиционной пропаганды, когда народ устал от изнурительных и бессмысленных ток-шоу, когда обещания и заверения правителей перестают восприниматься на веру и лишь усиливают недовольство?

Партия власти нуждается в идеологии. И необходимо вырабатывать эту идеологию не в узком кругу политологов и утомлённых политиков, а в живом и открытом политическом процессе, в котором народ и государство проходят сквозь игольное ушко. И опираться при этом не только на материальные ресурсы: финансы, законы, пропаганду, силовую составляющую. Но и на глубинные, пребывающие в народе коды. Они оживают в трудные времена и позволяют народу переплывать чёрные периоды русской истории, по хрупким мостам переходить пропасти, которые разверзаются в недрах русского времени. Об этих кодах знали великие российские правители. Они не пренебрегали всем арсеналом традиционных политических средств, но оживляли эти коды, воздействовали на них, открывая в народе резервуары колоссальных энергий. Народ в тягостную годину начинал понимать своё историческое предназначение, секрет своей непобедимости, уникальность и красоту своей истории и своего государства, каким бы жёстким, а иногда и жестоким оно ни было.

Эти коды, действующие на протяжении всей русской истории, составляют содержание Русской мечты. Той мечты об идеальном бытии, о справедливом обществе, о которой говорили все русские ясновидцы, русские художники, великие русские преобразователи. Русская мечта является незыблемой, переходящей из века в век идеологией российского народа и государства. В каждый период истории эта мечта одевается в свои собственные ризы, в ней звучит своя музыка. Но суть её остаётся прежней. Партия власти, которая так нуждается в идеологической составляющей, могла бы обрести её, исповедуя религию Русской мечты, обретая философию Русской мечты, обращаясь с этой мечтой к народу, измученному непомерными ценами, скверными дорогами, отсутствием учителей и врачей, безобразиями в управлении. Эта мечта поможет народу преодолеть бездорожье, выжить при непомерной дороговизне, не взорваться и не взяться за вилы, наблюдая бесчинства чиновников. Пусть внимание партийных лидеров «Единой России» будет привлечено к драгоценному завоеванию русского народного сознания — к Русской мечте.

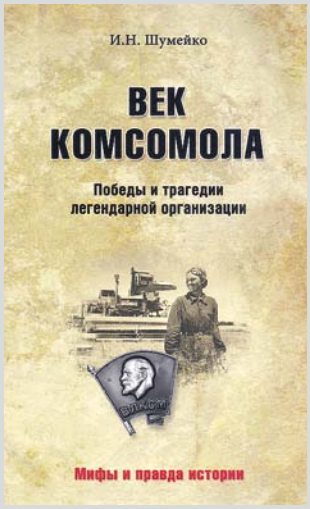
Я.Ю. ТРИФАНКОВ, Ю.Т. ТРИФАНКОВ, С.В. УШКАЛОВ, Л.И. ЗАХАРОВА, Е.Н. АБОВЯН
Брянские партизаны: на переломе войны —
Брянск: БГТУ, 2018. — 223 с.

В настоящее время, когда активно, агрессивно и нагло идет мировая кампания фальсификации истории, затеянная мировой закулисой ради пересмотров итогов Второй мировой войны, для нас — войны Великой Отечественной — особенно важны и нужны книги по истории нашей страны, основанные на документах, фактах, ранее не публиковавшихся документах. Данная монография является продолжением работы «Брянские партизаны. Начало», выпущенной этой группой авторов в 2017 году. Труд рассматривает историю партизанского движения на Брянщине. Проделана огромная работа по изучению архивов, разного рода документов. Изучено взаимодействие партизан с частями Красной Армии, с местным населением, в книгу включены воспоминания участников событий, приводится хроника событий того героического времени. Удивительные свидетельства — планы действий партизанских отрядов, отчёты о боевых операциях. Вот «Примерный план действий п/о «За власть Советов». 10 января 1943 года уничтожить гарнизон противника в с. Игрицкое, Войка. Задачи: обеспечить проход в Хинельские, Федючинские леса. Разгромить группировку противника в Севске с увязкой с бригадой им. Дзержинского с задачей уничтожить промышленные объекты, маслозавод, электростанцию, штабы противника».

Александр ПРОХАНОВ. Певец боевых колесниц —
М.: Флюид ФриФлай, 2019. — 320 с. (Книжная полка Вадима Левенталя)

«Две новые повести Александра Проханова («Певец боевых колесниц» и «Священная роща») написаны в духе пушкинской прекрасной ясности», — говорится в аннотации к книге, включающей новые работы писателя. Пушкинская ясность. Да. А ещё прохановская метафоричность и кинематографическая образность, когда всё, о чём читаешь, предстаёт перед глазами. Но повести ли это? Если оценивать формально, по объёму текста, то, возможно, и повести. Однако содержание столь глубоко, что не всякий автор сможет развернуть это содержание в самом большом романе. Путь в царствие небесное. Какой он? Через что проходит человек. Прежде чем войти в него? В «Певце боевых колесниц» отставной генерал внешней разведки Виктор Андреевич Белосельцев, герой не первого романа Проханова, идёт в путь свой. И вот: «Он был дома, был принят в Царствии». Неслучайно Александр Проханов часто вспоминает надпись на воротах одного западноукраинского кладбища: «Мы уже дома, а вы в гостях».

В «Священной роще» маги-дендрологи задумали заговор против России. Одержат ли они победу? Сработают ли потусторонние силы против нашей страны?



Игорь Шумейко. Век комсомола. Победы и трагедии легендарной организации. –
М.: ООО «Издательский дом «Вече», 2018. — 336 с.

Книга писателя Игоря Шумейко «Век комсомола. Победы и трагедии легендарной организации» — это новый взгляд на историю ВЛКСМ, самой большой общественно-политической организации СССР, школу которой прошли более 200 миллионов человек.

«Перезагрузочный подход» (определение, утвердившееся за книгами Шумейко начиная ещё с первого его издания «Вторая мировая. Перезагрузка», 2006) — даёт новый взгляд на привычные факты. Оригинально истолкованы совершенно разные исходные мотивы «шефства ВЛКСМ» над Военно-Морским флотом (1922) и Военно-Воздушными Силами (1931).

Роль ВЛКСМ в Победе зафиксирована в малоизвестной оценке маршала Жукова, который в 1972 году был в опале и потому не был связан с выверенными официальными формулировками.

Философ Александр Зиновьев в одной из бесед сказал фразу, ставшую знаменитой: «Целились в коммунизм, а попали в Россию». Игорь Шумейко, отвечая на критику Егора Гайдара о «бессмысленных» ударных комсомольских стройках, утверждает: «Строили коммунизм, а построили Россию».

Многие темы, затронутые в книге, были апробированы Игорем Шумейко в авторской колонке «Битва за Историю» в газете «Завтра».

РОДНОЕ МОЕ

НАШ ПАТОМ
СКОН